

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132—0831

1982 6

Юрий Августович Холуманис — народный судья Кировского районного народного суда города Риги. Сын крестьянина из Валкского района, он закончил отделение права экономико-юридического факультета Латвийского государственного университета им. П. Стучки. Первый раз был избран народным судьей в 1965 году. И с тех пор в каждые выборы избиратели снова и снова оказывают ему доверие. А он с честью выполняет возложенные на него обязанности — быть стражем закона и справедливости.

Фото В. Зимина

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

6 (138) ИЮНЬ 1982
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

**Издательство
«Известия Советов
народных депутатов
СССР»
Москва**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. М. Сиренко

(главный редактор),

Н. А. Гаврилова, И. В. Гранкин

(заместитель главного

редактора), **И. К. Ковалев,**

И. Н. Кузнецов, Г. П. Политыко

(ответственный секретарь),

А. М. Рекунков, П. И. Седугин,

Ю. С. Семенов, А. Я. Сухарев,

А. М. Филатов, Ю. М. Чурбанов.

Адрес редакции:

129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский просп., 22.
Телефон 281-68-12.

В НОМЕРЕ

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

К выборам в местные Советы народных депутатов

О. КУТАФИН. Народный депутат 4

В Министерстве юстиции СССР 13

В. КОЗАК, В. ХАРИТОШКИН. Правовые меры борьбы с пожарами 16

К 60-летию образования СССР

ДЖУБАН МУЛДАГАЛИЕВ. Дружбой сильны. Раздумья писателя 22

Л. КУЛИКОВА. В песках Каракумов 27

СОБЕСЕДНИК:

Выездная редакционная летучка. Читатель обсуждает материалы рубрики «Растить гражданина» 33

О друзьях-товарищах

И. СТАРОДУБЦЕВ. День за днем 39

С. КУЗИН. Пока не грянул гром 41

Из блокнота судьи

А. УТКИН. Цена беспринципности 43

Экономика и право

В. ШИМАНЮК. Чужие помехи 45

Наш комментарий 49

Г. ГОРДИН. Разорванная цепочка. Хроника одного расследования 50

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Юрисконсульт А. С. Фролов, заместитель прокурора г. Мары Ю. Кульмухамбетов, заслуженный строитель Туркменской ССР, бригадир В. П. Вершинин и председатель стройкома А. Темриев (справа налево). (Читайте очерк «В песках Каракумов»).

Четвертая страница

В Управлении пожарной охраны ГУВД Мосгорисполкома батальон майора Н. П. Гречаникова — один из лучших.

На снимках:

Первыми к очагу загорания идут наиболее опытные воины-пожарные.

На учениях.

Огонь побежден. Командир батальона майор Н. П. Гречаников и старший лейтенант А. Е. Гревцев анализируют действия воинов во время тушения пожара.

■	А. БЕРЕЗИНА. «Ничей» ребенок?	63
■	Фоторепортаж	
	Народный судья — делегат комсомольского съезда	72
■	В. ЧЕРНЫШЕВ. Польша в час испытаний	74
■	СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:	
	Наши консультации	
	А. МАКАРОВ. Ответственность за хулиганство	83
	Читатель на приеме у юриста	
	Обеспечение жильем граждан, дома которых сносятся в связи с изъятием земельных участков	87
■	Критика и библиография	
	А. КОСИЦЫН. Выдающийся юрист России	90
■	ВЛАДИМИР ВИНОГРАДОВ. Мужчины и женщины на допросе. Повесть. (Продолжение)	94
■	ИМЕНЕМ САТИРЫ:	
	ИРИНА СИПАЧЕВА. Новая сказка о золотой рыбке. Фельетон	125
■	Зарубежная мозаика	128
	Судебная хроника	124

Главный художник Н. И. ЛАДЫГИН.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры Л. М. ЕРМИЛОВА, Б. С. ТУМЯН.

Сдано в набор 29.03.82 г. Подписано в печать 12/V-82 г. А05587.
 Формат 84 × 108^{1/32}. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 9,18.
 Тираж 4 550 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.).
 Цена 60 коп. Зак. 64.

Отпечатано 540 000 экз. (из общего тиража 4 550 000 экз.) с матриц
 Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в типографии
 издательства «Советская Сибирь». Новосибирск, ул. Немировича-Дан-
 ченко, 104. Зак. № 126.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

К ВЫБОРАМ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

О. КУТАФИН,
доктор юридических наук

Народный депутат

20 июня — выборы в краевые, областные Советы народных депутатов, Советы народных депутатов автономных областей и автономных округов, районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские Советы народных депутатов.

Ниже рассказывается о правах и обязанностях депутатов и о том, как они осуществляют свои полномочия.

Советы народных депутатов составляют единую систему органов государственной власти. Согласно Конституции СССР, они «непосредственно и через создаваемые ими органы руководят всеми отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, принимают решения, обеспечивают их исполнение, осуществляют контроль за проведением решений в жизнь». На их сессиях рассматриваются важнейшие вопросы, касающиеся всех сторон развития советского общества. Так, в 1980 году местными Советами было проведено 278 825 сессий, на которых рассмотрено

832 508 вопросов. В их числе — о работе промышленности, строительства, транспорта и связи, о сельском хозяйстве, о торговле и бытовом обслуживании населения, о здравоохранении, о соблюдении социалистической законности и другие вопросы, имеющие существенное значение для советских людей.

Успешное осуществление Советами государственной власти основывается на активном участии каждого депутата во всей их работе. Депутатам принадлежит решающее слово по всем вопросам, рассматриваемым Советом.

В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивается: «Ярким выражением общности политической жизни всех наций и народностей, их тесного единства стали самые массовые, полновластные государственные органы — Советы народных депутатов. 2,3 миллиона народных избранников, коммунистов и беспартийных, представителей более 100 национальностей решают в них с общегосударственных позиций важные вопросы политического, социально-экономического и культурного строительства, проходят подлинную школу социалистического интернационализма».

Свои полномочия депутаты получают в результате избрания. Подлинный демократизм советской избирательной системы обеспечивает участие в выборах всего взрослого населения страны. За кандидатов в депутаты голосует подавляющее большинство избирателей. Это убедительное свидетельство того, что депутаты в Советах являются полномочными представителями народа.

Какими же законами регулируется деятельность народных избранников?

В соответствии с указанием XXIV съезда КПСС 20 сентября 1972 года Верховный Совет СССР на четвертой сессии восьмого созыва принял Закон о статусе депутатов Советов народных депутатов в СССР, в котором впервые в законодательной практике суммированы основные положения о полномочиях и деятельности депутатов Советов всех звеньев.

Принятие Закона о статусе депутатов явилось новым шагом в развитии социалистической демократии, советской государственности. Оно создало прочные правовые основы для большой и многогранной деятельности депутатов, развертывания их инициативы, дальнейшего повышения уровня всей работы Советов. 19 апреля 1979 года Верховный Совет СССР внес в Закон о статусе депутатов изменения и дополнения, вытекающие из Конституции СССР, и утвердил его новую редакцию. В соответствии с ней он получил новое название — Закон о статусе народных депутатов в СССР.

Закон возлагает на депутатов большие и ответственные обязанности и одновременно наделяет их широкими полномочиями, необхо-

димыми для успешной депутатской деятельности и позволяющими активно влиять на все стороны жизни страны.

Следует подчеркнуть, что основные полномочия, предоставленные депутатам, закреплены Конституцией СССР.

Народный депутат — член коллективного органа, Совета, в который его направили избиратели. Поэтому важнейшей составной частью правового статуса депутатов являются их обязанности и права, связанные с деятельностью в Совете.

Депутатам принадлежит главная роль в подготовке и проведении сессий Советов. Депутаты принимают решения Совета. А затем организуют проведение их в жизнь, контролируют работу государственных органов, предприятий, учреждений и организаций. Из депутатов формируются выборные коллегиальные органы Советов — постоянные комиссии и исполкомы. Депутаты широко привлекаются к участию в работе различных общественных органов.

Большую работу ведут депутаты в своих избирательных округах. Разъясняя населению принятые Советами решения и мобилизуя избирателей на их выполнение, депутаты обеспечивают тесную связь Советов с массами.

Советский депутат — представитель государственной власти. А это значит, что в своей работе он должен прежде всего руководствоваться общегосударственными интересами, интересами всего советского народа. Вместе с тем в своей деятельности он учитывает запросы населения, экономические, культурные и иные особенности округа, от которого он избран.

Одно из наиболее важных прав депутата — право депутатского запроса. С таким запросом он может обращаться к соответствующим государственным органам и должностным лицам, которые обязаны дать ответ на него на сессии Совета.

Запрос депутата может относиться ко всему, что входит в ведение Совета, независимо от повестки дня сессии. Однако, поскольку вопросы, обсуждаемые на сессии, обычно получают достаточно полное освещение, свое право запроса депутаты чаще всего используют для привлечения внимания Совета к иным проблемам. Как правило, запросы касаются недостатков (требующих немедленного устранения) в работе государственных органов, учреждений, предприятий и организаций.

Органы или должностные лица, к которым обращен депутатский запрос, обязаны дать на него исчерпывающий ответ Совету и депутату. Запрос депутата и ответ на него обсуждаются в Совете, после чего принимается соответствующее решение.

Вот что рассказывает о значении депутатских запросов депутат Красноярского сельского Совета Н. Богомазов:

«Поселок Маячный, где я живу и где расположен мой избира-

тельный округ, стоит на берегу реки. Русло ее на случай больших паводков отделено от поселения валом, который тянется на несколько километров. Все годы вешние воды, как бы они ни поднимались, все-таки держались в русле. А в позапрошлогодную предвесень старожилы забеспокоились. По всем приметам чувствовалось, что вода будет очень большая, может хлынуть через вал — и затопить поселок. И прогнозы синоптиков были не из приятных. Однако руководители совхоза никакой тревоги не проявляли. Беззаботность чувствовалась и на промышленных предприятиях... И вот на ближайшей сессии сельского Совета я обратился с запросом к председателю исполкома. Обрисовал обстановку, просил сообщить Совету, что намечается предпринять... Предупредил, что бездеятельность может очень дорого обойтись. Завязался оживленный разговор. Большинство меня поддержало. Совет предложил исполкому немедленно организовать работы по укреплению вала, привлечь к этому коллективы кирпичного завода, совхоза, население».

Депутатский запрос является действенным средством контроля за деятельностью подотчетных и подконтрольных Совету органов и организаций, выявления и устранения недостатков в их работе. Вот почему это право широко используется на практике. Достаточно сказать, что только в течение 1980 года на сессиях местных Советов депутаты внесли 74 245 запросов.

Народный депутат связан со своими избирателями в течение всего срока действия депутатского мандата. Он выполняет их поручения и несет перед ними ответственность за свою деятельность.

Поручения избирателей часто облекаются в форму наказов. Наказами считаются одобренные предвыборными собраниями поручения избирателей своим депутатам, направленные на улучшение руководства Советами государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством, обеспечение комплексного экономического и социального развития на их территории, удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Значение наказов чрезвычайно велико. Будучи одной из важных форм народного волеизъявления, они существенно влияют на содержание всей деятельности Советов и их органов, служат действенным средством привлечения широких масс к управлению государством. «Наказы,— подчеркивает товарищ Л. И. Брежнев,— выражают самые разнообразные запросы населения, отражают конкретные интересы отдельных групп трудящихся и общества в целом. Поэтому выполнение наказов — важная часть работы Советов и их депутатов».

На собраниях перед выборами в местные Советы в 1980 году избирателями было дано 796 тысяч наказов. Они касались различных сторон нашей жизни — повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции, лучшего использования резер-

вов в промышленности и в сельском хозяйстве, благоустройства городов и сел, бытового и социально-культурного обслуживания населения.

Активное участие в реализации наказов принимало и население. Многие указы претворены в жизнь. В соответствии с пожеланиями избирателей построено большое число школ, медицинских, детских дошкольных учреждений, жилых зданий, клубов и кинотеатров, магазинов, столовых, предприятий бытового обслуживания. Немало сделано по благоустройству населенных пунктов, строительству и ремонту дорог. На предстоящих выборах местных органов государственной власти будут подведены итоги выполнения наказов, выработаны и даны поручения Советам нового созыва. В этом — одно из реальных проявлений социалистической демократии.

«Соответствующие Советы народных депутатов, — указывается в Конституции СССР, — рассматривают указы избирателей, учитывают их при разработке планов экономического и социального развития и составлении бюджета, организуют выполнение наказов и информируют граждан об их реализации».

Некоторые указы претворяются в жизнь под руководством самих депутатов (например, озеленение, благоустройство территории, строительство некоторых бытовых и культурно-просветительных учреждений).

Но чаще всего депутаты осуществляют контрольные функции. Зная исполнителей и сроки выполнения того или иного указа, они могут воздействовать через Совет и его органы на тех, кто затягивает или срывает намеченное дело.

Вот только один пример. Открыть в колхозе «Россия» Щигровский пришкольный интернат — такой указ получила депутат Курского областного Совета Н. Синюгина. Непросто было решить эту задачу. Средств на строительство жилья для учащихся не было. Но депутат нашла реальный путь: реконструировать под интернат здание бывшей школы — рядом с ней чуть раньше сдали в эксплуатацию новую восьмилетку. Титовский сельский Совет одобрил на сессии предложение депутата Синюгиной. Однако и после принятия решения, чтобы ускорить переоборудование старого здания, членам постоянной комиссии по культуре и народному образованию пришлось еще немало похлопотать. Организовали несколько субботников и воскресников. Местные жители помогали переоборудовать бывшую школу. Хорошо поработали и сами депутаты. К началу учебного года интернат принял семьдесят детей из близлежащих сел.

Говоря о том, как должен каждый депутат относиться к указам своих избирателей, полезно напомнить об отношении к указам избирателей Н. К. Крупской. Вот что писала об этом Мариэтта Ша-

гинян: «Только единственный раз в жизни мне довелось быть депутатом Моссовета... Еще жила среди нас Надежда Константиновна Крупская, наш дорогой депутат, и она выступила на первом же собрании вновь избранного горсовета. Перед началом работы всем нам, депутатам, раздали увесистый том наказов наших избирателей. Мы с Федором Гладковым (он был тогда тоже избран) как-то приняли эти тома без особой заинтересованности и занялись нашими будущими «речами». По знакомым образцам парламентаризма мы мечтали блеснуть чем-то новым, увлечь депутатов. Помню, Гладков долго мне рассказывал о совершенствовании новой, пришедшей ему в голову схемы безопасного движения пешеходов по улицам Москвы, а сама я занялась выпиской каких-то машин для телеграфа (я была избрана коллективом Московского телеграфа).

Но вот на трибуне увидели мы знакомое, простое лицо с комочком седых волос, собранных на затылке, в знакомой по фотографиям бесхитростной одежде — кофточке навыпуск. Тихим голосом начала она свою речь. И без «парламентского блеска» о чем же она говорила? Оказывается, пока мы сидели и «выдумывали», о чем говорить, она внимательно изучила указы избирателей, разобрала, сгруппировала их, выделила то, что нужно сделать в первую очередь, и повела свою речь... о горячих завтраках для детей в средних школах; об остановке трамваев на таких-то и таких перекрестках; о засыпке канавы с гниющей водой на одной из окраин Москвы и все в том же роде. И в президиуме кто-то раскрыл томище наказов и стал ставить там крестики, а депутаты в зале не скрывали своего горячего интереса и одобрения. Это был для меня первый урок настоящей работы советского депутата».

Депутат подотчетен и подконтролен избирателям. Конституция СССР обязывает его отчитываться о своей работе и о работе Совета перед избирателями, а также перед коллективами и общественными организациями, выдвинувшими его кандидатом в депутаты.

В. И. Ленин придавал огромное значение отчетам депутатов перед трудящимися, рассматривая их в качестве одного из важнейших элементов советской демократии. Важность народного контроля за деятельностью советских представительных органов и их депутатов подчеркивается и в Программе КПСС, в которой указывается на необходимость регулярной отчетности Советов и их депутатов.

Депутаты местных Советов не реже двух раз в год обязаны отчитаться перед избирателями о своей работе и о работе Совета. Кроме того, отчет депутата может быть проведен в любое время по требованию коллективов и общественных организаций, выдвинувших его кандидатом в депутаты, либо по требованию собраний избирателей по месту их жительства.

Место и время отчета обычно выбираются таким образом, чтобы создать условия для наиболее широкого участия избирателей в его проведении. Часто с этой целью депутат проводит несколько отчетных собраний, особенно в больших избирательных округах.

Отчет депутата должен быть предельно объективным — касаться не только достигнутых успехов, но и имеющихся недостатков, причин их возникновения и мер, принимаемых для их устранения.

По отчету депутата избиратели принимают решение, в котором дают оценку работе депутата и Совета. Депутат обязан информировать Совет о проведении отчета и о поступивших в ходе его обсуждения предложениях. Какое большое значение придается этой важной работе, свидетельствует тот факт, что, например, в 1980 году с отчетами перед избирателями выступили 97,3 процента депутатов.

По роду своей деятельности депутатам нередко приходится встречаться с руководящими работниками государственных органов, обращаться в различные государственные и общественные организации, на предприятия, в учреждения, к должностным лицам. Руководители соответствующих органов обязаны безотлагательно принимать депутата и рассматривать его предложения в установленные сроки.

Особенно часто депутаты используют это право в связи с поступившей к ним жалобой или заявлением избирателя, с сигналом о нарушении социалистической законности, о фактах бюрократизма и волокиты и тому подобное. Должностные лица, которым адресовано обращение депутата, обязаны рассматривать его предложения в установленные сроки.

Возлагая на своих посланцев в Советы самые ответственные обязанности, советский народ вместе с тем создает им все необходимые для работы условия.

Депутату, указывается в Конституции СССР, обеспечиваются условия для беспрепятственного и эффективного осуществления его прав и обязанностей. Эти условия, позволяющие депутатам успешно решать стоящие перед ними задачи, являются важнейшими гарантиями их плодотворной работы.

Советским законодательством установлен ряд правовых и материальных гарантий депутатской деятельности.

Как известно, свои обязанности депутаты выполняют, не порывая с производственной или служебной деятельностью. Однако иногда производственная работа и выполнение депутатских обязанностей по времени совпадают. По закону депутат освобождается от выполнения производственных или служебных обязанностей на время сессий Совета, а также для осуществления депутатских полномочий в ряде других случаев с сохранением за ним среднего заработка по месту постоянной работы.

Важное значение имеют установленные законом гарантии, обеспечивающие депутату необходимую информацию и юридическую помощь.

При выполнении своих обязанностей депутатам приходится нести определенные расходы, например при поездке в учреждения и организации, к избирателям. Эти расходы в установленном законом порядке возмещаются. Депутатам местных Советов на территории этих Советов предоставляется право бесплатного проезда на автомобильном и водном транспорте республиканского подчинения и на всех видах городского пассажирского транспорта (за исключением такси). А депутаты краевого, областного Совета, Совета автономной области, автономного округа, районного Совета могут бесплатно пользоваться железнодорожным транспортом.

Для депутатов установлены дополнительные юридические гарантии охраны их прав в области трудовых, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Например, депутат не может быть по инициативе администрации уволен с работы, исключен из колхоза или переведен в порядке дисциплинарного взыскания на нижеоплачиваемую работу без предварительного согласия Совета, а в период между сессиями — без предварительного согласия исполкома.

Кроме того, депутату, освобожденному от производственной работы вследствие избрания его на выборную должность, после окончания его полномочий по выборной должности предоставляется прежняя работа (должность), а при ее отсутствии — другая равноценная работа (должность) на том же или, с его согласия, на другом предприятии, в учреждении, организации. Время работы депутата на выборной должности засчитывается в трудовой стаж по той специальности, по которой депутат работал до избрания на выборную должность.

В соответствии с Конституцией СССР депутаты всех Советов пользуются депутатской неприкосновенностью. Они не могут быть привлечены к уголовной ответственности, арестованы или подвергнуты мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, без согласия соответствующих Советов, а в период между сессиями — без согласия исполкомов.

Безусловно, право депутатской неприкосновенности нельзя понимать в том смысле, будто депутат во всех случаях освобождается от административной или уголовной ответственности. Если в его действиях имеются признаки состава административного проступка или преступления, депутат отвечает по закону. Однако порядок его привлечения к ответственности отличается дополнительными юридическими гарантиями.

Эти гарантии — не привилегии, которые ставят депутата в особое положение по сравнению с остальными гражданами, не льготы,

улучшающие условия его жизни. Они лишь обеспечивают избранникам народа наиболее благоприятную обстановку для успешной депутатской деятельности.

Депутаты как подлинные представители своих избирателей пользуются их постоянной поддержкой и доверием. Однако если депутат не оправдывает оказанного ему доверия, он в соответствии с Конституцией СССР и действующим законодательством может быть отозван избирателями.

Право отзыва депутата является одним из основных проявлений социалистического демократизма, выражением подлинного народного властия и гарантией действительной ответственности депутатов перед избирателями. «Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей,— указывал В. И. Ленин,— может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных».

Вопрос об отзыве депутата Совета обсуждается и решается на собраниях избирателей данного округа, созываемых общественными организациями по предприятиям, учреждениям, колхозам, воинским частям, а также по месту жительства избирателей. Решение принимается открытым голосованием. Депутат Совета считается отозванным, если за его отзыв голосовало большинство избирателей округа.

На практике право отзыва депутата избиратели используют сравнительно редко, поскольку депутаты Советов, как правило, честно и добросовестно выполняют свои обязанности.

Сегодня Советы народных депутатов находятся на качественно новом этапе своего развития. Действуя в гуще масс, в теснейшей связи с ними, они активно влияют на все стороны жизни общества.

В соответствии с решениями XXVI съезда КПСС ведется большая работа по дальнейшему развитию инициативы народных депутатов, расширению и укреплению их связи с населением, трудовыми коллективами и общественными организациями. Каждый народный представитель должен быть энергичным проводником политики Коммунистической партии и Советского государства, активно способствовать выполнению решений XXVI съезда КПСС.

В Министерстве юстиции СССР

22—23 марта состоялось расширенное заседание коллегии Министерства юстиции СССР. В нем приняли участие министры юстиции и председатели Верховных судов союзных республик, начальники отделов юстиции край- и облисполкомов, руководители ряда краевых и областных судов, представители военных трибуналов округов, флотов, работники других правоохранительных органов и юридической службы.

По докладу министра юстиции СССР В. И. Теребилова рассмотрен вопрос о дальнейшем улучшении работы органов юстиции и судов по повышению профессионального уровня кадров, воспитанию их в духе строгого соблюдения социалистической законности и безупречного выполнения служебного долга в свете решений XXVI съезда КПСС.

В обсуждении доклада приняли участие министры юстиции: РСФСР — В. М. Блинов, Украинской ССР — В. И. Зайчук, Казахской ССР — Б. Д. Джусупов, председатели Верховных судов: Туркменской ССР — Б. М. Мухамедкулиев, Азербайджанской ССР — И. И. Исмаилов, Таджикской ССР — С. К. Курбанов, заместитель Генерального прокурора СССР В. А. Аболенцев, начальник управления кадров, член коллегии Министерства юстиции СССР М. П. Вышинский, начальник отдела юстиции Гомельского облисполкома Я. А. Аземша и другие.

Участники заседания обсудили важные вопросы дальнейшего повышения квалификации, обучения и воспитания работников основного звена судебной системы — городских и районных народных судов, нотариусов, экспертов, адвокатов.

В выступлениях отмечалась необходимость обмена опытом работы, строгого соблюдения законодательства, касающегося сроков и качества рассмотрения дел.

Выступающие останавливались на вопросах подбора кадров юридических учреждений, усиления контроля за своевременным и действенным реагированием на жалобы, заявления и другие сигналы граждан, повышения культуры судопроизводства, выявления и устранения условий, способствующих правонарушениям.

В связи с истечением срока полномочий народных заседателей и предстоящими выборами народных судей коллегия рассмотрела меры, связанные с проведением отчетов судей перед избирателями, учетом и реализацией предложений избирателей, высказанных на встречах с народными судьями.

В центре внимания коллегии были указания Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева об ответственности орга-

нов юстиции, суда в укреплении социалистической законности и правопорядка, а также его указания о том, что профессиональные знания работников этих органов должны сочетаться с гражданским мужеством, неподкупностью и справедливостью и что только такие люди могут достойно выполнять возложенные на них обязанности.

Затем коллегия обсудила доклад первого заместителя министра юстиции СССР А. Я. Сухарева об усилении борьбы органов юстиции и судов с хищениями и иными злоупотреблениями в сельском хозяйстве, на предприятиях и в организациях, занятых хранением, переработкой и транспортировкой сельскохозяйственной продукции в свете требований ноябрьского (1981 года) Пленума ЦК КПСС.

В выступлениях министров юстиции Молдавской ССР В. М. Волосюка, Литовской ССР П. М. Куриса, председателя Верховного суда Казахской ССР Г. Б. Елемисова, первого заместителя Главного государственного арбитра СССР Н. П. Зарубина, начальника управления правовой работы в народном хозяйстве, члена коллегии Министерства юстиции СССР В. А. Тверденко, начальника отдела юстиции Харьковского облисполкома Г. С. Ключко, судебного исполнителя Ивацевичского районного народного суда Брестской области Л. С. Саутиной и других подчеркивалась необходимость повысить эффективность выездных судебных заседаний, добиваться участия в процессах представителей общественности, способствовать активизации и росту авторитета товарищеских судов.

Вносились предложения о более активном обсуждении вопросов борьбы с бесхозяйственностью на собраниях коллективов совхозов, колхозов, на сельских сходах и на предприятиях агропромышленного комплекса. Ставилась задача привлекать юристов к выступлениям на единых политднях и более широко использовать народных засе-

дателей и народных контролеров в работе по возмещению ущерба, в профилактике посягательств на колхозное и совхозное имущество. Подчеркивалось, что возмещение материального ущерба сельскому хозяйству — одна из главных задач судов и органов юстиции.

Предложено совместно с партийными организациями судов и учреждений юстиции в сельских районах обратить внимание на учебу кадров в системе партийного и комсомольского политического образования, позаботиться о том, чтобы судьи, нотариусы и другие работники активно повышали свой идейно-политический уровень в теоретических семинарах, школах научного коммунизма, университетах марксизма-ленинизма и в других формах партийной учебы. В прениях подчеркивалась необходимость активного и делового участия работников юстиции в пропаганде правовых знаний среди населения, воспитании у граждан уважения к закону. Для этого необходимо всемерно расширять на селе сеть лекториев, более активно привлекать к участию в них работников всех правоохранительных органов.

Все выступавшие выразили уверенность, что реализация высказанных на заседании предложений будет способствовать выполнению указаний Л. И. Брежнева, касающихся продовольственной программы.

В заседании коллегии приняли участие: заместитель заведующего отделом административных органов ЦК КПСС В. И. Гладышев, Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков, первый заместитель Председателя Верховного Суда СССР С. И. Гусев, заместитель министра внутренних дел СССР Б. В. Заботин, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

В. КОЗАК,
кандидат юридических наук,

В. ХАРИТОШКИН

Правовые меры борьбы с пожарами

Гражданин СССР обязан беречь и укреплять социалистическую собственность.

Из статьи 61 Конституции СССР.

Пожары издавна были большим бедствием для человечества, причиняли колоссальный материальный ущерб и уносили множество жизней

Советское государство с первых дней своего существования проявляло и проявляет большую заботу об охране народного богатства, жизни, здоровья и имущества людей от пожаров. За годы социалистического строительства в нашей стране создана эффективная система государственных мер борьбы с огнем.

Однако в наши дни угроза пожаров не уменьшилась, а в ряде случаев даже возросла. При широком использовании на производстве, в быту электрических и газовых приборов, двигателей внутреннего сгорания, легковоспламеняющихся веществ и материалов трудно даже перечислить все возможные источники открытого огня, а сосредоточение на различных объектах большого количества людей и материальных ценностей сделало пожары еще более опасными.

Порой причиной возникновения пожара считают случайность, фатальное стечение обстоятельств. Кто-то «случайно» оставил в квартире невыключенный электроприбор. От короткого замыкания возник пожар, уничтоживший жилой дом. От «случайного» попадания искр электросварки на легковоспламеняющиеся конструкции во время ремонтных работ загорелся производственный объект. Брошенный кем-то непотушенный окурок «невзначай» попал на сухую траву, она загорелась, и пламя перекинулось на лес. За каждой такой «случайностью» пренебрежительное отношение к элементарным требованиям правил пожарной безопасности, отсутствие должного внимания, осмотрительности и осторожности, беспечность и непростительное легкомыслие. Именно по этим причинам и возникает в нашей стране до 80 процентов пожаров. Вот почему все граждане и должностные лица должны знать и выполнять требования правил пожарной безопасности.

В Советском Союзе действуют утвержденные МВД СССР и согласованные с соответствующими министерствами и ведомствами типовые правила пожарной безопасности для различных объектов народного хозяйства: промышленных предприятий, торговых баз и магазинов, жилых домов, школ, больниц, кинотеатров и так далее. В правилах содержатся требования к содержанию территорий, зданий и сооружений, к техническому состоянию, исправности и контролю за эксплуатацией и ремонтом отопления, вентиляции, электроосветительной сети, приборов и оборудования.

Нарушение правил пожарной безопасности может повлечь за собой административную, уголовную, а также гражданско-правовую ответственность. В соответствии с Положением о государственном пожарном надзоре в СССР органы государственного пожарного надзора имеют право за нарушение правил пожарной безопасности налагать в административном порядке денежные штрафы. Порядок этот определен постановлениями Советов Министров союзных республик. Например, в РСФСР — постановлением Совета Министров РСФСР «Об установлении штрафов за нарушение правил пожарной безопасности». Штрафы могут налагаться на должностных лиц и граждан за нарушение или невыполнение ими правил пожарной безопасности на предприятиях, в организациях, учреждениях, колхозах, складских помещениях, в общежитиях и жилых домах, общественных местах, а также при проектировании и строительстве соответствующих объектов. Кроме того, штрафы могут налагаться за нарушение правил использования и содержания противопожарного инвентаря, оборудования, автоматических средств обнаружения и тушения пожаров. За все эти нарушения должностные лица наказываются штрафом до 50 рублей, а граждане — до 10 рублей.

Органы государственного пожарного надзора вправе вместо штрафа сделать нарушителю предупреждение либо передать материалы на него в товарищеский суд или общественную организацию по месту работы или жительства для принятия мер общественного воздействия.

Особо опасны лесные пожары, которые причиняют значительный ущерб народному хозяйству и природным богатствам страны. Они представляют угрозу не только окружающей среде. Опасности подвергаются как отдельные люди, оказавшиеся в горящем лесу, так и целые населенные пункты, производственные объекты, линии электропередачи, нефте- и газопроводы. «Правила пожарной безопасности в лесах СССР» запрещают разводить костры на пожароопасных участках леса, на старых пепелищах, на торфяных участках и возле подсохших камышей, тростника и так далее. При охоте в пожароопасный период воспрещается употреблять пыжи из пакли, бумаги, тряпок и прочих тлеющих материалов.

Административным и уголовным законодательством предусмотрена широкая система правовых норм, направленных на охрану лесов от пожаров. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июня 1971 года усилены административные санкции за нарушение правил пожарной безопасности в лесах. Виновные должностные лица подвергаются штрафу до 50 рублей, граждане — до 10 рублей. За нарушение, в результате которого возник лесной пожар или он распространился на значительной площади, если эти действия не влекут уголовной ответственности, установлен штраф: для должностных лиц до 100 рублей, а для граждан — до 50 рублей.

Грубое нарушение правил пожарной безопасности, неосторожное

обращение с огнем либо иным источником повышенной опасности может повлечь уголовную ответственность. Она наступает, если в результате пожара был причинен существенный вред государственным или общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам граждан.

Статья 99 Уголовного кодекса РСФСР (подобные статьи есть в УК всех союзных республик) предусматривает ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, если оно повлекло человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, а также за уничтожение или существенное повреждение лесных массивов в результате небрежного обращения с огнем или источниками повышенной опасности. Эти преступления наказываются лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года.

Вот один из примеров, когда вред имуществу был нанесен из-за нарушения противопожарных правил. Слесарь М. Зуев для отогревания замерзшего трубопровода на животноводческой ферме использовал паяльную лампу, что категорически запрещено. От ее пламени загорелись потолочные перекрытия. Зуев испугался и убежал домой, не пытаясь погасить огонь и не сообщив никому о случившемся. В результате в огне погибло много крупного рогатого скота, были уничтожены здание фермы, доильные установки и другое оборудование. За это преступление Зуев был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Неосторожным обращением с огнем считается любое несоблюдение правил пожарной безопасности: разведение костров в запрещенных местах, оставление без присмотра топящихся печей, горящих керосинок, примусов и другие нарушения. Нередко причиной большой беды становится непотушенная сигарета или спичка.

Случается и так, что пожар возник вследствие невыполнения или ненадлежащего выполнения должностным лицом правил и требований пожарной безопасности, надзор за соблюдением которых входило в круг его служебных обязанностей. Если пожаром причинен ущерб, виновное в этом должностное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за проявленную халатность по статье 172 УК РСФСР (соответствующие статьи есть в УК других союзных республик).

Уголовное законодательство РСФСР и других союзных республик предусматривает ответственность за нарушение правил, в том числе противопожарных, при производстве строительных работ. Правила пожарной безопасности, соблюдение которых обязательно при строительных, ремонтных и тому подобных работах, изложены в различных инструкциях и нормативных актах соответствующих ведомств. Согласно им, запрещается, например, курение на территории стройки, за исключением специально отведенных для этого мест, хранение в открытой таре и вне специально оборудованных огнестойких помещений горючих, легковоспламеняющихся веществ, таких, как бензин, керосин, некоторые краски, лак, различные масла и смазочные материалы и тому подобное, разведение костров, строительство магазинов и складов с горючими веществами, в нижних этажах жилых домов. Уголовная ответственность наступает, если из-за такого нарушения был причинен вред здоровью или это повлекло гибель людей, как работающих на стройке, так и посторонних, либо наступили другие тяжкие последствия. Ответственность за это преступление могут нести не только должностные лица, руково-

дящие конкретным участком работы, но и рядовые исполнители этих работ.

Серьезную опасность представляет нарушение правил хранения, использования, учёта или перевозки взрывчатых веществ и пиротехнических изделий, например пороха, патронов, капсюлей, а также пересылка этих веществ и изделий по почте или багажом. Даже в том случае, если такие действия только лишь могли повлечь тяжкие последствия — пожар, гибель людей, уничтожение материальных ценностей, а тем более, когда тяжкие последствия наступили, виновные в нарушении правил привлекаются к уголовной ответственности. Так, при наступлении тяжких последствий статья 217 УК РСФСР устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет.

Пожар может возникнуть и при незаконной пересылке по почте или багажом легковоспламеняющихся веществ. Поэтому действующие на транспорте и в органах связи правила категорически запрещают пересылку по почте в посылках, бандеролях и других почтовых отправлениях, а также багажом легковоспламеняющихся веществ без соответствующего разрешения или с нарушением установленных правил предосторожности. Если незаконная пересылка повлекла тяжкие последствия, то виновные в этом несут уголовную ответственность.

До сих пор мы говорили о пожарах, возникших в результате неосторожности. Вместе с тем закон предусматривает повышенную ответственность за поджоги. Так, в части 2 статьи 98 УК РСФСР (подобные статьи есть в УК других союзных республик) предусмотрено, что умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, совершенное путем поджога, в том числе уничтожение или существенное повреждение лесных массивов, наказывается лишением свободы на срок до десяти лет. Если же поджог был диверсионным актом, то, согласно статье 68 УК РСФСР и подобным статьям УК других союзных республик, это наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, или смертной казнью с конфискацией имущества.

За умышленное уничтожение или повреждение личного имущества граждан путем поджога закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет.

Итак, мы рассказали об административной и уголовной ответственности.

Но вот виновник найден и наказан. А как быть с тем ущербом, который нанес огонь? Кто возместит убытки? Законодательство устанавливает гражданско-правовую ответственность, которая состоит в возмещении предприятиям, учреждениям, организациям и гражданам ущерба от пожара.

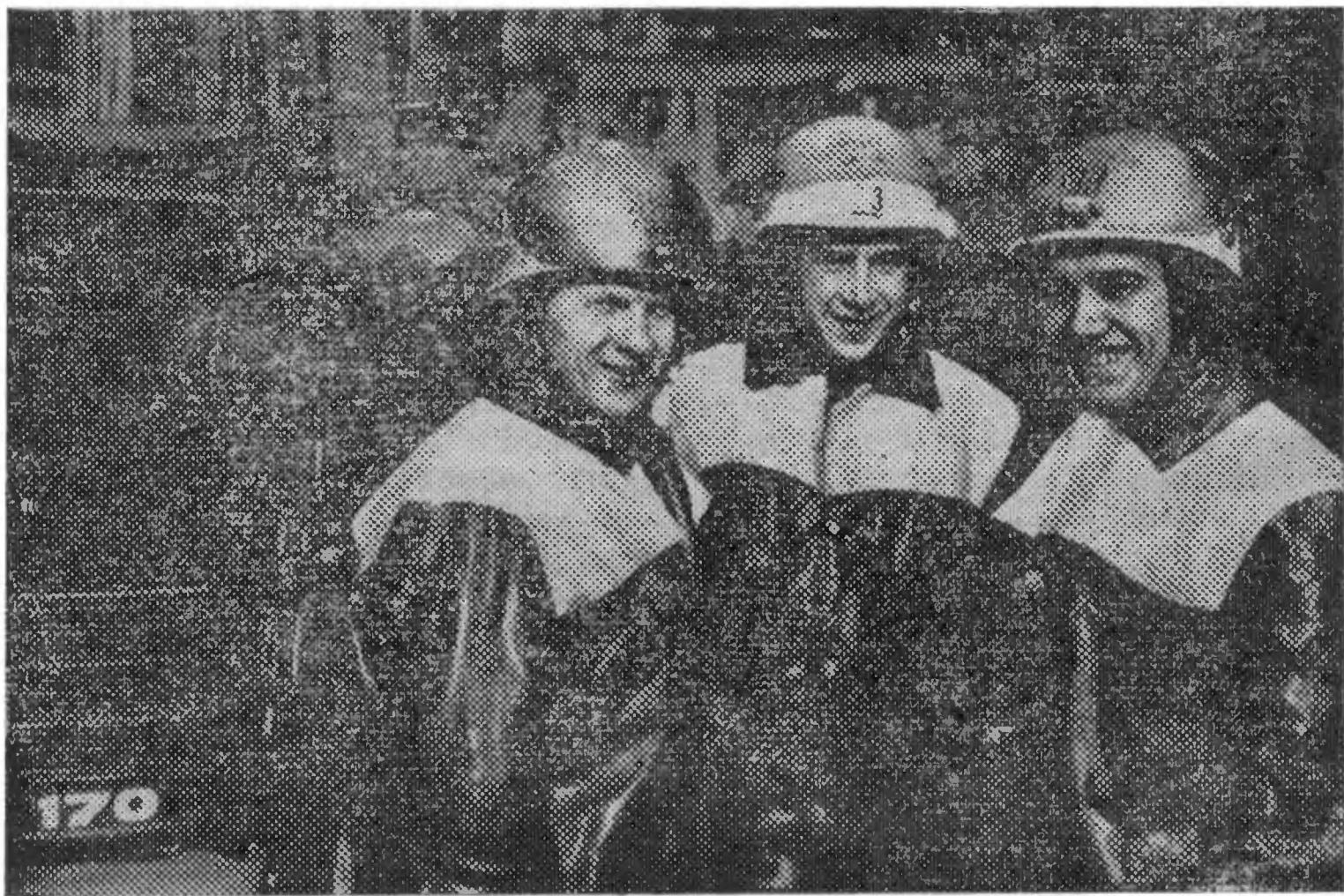
По общему правилу, обязанность возместить вред возлагается на лицо, его причинившее. Это записано в статье 444 ГК РСФСР и соответствующих статьях ГК других союзных республик. Однако в том случае, если пожар возник по вине работника какой-либо организации при исполнении им своих трудовых (служебных) обязанностей, имущественную ответственность перед потерпевшим несет эта организация. Возместив вред потерпевшему, она вправе взыскать материальный ущерб со своего работника в установленном законом порядке.

Как уже отмечалось, нередко пожары возникают в результате небрежного обращения с различными источниками повышенной опасности. В соответствии с законом, организации и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих: транспортные организации, промышленные предприятия, стройки, владельцы автомобилей и так далее — обязаны возместить ущерб, причиненный этим источником, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Важно подчеркнуть, что гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, существенно отличается от ответственности в других случаях причинения вреда. Она может наступить и при отсутствии вины владельца источника повышенной опасности.

Несовершеннолетний в возрасте от 15 до 18 лет несет самостоятельную имущественную ответственность. Однако если он не имеет имущества или заработка, достаточного для возмещения вреда, закон предусматривает дополнительную ответственность его родителей или попечителей. Родители (попечители) не обязаны возмещать вред, если смогут доказать, что возник он не по их вине, так как они правильно воспитывали несовершеннолетнего. Родители (попечители) освобождаются от обязанности возмещать вред, когда виновник достигнет совершеннолетия или раньше, если у него появится имущество или заработок, достаточные для возмещения вреда.

За ущерб, причиненный пожаром, который произошел от шалости с огнем либо из-за озорства малолетних, то есть не достигших 15 лет, их родители или опекуны отвечают лишь в тех случаях, если

Отличники боевой и политической подготовки воины-пожарные столичной пожарной охраны сержант Сергей Комаров, ефрейтор Владимир Карнаух и сержант Николай Закружный.

они не занимались воспитанием ребенка, не следили за его поведением.

Учебные заведения, воспитательные и лечебные учреждения (например, школы, интернаты, больницы, санатории, пионерские лагеря) несут ответственность за вред, причиненный детьми, если в момент причинения вреда виновник должен был находиться под надзором работников этого учреждения.

В социалистическом обществе имеются все возможности для успешного предупреждения пожаров и на этой основе — для сокращения их числа. Предупреждение пожаров в значительной мере зависит от знания и соблюдения действующих противопожарных правил как должностными лицами, так и гражданами, понимания того, что охрана народного добра от огня — дело не только пожарных, это обязанность каждого.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

СВЕРДЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ производит прием студентов

на 1 курс дневного отделения на факультеты:
судебно-прокурорский, следственно-криминалистический и правовой службы в народном хозяйстве. Срок обучения — 4 года. Принимаются граждане в возрасте до 35 лет, имеющие законченное среднее образование и стаж практической работы не менее 2 лет, а также уволенные в запас из Вооруженных Сил СССР.

На дневном отделении проводится эксперимент по приему только двух экзаменов (сочинение, история СССР) для абитуриентов, имеющих средний балл в аттестате (дипломе) не менее 4,5.

Прием заявлений с 20 июня по 31 июля. Вступительные экзамены по русскому языку и литературе (сочинение), русскому языку и литературе (устно), истории СССР и иностранному языку — с 1 по 20 августа.

За справками обращаться по адресу: г. Свердловск, ул. Комсомольская, 21. Тел. 54-32-34.

ДЖУБАН МУЛДАГАЛИЕВ,
депутат Верховного Совета СССР,
лауреат Государственной
премии СССР

Развитой социализм наглядно демонстрирует нерасторжимую взаимосвязь расцвета и сближения всех наций и народностей страны с углублением социалистической демократии.

Из постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик».

ДРУЖБОЙ СИЛЬНЫ

РАЗДУМЬЯ ПИСАТЕЛЯ

Когда думаешь о времени, о своих земляках, о восхождении нашей Родины, всегда опираешься мыслью на непреложную историческую истину. Великая Октябрьская социалистическая революция, в которой участвовали все народы нашей страны, свергла господство эксплуататоров и установила новый тип демократии — демократию трудящихся.

Значительной вехой в истории нашей Родины явился I Всесоюзный съезд Советов. Он открылся 30 декабря 1922 года в Москве, в Большом театре. Все 2215 делегатов единодушно проголосовали за Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании СССР. Все годы, прошедшие со дня съезда, совершенствовалась социалистическая государственность, ширилась и углублялась законотворческая деятельность, повышалась роль представителей трудящихся — народных депутатов...

Сейчас казахи живут и трудятся в своей республике, они равные среди равных в братской семье советских народов. Как сказано в Основном Законе — Конституции Союза ССР: «Объединение советских республик в Союз ССР преумножило силы и возможности народов страны в строительстве социализма».

Изменился лик казахской земли. Еще в 1918 году В. И. Ленин подписал Декрет об организации оросительных работ в Туркестане,

в котором планировалось обводнить 500 тысяч десятин земли. В далекой Москве, холодной и голодной, среди множества забот о том, как поднимать страну из страшной разрухи, было определено будущее советской Средней Азии. Решался главный, основополагающий вопрос — вопрос о воде. На эту программу были выделены значительные по тем временам средства. Такое не забывается. Сегодня девяносто процентов всех орошаемых земель республики находится в Южном Казахстане, где до революции лишь беспощадное солнце и ветер господствовали в бескрайних, иссушенных и бесплодных пустынях. На 200 километров протянулся Арысь-Туркестанский канал с Богунским водохранилищем. Все дальше и дальше в Кызылкум уходят воды Сырдарьи.

Хлопок в местных хозяйствах — далеко не единственное богатство. Высокие урожаи дают также кукуруза, овощи, садовые и бахчевые культуры. Ну, а виноград здесь не хуже известных крымских сортов.

В Казахстане возведены десятки новых городов. Окрепла и промышленность. В год шестидесятилетия республики было выпущено промышленной продукции в 252 раза больше, чем в 1913 году. Факт разительный. И таких красноречивых цифр я мог бы привести немало.

Но главная ценность моей земли — это ее люди. О том, как воздействовали на них глубочайшие социально-экономические преобразования, я и хочу поведать.

Расскажу о времени, о моих дорогих земляках, так как наши судьбы неотделимы от путей-дорог родной республики.

Мог ли предположить мой отец, представитель маленького рода затерявшегося в степях Западного Казахстана, что его сын станет писателем, депутатом Верховного Совета СССР — высшего органа власти нашей страны? Нет, конечно. Его род носил мрачное, но запоминающееся имя: кул, что по-русски означает «раб». Неизвестно, кто и когда так назвал моих предков. Но это были действительно бедные, обездоленные люди. До Великого Октября в нашем роду не удалось бы найти грамотного человека, а сам аул, где они жили, назывался Жиланды, что звучит тоже совсем не весело ни в первом, ни во втором значении этого слова: «змеиный» и «слезливый». «Змеиный» потому, что в окрестностях аула водилось много змей. Что же касается второго смысла, его следует объяснить. Рядом с аулом протекала небольшая речушка, весной вода текла капля по капле, а знойным летом исчезала совсем. Испокон веков в засушливых степях знали цену воде: эта цена была для народа ценою жизни, которая целиком зависела от байского произвола.

Не помню я отца своего Мулдагалия. Он умер слишком рано, не успев увидеть, как шагнули его земляки в совсем иную жизнь, за далекий горизонт, куда вела новая эпоха. Мама рассказывала, что отец был тихим, безропотным и бедным человеком, чьи устремления не шли дальше забот о своем бедном хозяйстве, от которого зависело шаткое благополучие семьи: голодных ртов в ней было куда больше, чем работников.

Мой отец умер неграмотным. Сегодня перед его внуками и правнуками открывается весь мир. И потомки Мулдагалия принадлежат всей стране, а не какому-либо отдельному роду, который всю жизнь враждовал со своими соседями из-за воды, пастбищ, скота...

Моя мать Зерип растила четверых детей. Только Советская власть дала ей, простой казашке, человеческие права, приобщила к строительству новой жизни. Уже в немолодые годы начала она учиться, вступила в ряды ВКП(б), стала необходимой людям.

Выстрелы «Авроры» пробудили дремотную степь. Имя Ленина возвысило вчерашнего байского батрака-кедея, преобразив его в человека свободного труда, равного среди равных. Под знаменем ленинской партии он пошел по самой солнечной из дорог от высоты к высоте. И уже не родовые, а классовые отношения определили его сознание. Некогда отсталый, разобщенный народ царской России сегодня с гордостью говорит о себе как о единой социалистической нации.

В Конституции (Основном Законе) Союза Советских Социалистических Республик записано: «...На основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ».

Мы — советский народ! Как это прекрасно и величественно!

Мы — советский народ! Так говорят о себе мои дорогие земляки, казахи, русские, украинцы, узбеки, представители других национальностей, живущие одной дружной семьей в Казахской ССР, строящие рука об руку коммунистическое общество. Эта высшая цель Советского государства стала и главной для каждого из нас.

В моей жизни было много знакомств, встреч, которые явили во всей полноте нового человека, занятого великой созидательной работой. Пришлось поднять писательские блокноты и подумать, отбирая из кладовой памяти наиболее драгоценные зерна.

...Большую часть Чимкентской области, самой южной в нашей республике, занимают полупустыни и пустыни. Более ста лет назад русский инженер-исследователь А. Ульянов писал об этих безрадостных местах: «Если вам случится увидеть караван, то вы заметите, что он торопится скрыться от вас из-за опасения, чтобы вы не стали просить воды, которой здесь дорожат больше всего на свете...»

В колхоз «Коммунизм» мы ехали по шоссе вдоль нескончаемой шеренги пирамидальных тополей, за которыми сочно зеленели поля и луга, перечерченные прямыми линиями каналов, светлых от легких летних облаков.

Центральная усадьба расположена в небольшом благоустроенном городке. Деревья здесь своими кронами закрывают небо, а аромат цветов пронизывает воздух до поздней осени. У колхозников много легковых автомашин и мотоциклов, телевизор есть в каждом доме. Важнее, однако, другое: в каждой семье здесь, как правило, много детей. А это первый признак уверенности земледельца в завтрашнем дне, в своем будущем.

Здесь и познакомился я с тремя подругами: Героем Социалистического Труда Майшай Абеновой — казашкой; орденоносцами Санией Нурбаевой — узбечкой и Лидией Ласковской — русской. Их породнила на всю жизнь Великая Отечественная война.

...Отсветы пожара Сталинграда зарей светились в степях Западного Казахстана. Фашисты бешено рвались к Волге, стремясь закрепиться на ее берегах. В колхозе «Коммунизм» не осталось ни одного здорового мужчины. Три девушки-подростка решили

стать трактористками. Бывало, машины внезапно останавливались в борозде, тракторы были старые, часто выходили из строя. Вот тогда девушки плакали. И кто-нибудь из них бежал в село за помощью. Под утро тут же возле тракторов на замасленных телогрейках спали...

Трудно подыскать слова, чтобы рассказать о том, как выдержали это напряжение три юных подруги. Дружба, спаянная невыносимыми невзгодами, помогала им. Они поровну делили последнюю черствую лепешку из кукурузы или крепкую, как камень, плитку хлопкового жмыха.

После войны подруги продолжали работать в родном колхозе. Расставались они только однажды, когда Майшай Абенову как лучшего механизатора, коммуниста райком партии направил на север Казахстана помочь в уборке целинного урожая. Возвратилась она в родной колхоз с первой наградой — орденом Ленина...

У Майшай Абеновой шесть внуков, а ее сын — бригадир, рекомендовал себя хорошим руководителем, награжден орденом Ленина. У Сании Нурбаевой и Лидии Ласковской тоже большие и дружные семьи. Когда я беседовал с ними, то подумал еще об одной женщине удивительной судьбы, типичной для нашего времени, — Камшат Доненбаевой. Мать четверых детей, студентка-заочница, она одной из первых на целине стала работать на тракторе «К-700». По примеру Камшат лишь в Боровском районе Кустанайской области 750 женщин стали механизаторами. А сама Камшат Доненбаева, знатная трактористка, уже дважды избиралась депутатом Верховного Совета СССР, она Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР. Ее жизнь во многом схожа с жизнью трех подруг из колхоза «Коммунизм».

Передо мною лежит книга, которая явилась приятным сюрпризом для нас, группы писателей, совершивших прошлым летом поездку по Южному Казахстану. Называется она «Рабочая доблесть Ачисая», и авторы ее не профессиональные литераторы, а директор полиметаллического комбината С. М. Мауленкулов и секретарь партийного комитета комбината, инженер-технолог по специальности Г. С. Попов. Может быть, потому их книга стала для нас откровением. Послушайте только: «В музее нашего комбината можно увидеть экспонаты, которые говорят сами за себя: лом, кайло, лопаты, первая лебедка, первые примитивные машины. Последний экспонат — модель бульдозера с дистанционным управлением. Шахтеры прозвали его «луноходом». Удивительная это картина! В безлюдном забое, деловито гудя, двигается приземистая машина. Человек управляет ею с безопасного места... Но ведь это пробивающийся на наших глазах могучий росток нового!

Кайло, лопата — и подземный «луноход». День прошлый и день нынешний. А какие социальные перемены произошли за это время!»

В расположенных поблизости Кентау и Ачисае живут люди, не только ценящие красоту, но и ее создающие. В Кентау, где летом зной достигает 30—35 градусов в тени, а зимой дуют холодные ветры, круглый год — цветы. И не только в магазине. Их вручают ветеранам труда и передовикам производства, любимым учителям и первоклассницам, переступающим порог школы. Восьмого марта всем женщинам комбината преподносят традиционные весенние букеты.

Герой Социалистического Труда, бригадир Нурмахан Камалов говорит:

— Да, трудно сейчас поверить, что там, где в твоём городе широкая центральная площадь, цветники, тенистые аллеи парка горняков, тянулась когда-то твердая, словно камень, верблюжья тропа.

Чуть в стороне от этой тропы стояла одинокая юрта кочевника Мауленкула, в семье которого вырос сын — будущий директор Ачисайского полиметаллического комбината, человек, прошедший путь от горного мастера до руководителя одного из крупнейших предприятий Казахстана.

12 апреля 1961 года весь мир, затаив дыхание, слушал сообщение ТАСС о том, что в космосе находится гражданин Страны Советов Юрий Гагарин. С космодрома Байконур стартовал в необозримые просторы Вселенной первый человек, чье имя стало легендой, вошло в поэмы и песни. От кочевья до Байконура — таков закономерный путь моей республики. Путь поистине беспримерный.

При слове Байконур мы, казахи, вспоминаем легенду о древнем музыканте и поэте Коркуте. На крылатой верблюдице он объехал весь мир, но видел только горе. Не мог Коркут примириться с тем, что человек смертен. Выдолбив из ствола дерева кобыз, он натянул струны и заиграл первую в степи мелодию. Она навсегда осталась в сердце и памяти народа как символ бессмертия.

Всю свою долгую жизнь прожил в краях, где странствовал Коркут и где ныне находится космодром, почтенный аксакал Ишанкул Даулетов.

— Много лет назад, — сказал старый Ишанкул, — я пришел на строительство Турксиба темным, неграмотным парнем — недавним байским батраком. Меня обучили грамоте, я стал железнодорожником, Турксиб был моей первой ступенью в новую жизнь, я почувствовал себя человеком...

По его пути пошел сын, три дочери Ишанкула получили высшее образование. Убеленный сединами человек с гордостью говорил о том, что ему посчастливилось стать свидетелем космического подвига Юрия Гагарина, о том, что нынешний Байконур для него такая же реальность, как родная степь, что от Турксиба до Байконура идут все выше и выше ступени батыра — советского человека...

Так реальная действительность подсказала мне название поэмы — «Ступени Байконура», а одним из главных героев ее стал старый Исакул — по сути, Ишанкул Даулетов, чья жизнь, вместившая в себя Турксиб и Байконур, явилась типичной для всего казахского народа, нашедшего счастье в братской семье советских народов.

Моя страна живет по новым законам, прокладывая путь в светлое будущее человечества. Мы, казахи, гордимся тем, что с нашей земли стартовали первопроходцы космоса, что мы производим металл, добываем уголь, выращиваем хлеб, хлопок. Все это основа основ благосостояния и могущества нашей Родины. Много сделано, многое еще предстоит сделать.

В творческом труде, в устремлении к миру встречают мои дорогие земляки 60-летие Союза Советских Социалистических Республик. И радостно бьется сердце, когда думаешь о пути, пройденном моим народом за годы, равные по свершениям столетиям.

Л. КУЛИКОВА

В зрелом социалистическом обществе успешно развивается единый народнохозяйственный комплекс — материальная основа братской дружбы народов СССР.

Из постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик».

В ПЕСКАХ КАРАКУМОВ

От Мары, одного из областных центров Туркменской ССР, до мыса Кушка — не более трех часов езды на автомашине. А про Кушку все мы еще из школьных учебников географии знаем: это самая южная точка нашей страны.

Вокруг Мары, когда посмотришь на карту, — сплошь маленькие черные точки по желтому фону. Пустыня Каракумы. Ветер коварный, сыпучий песок. Летом случается до шестидесяти градусов выше нуля.

Сегодня Марыйская ГРЭС имени 50-летия СССР — флагман республиканской энергетики. Без нее невозможно представить работу крупных заводов, большой химии Туркмении, Шатлыкского газоконденсатного месторождения, насосных станций на Каракумском канале, множества не только промышленных, но и сельскохозяйственных предприятий.

Давно хотелось мне побывать на строительстве Марыйской ГРЭС, своими глазами увидеть это рукотворное чудо. И вот она «выплывает» навстречу из песчаных струящихся волн, словно мощный океанский корабль. Рядом с ней — четкий строй серебрящихся электромачт — легкий эскорт. Идешь по стройке — и вглядываешься в лица встречных. Что можно вынести из этих мимолетных встреч? То, что тут работают люди многих национальностей. Это видно. То, что тут особый бодрый настрой: он в энергичной походке людей, их улыбках, ясных взглядах. Люди здесь как на подбор — в дело свое влюбленные, работают от души. Да иначе и быть не могло: все случайные да залетные давно уже отбыли в оазисы больших городов — схватка с горячей пустыней не каждому по плечу. Но зато на памяти тех, кто выстоял, не отступил, — радость самых трудных, первых побед.

Не вдруг и не сразу сложился на стройке дружный коллектив. Было всякое. Кое о чем и не любят вспоминать. Люд на самых первых порах понаехал разный, в том числе и любители заглянуть в карман государства. И потому особый рассказ об Алексее Семеновиче Фролове — представителе закона, как его называют строители, юрисконсульту управления «МарыГРЭСстрой». Он был зачислен в штат одиннадцатым по счету, когда даже первого колышка в песок вбито не было, и потому по праву считается здесь старожилом.

...Мы сидим с Алексеем Семеновичем в его небольшом кабинете на первом этаже управления строительства, попиваем традиционный в Туркмении зеленый чаек и ведем неспешный разговор все о том же — как здесь все начиналось и с чего ему, юрисконсульту, пришлось начинать создание теперь уже четко отлаженной правовой службы на стройке.

— С чего начинается коллектив? С радости достижений, с ответственности за просчеты,— раздумчиво говорит Фролов.

...В начале семидесятых готовились к пуску первого агрегата. Прилетел из Москвы начальник главного управления «Востокгидроэнергострой» Геннадий Федорович Масловский — большой, могучий человек, строивший Волжскую, Саяно-Шушенскую, Братскую, Усть-Илимскую, Нурекскую гидроэлектростанции, возводивший Асуан. По двое-трое суток не выходил он из главного корпуса, где монтировали агрегат, вникая в каждую мелочь, требуя тщательности во всем. Он знал на стройке каждого если не по имени, то в лицо, а многих уже давно, потому что вместе им довелось одолевать не только сибирский мороз. На особой примете была у него молодежь, те, кто впервые участвовал в памятном для каждого гидростроителя событии, какое было когда-то и в его собственной практике,— пуске первого агрегата. На всю жизнь дал он им пример и четкой организации работ, и умения держать данное слово.

И когда пустили энергоблок, все словно породнились: это была общая радость, одна на всех, да такая, что многие, сами того не ожидая, пускались в пляс...

А. С. Фролов, начальник управления «МарыГРЭСстрой» Ч. И. Исаяев, председатель постройкома профсоюза А. Темриев² (справа налево).

Вслед за первым, как и было намечено, смонтировали второй, третий, четвертый агрегат... И совсем недавно последний, шестой. Рядом с ГРЭС поднялся поселок, имя дали ему — всем по сердцу пришлось — Энергетик. Построили школу, детские сады, магазины, гостиницу, кафе...

— Вот в этих заботах да хлопотах и складывался наш коллектив,— рассказывает Алексей Семенович.— И знаете ли, что удивительно. Люди теперь говорят: не заметили сами, как отступили пески... А мои задачи? Самая первая: выверить, чтобы точны были приказы, чтобы вовремя были поощрены победители, чтобы по заслугам «отмечены» нерадивые. Правовая служба — это прежде всего профилактика правонарушений, забота о сохранности социалистической собственности, правовая пропаганда. Ну и, конечно же, претензионно-исковая работа. А кроме того — юридические консультации для всех, кого волнует та или иная проблема, кто не понимает, в чем его обязанности, какие у него права. Мое дело разъяснять. И тому, кто с вопросом ко мне пришел, и тому, кто вопрос этот не хочет решать...

Он поднимается и направляется к шкафу. Там — аккуратные папки, в которых год за годом подшиты документы и справки, протоколы и докладные записки, входящая и исходящая корреспонденция, отчеты о работе.

— Вот, посмотрите,— говорит Алексей Семенович, выкладывая папки на стол.

Но я прошу его сначала рассказать хоть немного о себе.

...Всего-то сутки и пребывал в отставке по выслуге лет начальник отдела милиции станции Мары капитан Фролов. Прочел в областной газете объявление о том, что вблизи родного города начинается строительство большой ГРЭС и, сменив милицейский китель на штатский пиджак, пошел по указанному адресу.

В помещении, временно предоставленном для управления стройки, не было еще ни столов, ни стульев, ни канцелярских принадлежностей, ни, тем более, телефона. Первому начальнику строительства Оруджеву, сидевшему на табуретке возле подоконника, заваленного кипами чертежей, отставной капитан милиции понравился. Строгий, подтянутый, немногословный. «Выходите завтра утром на работу, будем оформлять людей», — коротко изрек он и снова уткнулся в чертежи. «Есть!» — ответил Фролов и явился на завтра ровно в восемь утра.

К той поре у Алексея Семеновича за плечами уже была большая жизнь, и не из легких: вырос в детском доме, на войне был танкистом, а потом — следственная школа, Высшая школа МВД. Многолетняя служба на страже закона завершила четкую огранку его характера, взглядов на жизнь, формировавшихся сначала по неписаным правилам детдомовской справедливости и чести, а позднее — фронтового товарищества и братства.

Зная это, можно понять, с какой яростной настойчивостью юрисконсульт Фролов выводил «на чистую воду» всех, кто пытался с помощью всевозможных ухищрений хоть чуток да урвать для себя у государства. И с каким упорством, убежденностью, верой в человека брал он под свою защиту тех, кто по неведению или под влиянием сомнительных дружков оступался, но стоило протянуть ему руку помощи, готов был идти дальше прямым, честным путем.

За всем этим — систематическая, кропотливая профилактическая деятельность, пропаганда правовых знаний в коллективе строите-

лей. За всем этим — судьбы людей, в том числе и тех, чьи имена сегодня в списках передовиков управления и кому никто не напоминает теперь о случившемся когда-то: попытке сделать приписку в наряде, злоупотребить служебным положением, намерении принести домой со стройки кусок приглянувшегося линолеума или ящик кафельной плитки...

Есть в этих отчетах и такие слова: «В управлении «МарыГЭС-строй» расторжение трудового договора по инициативе администрации без предварительного согласия построечного комитета профсоюза не допускается».

— За соблюдением такого порядка призвана следить правовая служба, — подчеркивает Алексей Семенович. — И у нас делается для этого все необходимое. Уже несколько лет существует общественный отдел кадров, который рассматривает все без исключения заявления об увольнении, старается выяснить, почему решил уйти со стройки рабочий или служащий.

Помолчав, мой собеседник снова оживляется:

— Замечательные трудятся у нас люди! Да вот хотя бы Валерий Павлович Вершинин — заслуженный строитель республики, его вся Туркмения знает! Слава к нему здесь пришла, и на нашей стройке — начало славы его учеников: туркменских, русских, татарских, украинских парней. А какая примечательная биография у начальника строительства Чары Исаевича Исаева. Родился он в этих краях, точнее — в нескольких километрах отсюда, отец председательствовал в колхозе, и быть бы Чары земледельцем, все к этому шло, да вот — на тебе: развернулось строительство. Размах грандиозный.

Сварщица Валентина Валиулина.

И притянуло, как магнитом, многих туркменских парней. Когда пускали первый агрегат, Чары Исаевич только окончил институт, совсем юным прорабом был. Он и сейчас еще молодой — нет даже тридцати, а сделано уже немало...

Он задумывается ненадолго. И вдруг молодо смеется:

— Вот что хорошо: «жалобный» журнал стал совсем тощенький. А ведь прежде-то случалось по шестьдесят человек в день принимать; утром придешь на работу, уже пятеро-шестеро сидят.

— А что, жалоб теперь совсем нет?

— Почему нет,— спокойно отвечает Алексей Семенович.— Только мы их разрешаем, как говорится, не откладывая в долгий ящик. Большинство из них ведь были в связи с нехваткой жилья... Но в десятой пятилетке план по жилью был выполнен на 145 процентов, в этой — переселим в новые квартиры последние семьи из временного поселка. Случаются, конечно, трудовые споры, но этим занимается комиссия по трудовым спорам нашего управления, я в ней также состою, как представитель администрации. Есть у нас и боевой народный контроль. Теперь же у меня, в основном, текущая работа: приходящая документация, претензионная переписка — что недопоставили, почему какие-либо стройматериалы долго не присылают или послали, да не по нашему адресу... Вот я и ищу по другим стройкам, пишу, звоню... Учю хозяйственников дисциплине. Иным приходится и о штрафах напоминать. И взыскивать. Постепенно приучаются к порядку.

...В январе 1982 года товарищ Л. И. Брежнев направил строителям, эксплуатационникам, всем участникам сооружения Марыйской ГРЭС имени 50-летия СССР и линии электропередачи Мары — Каракуль поздравление по случаю ввода в строй шестого агрегата.

«...Благодаря самоотверженному труду многонациональных коллективов строителей и эксплуатационников в сложных природно-климатических условиях построены крупные объекты энергетики, имеющие важное значение в развитии производительных сил Туркменской ССР и других республик Средней Азии. Это еще один убедительный пример нерушимой дружбы народов нашей страны.

Достигнутые успехи стали возможными в результате широкого развития творческой инициативы, соревнования, опыта передсвигов производства, большой организаторской и политической работы республиканской партийной организации...»

Слова эти обращены ко всему коллективу. К каждому, кто работал и работает в полную меру сил и возможностей.

СОБЕСЕДНИК

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ВЫЕЗДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ ЛЕТУЧКА

Читатели журнала
обсуждают материалы
рубрики «Растить гражданина».

Осуждены за халатность
Заметки из зала суда

СДЕЛКИ С СОВЕСТЬЮ.
К ЧЕМУ ОНИ ПРИВОДЯТ?
Размышления народного судьи
А. Уткина

НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ ТОВАР.
ПОЧЕМУ?

Командировка по тревожному письму

ВЫЕЗДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ ЛЕТУЧКА

Читатель обсуждает материалы рубрики „Растить гражданина“

Эта рубрика не сходит со страниц журнала вот уже седьмой год. Под ней публикуются статьи юристов, педагогов, журналистов, многочисленные письма читателей. Люди делятся мыслями, наблюдениями, опытом воспитательной работы, откровенно рассказывают об удачах и промахах, просят дать совет.

Каждая новая подборка вызывает большое количество откликов. Короче говоря, интерес к теме не иссякает. И все же, какие вопросы волнуют сегодня родителей, воспитателей детских учреждений, педагогов, юристов — всех, кто работает с детьми, как они расценивают выступления журнала, что надо учесть редакции, продолжая разговор о нравственно-правовом воспитании подрастающего поколения?

Об этом шла речь на выездной летучке, которую редакция провела в одном из читальных залов Московской областной научной библиотеки имени Н. К. Крупской в подмосковном городе Калининграде.

Ниже публикуем выдержки из выступлений участников летучки.

НАША КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

О. ДЕМИДОВА, заведующая залом текущей периодики Московской областной научной библиотеки имени Н. К. Крупской.

У журнала «Человек и закон» большая и разнообразная аудитория. Буквально все разделы, будь то «Правовой университет», «Собеседник» или «Справочный отдел», внимательно читаются и обсуждаются посетителями нашей библиотеки. Но особо хотелось бы сказать о материалах популярной рубрики «Растить гражданина». Интерес читателей к ней велик. И это не случайно, Ведь речь идет о том, как лучше выполнить одну из важнейших конституционных обязанностей советского человека, о которой в статье 66 нашего Основного Закона записано так: «Граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества». К сожалению, не всем родителям удастся с честью выполнить эти свои обязанности. В среде нашей прекрасной молодежи еще встречаются юноши и девушки, чье поведение вызывает серьезные опасения. Обществу приходится затрачивать немало сил, чтобы наставить на путь истинный, перевоспитать таких молодых людей.

Как же избежать брака в воспитании? Где кроются ошибки родителей, педагогов? Что сделало подростков «трудными»? Авторы публикаций под рубрикой «Растить гражданина» неумоимо ищут ответы на эти вопросы. На мой взгляд, среди материалов минув-

шего года особого внимания заслуживают очерки С. Иванова «Отцы и дети», Н. Петраковской «Сочинение о своей судьбе».

Хотелось бы, чтобы рубрика «Растить гражданина» носила более дискуссионный характер, было больше споров, столкновений различных взглядов на проблемы воспитания. Наряду с материалами, рассказывающими о неблагополучных семьях, об их отрицательном влиянии на судьбу подростка, наверное, следует побольше писать о воспитательном опыте больших, дружных семей.

ВОСПИТЫВАТЬ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

В. КРЫСЯКОВА, преподаватель истории и курса «Основы Советского государства и права».

Считаю, что на страницах журнала больше внимания следует уделять воспитанию самих воспитателей, то есть родителей. Их педагогическая неосведомленность — одна из причин досадных неудач в воспитании. Есть и такие мамы и папы, которых совершенно не интересует школьная жизнь их детей. Более того, порой они сводят на нет усилия педагогов, показывая детям дурной пример собственным поведением, недобросовестной работой; пренебрежительным отношением к окружающим.

Недостаточно занимаются воспитанием детей отцы. Некоторых из них никогда не увидишь в школе, дома они тоже не находят времени для ребят. Зато охотно простаивают часами у пивных ларьков. Как пробудить их совесть, как заставить отцов выполнять свой родительский долг? Об этом стоит поговорить на страницах журнала «Человек и закон».

МАЛЬЧИКУ НУЖЕН ВЗРОСЛЫЙ ДРУГ

Н. СУХОБРУС, инженер.

У меня двое сыновей. Сложилось так, что с мужем мы разошлись, когда ребята были еще маленькие. Со всеми сложностями воспитания детей мне приходилось и приходится сталкиваться и справляться одной.

Сейчас старшему сыну семнадцать лет, младший учится в пятом классе. Ребята растут хорошие, серьезные. С самого раннего детства я стремилась занять их настоящим, интересным делом, прививала любовь к труду. Семья, в которой я сама выросла, рабочая, трудовая. Общение детей с дедушкой и бабушкой — моими родителями — положительно сказывалось на них.

Считаю, нельзя вырастить ребенка настоящим гражданином, не привив ему интереса к жизни общества. Мать может много трудиться дома — и будет чисто, сытно, уютно, но если она живет только этим, детям будет с ней неинтересно. Жизнь школы, города, общества, государства должны стать болью и радостью ребенка. Я сама — член партии, занимаюсь общественной работой, интересуюсь всем, что происходит в стране, в мире. И этот интерес прививаю детям.

Если мальчики растут без отца, им порой очень недостает общения с мужчинами. Мать должна это учитывать и стараться помочь

найти ребятам старшего друга-советчика. Мой старший сын в шестом классе увлекся радиотехникой, и я отвела его на станцию юных техников к руководителю радиокружка Ю. Н. Худорукову. Давно слышала о нем как о хорошем воспитателе. Он помог многим ребятам найти верную дорогу в жизни. Вот и мой сын встретил у Худорукова и поддержку, и понимание. Вырос парень честным, трудолюбивым. Сейчас уже работает, имеет третий разряд слесаря и пятый — радиомеханика.

Мой младший особенно интересуется историей, литературой, географией. С преподавателями у него конфликтов не бывает. Мальчик увлекается водными лыжами, занимается у тренера В. В. Ренарда. Этот человек играет большую роль в его воспитании. Он и строг, и требователен, и в то же время добр, отзывчив.

Я бы никогда не смогла дать своим сыновьям то, что дали им взрослые, умные мужчины, под руководством которых они занимались в кружках, спортивных секциях.

Что еще хочу сказать? Всегда считала, что для мальчика важно правовое воспитание. Я рассказывала сыновьям о законах, о нормах поведения в обществе, многое почерпнула из материалов журнала «Человек и закон». Считаю, что некоторые материалы стоит адресовать непосредственно подросткам, больше разъяснять им их права и обязанности.

ДЕФИЦИТ ДУХОВНОГО ОБЩЕНИЯ

А. ЗИМАРАЕВА, директор школы № 17.

Нас, педагогов, очень волнует проблема «трудных» подростков. И вот что мы наблюдаем. Большинство «трудных» там, где семья не сложилась, куда пришел новый супруг. Часто дети в такой обстановке ощущают себя лишними, одинокими. Обычно считают, что страшно одиночество в старости. Но не менее страшно оно и в детстве. «Лишние» дети ищут компанию, где бы их поняли. В классе они не чувствуют себя уверенно, так как плохо учатся, общественную работу им не поручают. Зато в уличной компании порой другие мерки, там «трудные» — и деятельные, и организаторы, и лидеры.

Брак в воспитании бывает и в тех семьях, где нет постоянных контактов, духовного общения старших с младшими. С болью замечаем мы, как общение родителей с детьми становится все больше дефицитом. Иные папа и мама снабжают ребенка всем, что ему надо и не надо, только вот времени, чтоб поговорить с ним, никак не найдут — слишком заняты собой. А потом разводят руками — почему в их благополучной семье неблагополучный ребенок. Нет, дети — это не развлечение. Родительские обязанности огромны, они не исчерпываются заботами о физическом здоровье и материальном обеспечении ребенка, не менее важны заботы о его духовном росте, нравственном здоровье.

Если говорить о правовом воспитании, то, на мой взгляд, это прежде всего воспитание высокой нравственности, уважения к закону, к нормам поведения в обществе, — повседневный длительный процесс, в котором участвуют и родители, и педагоги. Очень хорошо, когда между ними устанавливаются тесная связь, взаимопонимание.

Наша школа — самая крупная в городе, в ней обучается 2400 человек. Здание построено по индивидуальному проекту. Есть боль-

шие возможности для внеклассных занятий — бассейн, зимний сад, студия хореографии, тир, спортивные площадки. Все это стараемся использовать с большей пользой для учащихся.

При школе работает клуб «Юный правовед». Есть у нас штаб порядка. В нем двадцать человек — ребята 6—10 классов. Члены штаба шефствуют над трудными ребятами, индивидуально работают с каждым. По нашим наблюдениям, это дает неплохие результаты.

Что пожелать журналу «Человек и закон»? Просим больше писать об ответственности родителей за воспитание детей, на конкретных примерах показывать нравственное влияние взрослых на подростков.

ВСЕ ЗАБОТЫ СООБЩА

А. ГУДИЛИН, юрист.

Журнал еще редко предоставляет слово самим родителям. А ведь многим есть о чем рассказать, будь то удачи или, наоборот, просчеты. Опыт, пусть даже «горький», всегда пойдет на пользу другим. Вот и хотелось бы, чтобы обмен опытом был оживленнее.

У меня тоже растет дочь. Сейчас она учится в десятом классе. Пока я как отец доволен ею. Но должен сказать, что воспитывать даже единственного ребенка не так-то просто. К сожалению, примеров того, что как раз с воспитанием единственного чада не все благополучно, много.

В деле воспитания от родителей требуется немало терпения, выдержки, постоянной работы над собой. Воспитывая ребенка, мы воспитываем себя. Мне лично бывает стыдно уронить себя в глазах дочери. Личный пример родителей очень много значит для ребенка. Неоднократно убеждался в этом. Сделаешь что-то хорошее для семьи, для товарищей, для соседей — и уже дочь восторженно смотрит на тебя. А бывает и другое. Организуется, например, субботник по уборке двора, — замешкаешься, не выйдешь сразу и чувствуешь: осуждает «чадо».

Мы с женой живем интересами дочери и ее стараемся посвящать в свои дела, делим с ней хозяйственные заботы. У нее есть свои обязанности — убрать квартиру, погладить белье, сходить в магазин за покупками. Хорошо, что в школе уделяется должное внимание трудовому воспитанию, ребята участвуют в уборке помещений, трудятся в учебном цехе завода. Но особенно их привлекает работа в лагере труда и отдыха во время летних каникул. Там ребята вместе трудятся и отдыхают, общаются друг с другом больше, чем в школе. Этим летом дочь была в лагере труда и отдыха. Вернувшись, решила поработать почтальоном. На заработанные самостоятельно деньги дочка купила нам подарки. Было очень приятно ее внимание.

Считаю, что успеху воспитания способствует взаимное уважение, взаимное доверие родителей и педагогов. Школа помимо знаний дала моей дочери очень много. Учителя, комсомол приобщили ее к общественной жизни, научили жить заботами коллектива. Активная жизненная позиция начинает вырабатываться у человека в школьные годы. И я не пойму тех родителей, которые всячески оберегают своих детей от общественной работы, считая, что их главная задача — учиться. Ведь они таким образом воспитывают людей равнодушных, инертных, чуждых забот коллектива, общества.

ЧТОБЫ ТРУД ПРИНОСИЛ РАДОСТЬ

Н. МАЛЬЦЕВА, инженер.

Почему иногда на скамью подсудимых попадают подростки из честных, трудолюбивых семей, почему у хороших родителей вырастают плохие дети — эти вопросы волнуют сегодня многих. На мой взгляд, причины в недостатках воспитания, а не в сложности характера, особых негативных задатках ребенка. Ведь как бывает. Родители заботятся, чтобы ребенок был чист, обут, одет, накормлен, следят за успеваемостью в школе. Вся же остальная жизнь сына или дочери находится уже за пределами их внимания. Свои промахи такие родители не признают, а недостойное поведение детей объясняют дурным влиянием улицы. А что они знают об этой «улице», что знают о друзьях ребенка, чем эти ребята живут, что их интересует. Заранее предвзято относясь к «уличной» компании, родители либо просто запрещают дружить детям с тем, кто им не нравится (но на ребят 15-16 лет такие запреты, как правило, совершенно не действуют), либо читают скучные нотации на тему «что такое хорошо и что такое плохо». А почему бы этим папам и мамам не пригласить друзей своих детей в гости, не попытаться и самим с ними подружиться? Доброе отношение, искренний интерес к их делам, именно интерес, а не назойливость и любопытство, помогут установить взаимопонимание и с чужими ребятами, и с собственными детьми. Во всяком случае, зная хорошие и плохие стороны компании сына или дочери, можно как-то влиять на ребят, порой уберечь их от необдуманных поступков.

Очень важный момент в воспитании — организация досуга подростков. Ничто так не развращает человека, как пустая трата времени, ничегонеделание. Особенно это опасно, если человек молод и нравственные убеждения его еще не сложились. В таком случае привычка к безделью может завести очень далеко, даже на скамью подсудимых. Мне кажется, нужно активнее привлекать подростков к труду. Конечно, есть производственное обучение в школе, лагеря труда и отдыха в летние каникулы. Но, на мой взгляд, этого недостаточно. Что лагеря? — две-три недели, а оставшееся время летних каникул ребята слоняются без дела. Я считаю, что старшеклассники могли бы в лагерях труда и отдыха побыть подольше. Тем более что ребята обычно охотно в них работают.

Еще мне хотелось бы сказать о производственном обучении школьников. Может быть, при обучении той или иной профессии нужно учитывать интересы ребят, их планы на будущее. Организовать производственное обучение надо так, чтобы ребята видели результаты своего труда. Учить их надо работать творчески, увлеченно, так, чтобы труд приносил радость.

«ВЕЩИЗМ» — ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ

Л. КАВЕРИНА, директор школы № 10.

Воспитание подрастающего поколения — одна из главных забот нашего общества. Тем, кто сегодня стоит у станков, возделывает нивы, строит города и добывает руду, не безразлично, кто и как продолжит их дело. И не случайно то пристальное внимание, которое уделяет печать сегодня нравственному здоровью юного поколения страны.

Хочу остановиться на таком вопросе, как взаимодействие семьи и школы. Досадно, что порой оно не дает желаемых результатов, и вот почему.

В последнее время увеличилось число малодетных семей. А у «единственного» ребенка сильнее развиваются индивидуалистические наклонности, возникает чувство своей исключительности. Школьному коллективу приходится с этим бороться. Увы, родители не всегда выступают здесь нашими союзниками. Есть папы и мамы, которые противятся участию своего ребенка в субботниках, всякими правдами и неправдами пытаются освободить его от работы, считая, что она отвлекает их сына или дочь от занятий. Для таких родителей главная цель — видеть свое чадо студентом вуза, а вот душевные качества их мало заботят.

Беспокоит и родительский эгоизм, о котором уже упоминалось сегодня неоднократно. Мама и папа работают, занимаются общественными делами, а на воспитание собственных детей времени не остается. Роль такой семьи в воспитательном процессе очень невелика. Отсутствие внимания к детям некоторые родители пытаются компенсировать покупкой им дорогой модной одежды, мотоциклов, магнитофонов. И здесь подростка подстерегают серьезные испытания. Рождается интерес к вещам, а интерес к учебе снижается, потребности постоянно возрастают и становятся порой несоизмеримыми с возможностями родителей. И тогда подросток, чтобы получить желаемое, идет даже на преступление.

Модные вещи нужно перед кем-то демонстрировать — и девушка или юноша ищут зрителей вне стен школы. Так завязываются нежелательные знакомства. Чем дальше, тем хуже. Пресыщенный молодой человек не хочет трудиться, учиться. Да и зачем? У него и так все есть. Он не уважает труд других, ибо не знает ему цену. «Вещизм» — опасная болезнь, особенно для молодежи. Как с ней бороться? По этому поводу стоит обменяться мнениями на страницах журнала.

Редакция выражает глубокую признательность сотрудницам библиотеки Ольге Владиславовне Демидовой и Людмиле Константиновне Бондаренко за помощь в организации летучки, а также благодарит всех участников обсуждения за высказанные замечания.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЦАХ

День за днем

Только что закончилась планерка. В кабинет начальника угрозыска Жигулевского ГОВД капитана милиции В. А. Фролова входит женщина лет сорока.

— Извините, я к вам по очень важному делу,— говорит она.

— Присаживайтесь, рассказывайте,— Виктор Алексеевич Фролов внимательно смотрит на посетительницу.

— Вчера возвратилась с работы, а у меня взломана дверь в квартиру. Услышав шум, соседи выскочили на лестничную площадку. Так что вещи-то целы, а вот преступнику удалось скрыться.

Видно, женщина волнуется, говорить ей трудно, порой едва не шепчет.

— Мне не советовали к вам идти. Не ходите, говорят, ведь вещи преступник не унес, а с уголовниками не шутят. Узнают, что в милицию заявили, избьют, а то чего и похуже. Но я пришла. Думаю, если у меня не смогли украсть, у других унесут.

— Правильно сделали, что пришли. Люди должны помогать нам. Скажите, соседи не говорили, как выглядит преступник?

— Рассказывали. Высокого роста, волосы русые, смуглое лицо, одет в светло-серый костюм. И еще шрам на лице.

Женщина уходит. Виктор Алексеевич задумывается. Не первый сигнал о квартирных кражах за последнее время.

«Кому из инспекторов угрозыска поручить это дело? Может, Александру Шуйскому?»

Саша Шуйский вместе со своим напарником Петром Шумиловым пришел работать в милицию в семьдесят седьмом году после службы в армии.

Первый год друзья несли патрульно-постовую службу. Все было: задерживали хулиганов, спекулянтов, предотвращали хищения на предприятиях. Но один эпизод, когда им удалось уберечь подростка от преступления, а потом вырвать его из сомнительной компании, запомнился надолго.

Тогда они патрулировали в поселке Моркваши. Была суббота. На танцплощадке оглушительно ревел самодеятельный джаз. И вдруг раздался девичий крик: «Помогите, помогите!» Они бросились к танцплощадке, затем в гущу танцующих. Трое распоясавшихся хулиганов устроили драку, били ногами лежащего юношу. Рядом стояла заплаканная девушка. Пьяных парней забрали в милицию. Один совсем мальчишка, лет пятнадцати, не больше. Двое других были ранее судимы и нигде не работали.

Сережа Н., так звали подростка, был поставлен на учет инспекции по делам несовершеннолетних, его дружков повторно судили.

Казалось бы, на этом можно успокоиться. Преступники наказаны, и дело с концом. Но Шуйский и Шумилов решили иначе. Побывали у Сережи дома. Поинтересовались, почему он не учится и частенько возвращается в отчий дом под хмельком.

Решили устроить паренька на работу. Новая обстановка, новые друзья. Потом вечерняя школа. Сережа все чаще и чаще стал задумываться о завтрашнем дне. Понял, что шел не по тому пути, что красивая жизнь заключается не в пьянках и дебошах, а в труде, учебе и дружбе с настоящими людьми. Сейчас Сережа Н. заканчивает среднюю школу, скоро пойдет служить в армию.

...Почти два года назад Петра и Александра вызвал начальник угрозыска капитан Фролов.

— Вашей работой довольны в милиции,— сказал он.— Рекомендуют вас в отдел уголовного розыска. Не возражаете?

Конечно, друзья были согласны.

В новое дело молодые люди окунулись, что называется, с головой и вскоре за успешную работу начальник милиции объявил им благодарность.

От двух владельцев автомашин поступили жалобы, что ночью неизвестные лица сняли с автомобилей колеса и лобовые стекла. Поручили найти преступников Шуйскому и Шумилову, теперь уже лейтенантам. Несколько ночей они наблюдали за стоянкой машин, надеясь, что преступники снова придут. Но они не появлялись. Тогда решили побывать во дворах. Мальчишки, с которыми друзья поддерживали приятельские отношения, сказали, что видели, как прятали колеса Валерка Леонтьев и Сережка Бильтюков. Показали место, где спрятано украденное. На следующую ночь преступники были задержаны.

...Поздний вечер. Александр только что вернулся с задания. Дело, порученное начальником угрозыска, не выходило у него из головы. Надо быстрее, как можно быстрее задержать взломщика квартир. Нельзя ждать нового преступления. Уже известны украденные вещи. Судя по всему, вор не успел их продать. Наверняка в ближайшее воскресенье попытается реализовать «товар». Жаль, что нет рядом Петра, как не хватает его сейчас.

Жена подошла к Саше и, положив руку на плечо, спросила:

— Устал? А тебе письмо от Пети.

«Сашка, поздравь,— писал Шумилов.— Первый экзамен сдал на «отлично».

Петр Шумилов учился заочно в средней спецшколе милиции. Александр также собирается поступать в Саратовский филиал Академии МВД СССР. Так что каждая минута на счету. Вот и сейчас, наскоро поужинав, он сел за учебники.

...Рынок гудел, словно потревоженный улей... Саша увидел его около женщины, продающей ковер. Да, он был высок, смугл, светловолос, на правой щеке шрам. Через руку было перекинута кримпленовое платье с ярким рисунком. То самое, о котором так любовно говорила одна из пострадавших женщин.

Быстрый оценивающий взгляд. Нет, скрыться в толпе не сможет. Если вооружен, применить оружие не решится. Саша незаметно делает знак своему напарнику и уверенно подходит к мужчине. Видит, как тот вздрогнул, воровато оглянулся по сторонам. Но сзади раздался голос:

— Следуйте вперед!

Опасный преступник, по кличке Батя, дважды судимый, был задержан.

г. ЖИГУЛЕВСК
КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

И. СТАРОДУБЦЕВ,
преподаватель школы рабочей
молодежи

Пока не грянул гром

ЗАМЕТКИ ИЗ ЗАЛА СУДА

Это случилось не вдруг. Еще в 1978—80 годах жители улиц Пятницкого, Башкирской, Свободы и других, что неподалеку от Донецкого аэропорта, замечали в ручье, текущем мимо их домов, жирные пятна бензина. Об этом ставили в известность руководителей аэропорта, другие организации. Приезжали комиссии, говорили, что, действительно, беспорядок и беспомощность, но все оставалось по-прежнему. Временами в поселке стоял запах, как на автозаправочной станции. В начале же ноября 1980 года авиационным топливом залило приусадебные участки, подвалы домов. В глубокую яму у железнодорожной насыпи налилось сотни литров керосина — черпали его ведрами. Трубы топливопровода аэропорта прохудились, и горючее вытекало в почву.

Донецкий транспортный прокурор возбудил уголовное дело. Чтобы определить, кто и в какой мере виноват в случившемся, следователь транспортной прокуратуры В. В. Чертенков провел большую работу, результаты которой собраны в трех томах уголовного дела. Скрупулезное изучение должностной документации Донецкого объединенного авиаотряда и других организаций, сопоставление заключений различных комиссий, данных лабораторных анализов, опрос свидетелей — все это позволило суду детально разобраться в случившемся. Куйбышевский районный народный суд Донецка, заседавший под председательством народного судьи С. Д. Прудниковой, признал виновными по статьям 167 (халатность) и 228 (загрязнение водоемов) Уголовного кодекса УССР заместителя начальника Донецкого аэропорта А. Н. Кратта и начальника службы горюче-смазочных материалов аэропорта В. И. Публику. Зная об аварийном состоянии трубопровода, обвиняемые проявляли «преступное бездействие» (так сказано в приговоре суда). Топливопроводу нужен был капитальный ремонт, а очистным сооружениям — перестройка. Но Кратт и Публика ограничивались полумерами — наложили на трубы временные хомуты и бандажки. Испытания топливопроводов на герметичность проводились нерегулярно, поэтому места утечек обнаруживались несвоевременно, и с ремонтом их тоже не спешили. Участок топливопровода длиной 70 метров, подготовленный к врезке, свыше двух месяцев пролежал на земле и был встроен в трассу лишь после обращения жителей с жалобами на то, что топливом залило подвалы и колодцы. Всего на прилегающую к аэропорту территорию вытекло свыше 48 тонн авиабензина и 502,5 тонны авиакеросина общей стоимостью 26 387 рублей. Естественно, что при инвентаризациях обнаруживалась недостача топлива, но каждый раз списывалась на погрешности счетчиков горючего. Акты на списание утверждал А. Н. Кратт, не удосужившись проверить, соответствуют ли они действительности. Короче говоря, налицо «невыполнение или

ненадлежащее выполнение должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным либо общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан...» (статья 167 Уголовного кодекса УССР).

Как же вели себя подсудимые? А. Н. Кратт виновным себя не признал. Аргументы его таковы: о том, что очистные сооружения бездействуют, и об аварийном состоянии топливопровода он не знал. Комиссии, составляющей акты на списание, доверял. Для срочного ремонта топливопровода не хватало то одного, то другого. И вообще — разве уследишь за всем, упомнишь все, когда в подчинении больше десятка служб? Отвечать должны руководители служб, не введившие своевременно его как заместителя командира авиаотряда в курс дела и не спешившие исполнять его указания.

Но суд, внимательно изучив выписки из должностных инструкций, приказов по авиаотряду и других документов, не согласился с этими доводами, посчитав, что незнание реального положения дел и инструкций, касающихся важнейших сторон хозяйственной деятельности, только подтверждает тот факт, что обвинения Кратта в халатности небезосновательны. К тому же об аварийном состоянии трубопровода не раз докладывали, и он выезжал на места утечки горючего. Но организовать необходимые работы, добиться их эффективного ведения не смог. А начальник службы горюче-смазочных материалов Публика не принял должных мер, не проявил твердости и принципиальности, когда нужно было ликвидировать утечки горючего. Его не тревожило состояние очистных сооружений, он не представлял докладных руководителям о критическом состоянии топливопровода. Публика, как и Кратт, в зале суда все пытался доказать, что ему не предписано должностными инструкциями отвечать за тот или иной участок работы. В частности, он заявил, что не его дело — следить за работой отстойников. Выходит, за исправностью системы в целом следить должен, а за работой одного из звеньев этой системы — нет.

Народный суд приговорил А. Н. Кратта и В. И. Публику к году исправительных работ с удержанием соответственно 20 процентов и 15 процентов заработка в доход государства. Кроме того, в частичное возмещение причиненного ущерба с Кратта и Публики солидарно будет взыскано восемь тысяч рублей в пользу объединенного авиаотряда. После окончательного определения размера ущерба, причиненного гражданам и районному правлению «Укрпромводчермет» (его водопроводная сеть нарушена вытекшим в грунт топливом и нуждается в ремонте), потерпевшие будут иметь право требовать в судебном порядке возмещения убытков.

Как видим, материальные потери из-за халатности велики. Не меньше и потери нравственные. Ведь халатность — родная сестра бесхозяйственности, расточительства. Жидкое топливо, с таким трудом добытое из земных недр и переработанное в ценное горючее, просочилось в почву, загрязнило водоемы. Тем самым сведен на нет труд многих людей: добытчиков нефти и тех, кто занят ее переработкой, транспортировкой. А необратимые процессы в почве, погибшие деревья и кустарники, некогда плодоносные, цветы, выращенные горожанами с таким трудом! А загрязненные хранилища с водой, которой промышленному Донбассу, его труженикам подчас не хватает!

— Что же сделано и делается сейчас, чтобы происшедшее не повторилось?

— По нашему заказу,— говорит главный инженер Донецкого аэропорта П. С. Титов,— отраслевым институтом составлен проект и сейчас заканчиваются работы по устройству замкнутой системы очистных сооружений. Республиканское управление гражданской авиации выделило трубы для замены основной части нашего топливопровода. Так что в 1982 году мы реконструируем и оборудуем электрозащитой все участки, где это необходимо. В 1983 году планируем полностью обновить нашу систему транспортировки топлива. Конечно, теперь этим работам, которые ведет наше ремонтно-строительное управление, мы придаем первостепенное значение.

Теперь... К сожалению, нередко так получается, что лишь какое-то чрезвычайное происшествие заставляет должностных лиц по-настоящему взяться за дело, неотложность которого ясна давно. Высокое чувство ответственности за порученное дело, за доверенные материальные ценности должны быть присущи каждому руководителю. Ведь уровень развития современной техники таков, что любая промашка в организации ее эксплуатации чревата последствиями, вред которых трудно измерить.

г. ДОНЕЦК

С. КУЗИН,
сотрудник редакции газеты
«Вечерний Донецк»

ИЗ БЛОКНОТА СУДЬИ

Цена беспринципности

Трое шабашников подрядились в одной конторе заложить фундамент двухэтажного дома. Поначалу за дело взялись горячо, но затем то ли от физического перенапряжения, связанного с переноской тяжелого цемента, то ли от избытка винных паров энтузиазма поубавилось. По существу так и не начиная работу, «умельцы», получив два раза по 100 рублей, были, как говорится, таковы.

С того времени прошло более года, и уже по инициативе нового руководства с них были взысканы полученные деньги, хотя ответчики иск конторы долго не признавали.

Взывать в подобной ситуации к таким категориям, как нравственная чистота или совесть, было бы по меньшей мере странно, так как определяющий фактор в этом деле — корысть, а не иные мотивы. Вопрос в другом. Почему должностные лица, которые обязаны соблюдать финансовую дисциплину, в данном случае ею пренебрегли? У главного инженера, отдавшего в свое время распоряжение о выплате аванса, спросить не удалось. Он перешел на новое место работы. Осталась, однако, старший бухгалтер. У нее-то и спросили.

Не желала портить отношения с начальством — ее единственный аргумент.

Вот что настораживает. Нередко в подобных случаях рассуждают о равнодушии к порученному делу. Но дело здесь не только в равнодушии. Люди нередко боятся показаться неуживчивыми, склочными, недобрыми. И именно этим зачастую продиктована необходимость соглашаться с тем, с чем в душе не согласен.

Слов нет, приятно казаться хорошим, уживчивым человеком. Вопрос только в том, какой ценой это достигается. Не страдает ли при этом дело? И если да, то борьба с такими «приспособленцами» должна быть непримиримой. Издержки соглашения, уступок совести выражаются в материальных потерях. Таких, как недостроенные дома, недоданная продукция, выпущенный брак...

В Майминском коопзверпромхозе старший мастер колбасного цеха в течение длительного времени на виду у всех разваливал производство. На складах сотнями килограммов гнили мясные полуфабрикаты и колбасные изделия, и сам мастер понимал, что по деловым качествам, профессиональной подготовке никак не соответствует занимаемому месту. Но признаться в этом духу не хватило. Инженерно-технические работники, рабочие видели все происходящее и... молчали. Молчали, потому что этой ценой обеспечивалось их спокойное существование. Не нужно было идти к начальству, доказывать, вступать в острые конфликты. Легче было отсиживаться в стороне, сльвя в коллективе добрым и покладистым человеком. И невольно тем самым складывалась атмосфера круговой поруки. В итоге самая настоящая сделка с совестью некоторых людей обошлась государству более чем в 10 тысяч рублей. Это только материальные убытки. К счастью, в этом коллективе нашлись работники, которые сделали попытку разорвать образовавшийся порочный круг и оздоровить взаимоотношения на истинно деловой основе.

...На скамье подсудимых находился подросток. На вид приятный юноша. Школа его прекрасно охарактеризовала, выступал классный руководитель, и можно было подумать, что присутствуешь не в зале суда, а на именинах. Однако ошибки тут не было. Подсудимый совершил преступление. Он украл из школьного гардероба дорогое пальто, пальто своего же товарища. Позднее выяснилось, что подросток вовсе не был таким хорошим, как его представила школа. Случались и прогулы, и плохая учеба, и пренебрежительно-барское отношение к товарищам. И подавляющее большинство ходатаев понимали, что они кривят душой, идут на сделку с собственной совестью. Это понимали и умудренные опытом учителя, когда писали хвалебные характеристики. Но никто из боязни прослыть злым, неуживчивым не нашел в себе мужества сказать правду... А некоторое время спустя их подопечный, избежав должного наказания за первое преступление, совершил другое, более тяжкое.

Разумеется, не всякое отступление от нравственных норм неизбежно ведет к драматическим последствиям. Иногда взаимосвязи просто не прослеживаются, но они все равно существуют и пренебрежение ими иногда приводит к настоящей беде...

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

В. ШИМАНЮК

Чужие помехи

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ КОМАНДИРОВКИ ПО ПИСЬМУ

Как говорится, в основном, продукция этого предприятия раскупается бойко. И жалоб на ее качество, если принять во внимание объем производства, не так уж много.

И тем не менее они не дают покоя не только пострадавшим покупателям, но и самим производителям. Тем более что предприятие не всегда впрямую и виновато в том браке, на который нет-нет да и появляется жалоба. Ну, а если посмотреть на дело шире? Так ли уж исчерпаны все средства борьбы за высокое качество, чтобы коллектив мог полностью оправдать себя в глазах покупателя?

Собственно, первопричиной командировки в Горький было письмо. Автор его, жительница города Шатки Горьковской области Зинаида Викторовна Куркина, жаловалась на качество дивана, изготовленного в Горьком Канавинской мебельной фабрикой. Пружины его, едва человек усаживался или укладывался, издавали неимоверный скрип.

Не сразу Зинаида Викторовна обратилась в журнал. Прежде решила «выяснить отношения» непосредственно с предприятием. Оттуда ей ответила мастер ОТК тов. Жилкина, ответила весьма своеобразно: «На диваны-кроватьи, изготавливаемые на нашей фабрике, мы не садимся и не ложимся...»

Ответ, поистине, хоть встань, хоть ляг, и редакция, направив жалобу для принятия мер, в то же время с целью проверки послала на «место происхождения» корреспондента. Получилось так, что выехать мне удалось не сразу, но зато по прибытии в Горький с удовлетворением узнала: меры уже приняты, диван исправлен, перед Зинаидой Викторownой извинились, а мастер, сочинившая издевательский ответ заявительнице, строго наказана. Замечу, кстати, что грубость в обращении с покупателями работников фабрики — явление очень и очень редкое. Напротив, человек, живущий на территории Горьковской области и пожаловавшийся на какую-либо неисправность в приобретенном им изделии, немедленно получает от предприятия необходимую помощь: мастер приезжает прямо домой и на месте устраняет дефект.

И все же письма с претензиями к качеству мебели идут. Пусть немного, но идут. За редким исключением это жалобы на изъяны, в которых прямой вины самой фабрики нет. «Постарались», так сказать, ее поставщики. Тем не менее и в этом случае покупателю приходят на помощь.

Вот, к примеру, наиболее характерные нарекания.

«...Купила диван-кровать. Сесть на него невозможно, так как он весь продавился до основания. И это всего за два месяца».

«...В январе купил диван-кровать по цене 135 рублей. Через неделю лопнул левый брусок спинки дивана...»

«...Недавно приобрел диван-кровать за 163 рубля. Спустя четыре месяца, когда сели на него, услышали под собой треск, встали, подняли сиденье вверх и увидели на деревянной планке трещину».

«...Купили диван-кровать, через некоторое время он пришел в негодность, так как лопнула передняя полированная доска, лопнул левый боковой брусок у места крепления, не работают замки» (кстати, как раз больше всего претензий именно к ним.— В. Ш.).

Однако до приезда в Горький характер брака был мне, естественно, неведом, и я решила начать поиски корня зла не с самой фабрики, а, как говорится, с другого конца — с организации, которая находится на равном удалении и от покупателей и от производителя продукции. Так я оказалась в кабинете директора «Горькмебельхосторга» В. Н. Заливалова.

Казалось бы, будучи прекрасно осведомленным, на что именно идут жалобы, он как представитель покупателей должен был безоговорочно стать на их сторону. Каково же было мое удивление, когда Владимир Николаевич, признав правоту заявителей, тем не менее принялся очень твердо защищать предприятие. Да, конечно, изъяны в его изделиях есть, но зато конструкция мебели, вполне современная и удачная, в основном удовлетворяет и потребителей и торгующие организации. И если искать причины плохого качества мебели, то начинать надо не с Канавинской фабрики, а с поставщиков. В конце разговора Владимир Николаевич посоветовал зайти в какой-нибудь магазин и посмотреть канавинскую мебель, обратив особое внимание на обивку.

Глянула и ахнула: до чего скудными, неинтересными оказались расцветки. Из-за них диваны и кресла выглядели какими-то невзрачными, некрасивыми. Кому могут прийти по вкусу такие ткани? Да никому! Но выбора нет, и, вынужденно игнорируя эстетические качества изделия, покупатель, нравится или не нравится, идет выбивать чек. Ему не до эстетики, он пока довольствуется тем, что диваны по функциональным достоинствам вполне оправдывают свое назначение.

Подумалось: неужели объединение «Горькмебель», в которое входит и Канавинская фабрика и которое заключает с поставщиками договоры для своих предприятий, не может потребовать от изготовителей более современных, более модных тканей, чтобы не было стыдно перед потребителями, перед самими собой за диван, обитый такой серятиной? Надо более настойчиво, более требовательно отбирать ткани, следить, чтобы производящие их предприятия давали мебельщикам только хорошие. Нет, лучшие, отличные!

С этими мыслями я и поехала в объединение, где получила исчерпывающее разъяснение. Обращались представители мебельщиков к поставщикам тканей, даже ездили к ним. Были в Чебоксарах и Пярну, посетили некоторые предприятия в других городах, видели образцы, отвечающие современным требованиям, заключали договоры на их поставку и... нередко получали вовсе не то, что видели своими глазами и на что подписывали соответствующие документы. И тона поглуше, и цвета поскучнее. Что делать? Возвращать обратно? Так ведь план... Пока будет длиться тяжба, его и завалить нетрудно. Поэтому обивку запускают в производство, а свое отношение к ней высказывают в письмах и претензиях.

По правде говоря, канавинским мебельщикам трудно что-либо стоящее получить. Как бы ни просили, как бы ни умоляли. Они у своих поставщиков (у которых, между прочим, тоже немало

проблем и претензий, например, к химикам) в пасынках ходят, ибо те местные мебельные фабрики в первую очередь обеспечивают, а другим — что достанется. Так что остается канавинцам только мечтать о том времени, когда ткацкие, суконные фабрики, хлопчатобумажные комбинаты начнут наконец поставлять им ткань только высокого качества и современных расцветок.

А пока что приходится диваны и кресла «одевать» во что попало. Но, как мы видели, люди покупают. Тем более что сами модели хороши, удобны и современны. Например, диван-кровать ДКМ-14 К, прозванный покупателями «Чебурашкой», или набор мебели для отдыха «Камин», кресла «Маргарита» и другие.

В попытках заменить устаревшую мебель модной предприятие все же встречается с определенными трудностями. Скажем, вместо отслужившей свое модели дивана ДК-65-30 подготовлена новая, более интересная, перспективная. Однако массовый выпуск ее задерживается по вине поставщиков.

Дело в том, что ходовая мебель обычно настиляется теперь латексом — очень удобной и практичной синтетической губкой. Но этого прекрасного настилочного материала не хватает, а на новый диван... вага не годится.

Ну, а что с латексом? Ничего. Договор на поставку его заключает Центромебель Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР, и этот же главк делит латекс между мебельными предприятиями. Так что в Горький его попадает, ох, как немного. К тому же тенденция поставок явно «тянет» на снижение. К примеру, в прошлом году уже запланированный объем поставки латекса был срезан на 76 тонн. Это незамедлительно сказалось на плане: его пришлось на ходу менять. К сожалению, даже после корректировки нельзя сказать, что латекса хватит на измененное количество изделий. Потому что нередко и без того «урезанные» дозы латекса в процессе производства дополнительно уменьшаются по причине брака. Мебельщики вынуждены порой возвращать его поставщикам целыми вагонами. Но если не возвращать, а использовать, то лишь ради того, чтобы окончательно не сорвать план. Ведь недопоставка мягкой мебели торгующим организациям чревата не только неприятными объяснениями с вышестоящим начальством, но и весьма ощутимыми санкциями со стороны арбитража. Диван же, насланный хоть и не ватой, а недоброкачественным латексом, «продавливается до основания». Так брак, допущенный в Красноярске (где производят латекс), приводит к браку в Горьком и портит настроение людям не только в Горьком, но и в других городах области.

А что же бракоделы? Им, конечно, тоже достается. Читаю, например: «...Акт № 5 от 26.03.81 г., составленный с участием представителя предприятия... Установлен брак продукции — латексной губки в количестве 8947 кг, поступившей в вагоне № 25498 по железнодорожной накладной № 253671. На сумму забракованной продукции был произведен отказ от оплаты счета. Прошу взыскать с ответчика штраф в размере 20 процентов стоимости забракованной продукции, который составит 2505 рублей 15 копеек».

Это из иска, направленного в арбитраж пострадавшей стороной. Между прочим, удовлетворенного. Производственному мебельному объединению перечислена соответствующая сумма штрафа. Но спасут ли эти деньги положение? Конечно, нет: ими диваны застлать невозможно. В итоге за недопоставленную продукцию будет отве-

чать именно объединение, так же как и за мебель, оказавшуюся бракованной из-за недоброкачественного латекса.

И уже идут претензии вроде следующей: «...От ОРСа Орловского отделения железной дороги...

03. 06. 81 г. в присутствии представителя вашего объединения были забракованы 14 диванов-кроватьей на сумму 1876 руб. 00 коп.».

Но латекс — не единственная причина брака и не единственная причина срыва плана. Не лучше обстоит дело и с деревянными и древесностружечными плитами (ДСП). Пожалуй, даже хуже. Поставляют их различные предприятия нескольких городов. Казалось бы, поставщиков хватает, но... вот факт. В третьем квартале 1981 года Сыктывкарский лесопромышленный комплекс поставил предприятию меньше трети запланированного количества ДСП, да так и не восполнил недостачу.

Другой факт. Он относится к так называемой черновой мебельной заготовке — дереву, уже обработанному и подготовленному к производству. Ее получить еще труднее. И это несмотря на заключенные договоры, на взятые обязательства. Пример — Уренский леспромхоз. В том же третьем квартале 1981 года он должен был поставить 700 кубометров этой самой черновой мебельной заготовки, а поставил всего 100. И чтобы хоть чем-то утешить заказчика, добавил... 580 кубометров пиломатериалов. Но ведь это уже из другой оперы. На одной обработке их теряется почти половина, не говоря уже о потерях в качестве.

А что может предпринять фабрика в тех случаях, когда вышестоящая организация начинает неожиданно менять поставщиков? Тут уж мебельное объединение даже не успевает вовремя получить необходимую документацию. В итоге же получается как с Махатихинским заводом. Он должен был дать объединению в четвертом квартале 1981 года 36 тысяч квадратных метров древесноволокнистой плитки, но реально в октябре еще не приступил к ее выпуску. Разве тут до ритмичной работы, до плана, до качества, до дисциплины поставок мебели в торговую сеть? Вот и приходится, как сказал один из руководителей объединения, метаться в поисках иных поставщиков, выкручиваться, смотреть сквозь пальцы на качество, на всякие там раскрошенные плитки, на рыхлую, неровную, сучковатую черновую заготовку. Что такое сучок по сравнению с тем, что пришлось вынести, прежде чем добыть необходимые материалы?

Я уже говорила о частых жалобах на замки. Как происходит в ОТК проверка замков? По инструкции и технологии производства полагается у готового дивана поднять сиденье. При этом должен раздаться щелчок — значит, замок работает, нет щелчка — диван бракуется. Но ведь щелчок может быть, а диван складываться не будет. Значит, надо складывать его несколько раз. Однако если учесть, что в день выпускается около 420 диванов-кроватьей, то останется ли время на многократное поднятие сиденья? Приходится верить изготовителям замков в Челябинске, а также горьковскому заводу «Двигатель революции» на слово. Что касается горьковчан, то они доверие оправдывают, ибо в основном претензии по качеству механизмов трансформации (техническое название замков) — к челябинцам. Было все: акты, возвраты, даже значительные, иски в арбитраже, но... бракоделы продолжают в том же духе. Один же завод «Двигатель революции» дать замки в необходимом количестве не может.

Так шаг за шагом удалось установить помехи, каждая из которых иногда вроде бы и маленькая, почти незаметная, а вот, поди ты, покупателя страдать заставляет. И он обвиняет фабрику, выпускавшую неполноценный диван или кресло.

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Конечно, доля брака в том большом количестве изделий, которое выпускает фабрика, как пишет автор, незначительна. Но какое дело конкретному покупателю до того, что другим досталась хорошая вещь, а ему — недоброкачественная? Он платит деньги и хочет (вправе) получить диван или кресло без дефектов. А если они есть, справедливо винит в этом фабрику. Не может она оправдываться ссылкой на недобросовестность поставщиков. Все-таки на фабрике есть отдел технического контроля, и если он позволяет запускать в производство бракованные материалы, значит, предприятие сознательно берет на себя часть вины за плохое качество будущего изделия.

Пусть мебель Канавинской фабрики не поступает ни в Красноярск, ни в Сыктывкар, ни в Челябинск. Не в этом дело. Но дело чести работников мебельного предприятия, а также производственного объединения «Горькмебель» всеми доступными средствами экономического и правового воздействия заставить поставщиков работать лучше, исправнее, выполнять договорные обязательства так, как этого требует закон. То есть речь идет об улучшении претензионной работы. Пусть отвечают бракоделы и недобросовестные поставщики за причиненный ущерб, отвечают не только, так сказать, из государственного кармана, но и своего личного. Тем более что в определенных случаях закон позволяет взыскивать и с конкретного виновного лица. Надо только помнить об этом и последовательно применять существующие правовые нормы.

Кроме того, сама фабрика как изготовитель готовой продукции обязана наладить контроль за изделиями поставщиков так, чтобы браку был поставлен надежный заслон. Даже если на это уходит времени больше, чем положено по инструкции.

Г. ГОРДИН

Разорванная цепочка

ХРОНИКА ОДНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Шеститомное уголовное дело № 2758. И несколько страничек приговора Свердловского областного суда, который подвел итог многотрудной работе следствия и преступной деятельности должностных лиц, проходивших по этому делу...

Забегаая немного вперед, заметим, что обвинение основывалось на достаточно емких статьях УК РСФСР: 170 — злоупотребление властью или служебным положением; 173 — получение взятки; 174 — дача взятки; 174¹ — посредничество во взяточничестве. С ними соседствовали статьи 92 — хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением, и 96 — мелкое хищение государственного или общественного имущества. Вот таким был «букет» преступлений, совершенных пятью должностными лицами и их пособниками.

— Подобные преступления, я убежден, наиболее вредоносны, — сказал прокурор Свердловской области С. Лукин и пояснил: — Обычно и следствие, а затем и суд основное внимание обращают на материальный ущерб, нанесенный таким деянием обществу, государству. И, понятно, принимают меры к его возмещению. Но вместе с тем, известно и другое: любое противоправное действие влечет за собой еще и ущерб моральный, который — это тоже известно — возместить куда труднее. И если их, так сказать, суммировать, то станет весьма ощутимой особая вредоносность должностных преступлений.

— Вообще, преступления, о которых мы говорим, не всегда одинаковы, например, по своим истокам или целям, — продолжал С. Лукин. — В одних четко прослеживается корыстная заинтересованность преступников, в других, судя по объективным данным, такой заинтересованности нет. Тогда, может быть, преступление не столь опасно? К сожалению, «отсутствие корысти» лишь формальный признак, который не может оправдать должностное преступление, не может снизить его социальную опасность. Именно в этом смысле, на мой взгляд, показательно дело о должностных преступлениях на литейном заводе, расположенном неподалеку от Свердловска.

...Январь в тех краях был морозным и метельным, а в Татьянин день, приходился он на субботу, стало совсем тихо, потеплело даже. И так уж получилось, что тогда, 25 января, сотрудники линейного отдела транспортной милиции «подбили итоги» сверки документации, связанной с оборотом груженых вагонов. Составляли эти документы две станционные службы — диспетчерская и грузовая. И первоначальное предположение, из-за которого и началась проверка, полностью подтвердилось: одна из служб явно путала. Вот, например, наряд на подачу вагона с металлом и ведомость оператора-накопителя (это — диспетчерская служба). Значится там, что вагон стал под разгрузку 25 июля в 6.00, выведен — 3 августа тоже в 6.00. Следовательно, находился на территории предприятия 216 часов, или 9 суток. Это при норме на разгрузку — от 2 до 2,8 часа. А вот судя по памятке о простое вагона, заполненной грузовой службой, эта норма была соблюдена: подача вагона — 2 августа в 15.30, уборка — в тот же день через 2,5 часа — в 18.00. Еще один вагон. И опять расхождение: по документам диспетчерской службы простой составил 380 часов — почти 16 суток! Грузовая

служба дала иные данные — всего-навсего 5 часов. И сколько же их набиралось, таких расхождений!..

Понятно, что они не могли быть случайностью, но кто в том виноват? Выяснили: диспетчерская служба ни при чем, а вот служба грузовая... Первые же проверки установили, что каждое такое несоответствие обязательно связано с литейным заводом. Это во-первых. Во-вторых, всякий раз к путанице имели отношение только три работника службы — приемосдатчицы В. Володина или М. Смолякова либо заведующий грузовым двором станции И. Глухарев. Ответ на возникший вопрос, зачем путаница нужна и кому, сотрудники милиции получили без особого труда: чтобы скрыть многочасовые простои подвижного состава на предприятии. А это уже явное преступление, которое квалифицируется уголовным законом как злоупотребление властью, служебным положением.

Линейный отдел транспортной милиции возбудил уголовное дело, которое было передано в прокуратуру Свердловской области и принято к производству старшим следователем Н. П. Овчинниковым.

Николай Павлович Овчинников, конечно, понимал: за «красивые глаза» люди на должностные преступления — да и на другие — не идут. Понятно, что можно разок-другой «выручить» клиента, но чтобы систематически... А если так, то «злоупотребление служебным положением» не может быть бескорыстным. Но, как известно, умозрительные построения, не подкрепленные доказательствами, следствию помочь не могут...

Объектовые приемосдатчицы, то есть работники, прикрепленные к определенному клиенту-объекту, В. Володина и М. Смолякова, оказались симпатичными, разговорчивыми женщинами. На допросе держались ровно, особенного беспокойства не проявляли.

— Я виновата, — прямо сказала Смолякова. — Вы знаете, товарищ следователь, работа-то у нас нелегкая. А зимой — и того хуже: снег, метель, куда уж тут по путям-то бегать...

— Действительно, трудно, — посочувствовал Овчинников. — Только объясните мне все-таки, Мария Андреевна, какое имеет отношение, скажем, снег к ошибкам, которые обнаружены в составленных вами памятках?

— Ну, что вы, — Смолякова покачала головой: дескать, самых простых вещей не понимаете. — Охота ли из теплого помещения выходить в метель-то? Радость-то невелика. А надо самолично проверить, когда вагон ушел на литейный и когда вернулся. Потому-то первую проверку из-за холода мы и пропускаем. А когда сообщат, что вагон разгружен и убран — от того часа в обратную сторону и идем. Норму-то мы знаем!

— Но ведь та самая норма все время нарушалась...

— Ну и что? — Смолякова махнула рукой. — Людям-то помогать надо. Надо же?

— Разумеется, надо. Но надо ли обманывать?

— Кого? — изумилась женщина, только изумление это было каким-то деланным, и даже сквозил в нем некоторый испуг.

— Государство, — спокойно ответил Овчинников. — И вот ведь какой вопрос возникает: во имя чего?

— Вы хотите, небось, сказать, что цель какая-то была? — Следователь кивнул. — Так не было цели, понимаете, не было!

— Но мы же с вами, Мария Андреевна, взрослые люди. Что-то все-таки было?

— Ну, если хотите, товарищ следователь, хорошие взаимоотношения с людьми; я о заводских, которым, мы знали, нелегко приходится...

Вторая объектовая приемосдатчица, В. Володина, тоже ссылалась на погодные условия.

— Возможно,— согласился Овчинников.— Но у вас эта «липа» шла не только в зимние месяцы. И не только весной или осенью, когда дожди льют.

— Было,— охотно признавалась Володина.— Тут уж, не удивляйтесь, привычка срabatывала, или, как по-научному говорят, инерция...

Складывалось впечатление, что приемосдатчицы готовы полностью отвечать за содеянное, правда, не за использование служебного положения, а, допустим, за халатность. О людях, которым «нелегко приходится», обе сказали вскользь. Это, по их словам, те работники транспортного цеха, которые связаны с ними по службе: диспетчеры, начальники смен, руководители цеха. Таких набиралось почти десять человек. Могли ли все быть в сговоре с приемосдатчицами? Вряд ли. Если и были, то двое-трое от силы. Но кто? Овчинников побеседовал с каждым. Никакой ясности эти беседы не внесли, не почувствовал следователь за ними вины. А то, что диспетчер Е. Гулица сказала о праздничных подношениях приемосдатчицам — цветах или конфетах, в расчет принимать не приходилось.

Но вот еще деталь: ни Смолякова, ни Володина не назвали своего непосредственного начальника — заведующего грузовым двором И. Глухарева, который — и это уже знал следователь — был причастен к махинациям с простоями вагонов на заводе.

Глухарев держался независимо. Да, был такой грех. Но, как у Ильфа и Петрова, отнюдь не корысти ради, а ради... В общем, ради дела. И только.

— Что, у нас избыток автотранспорта? — вопрошал он и сам же пояснял: — Порой его отсутствие всю работу прямо-таки стопорит. Или механизация. Вы, поди, знаете, что она у нас не ахти какая; а у завода техники побольше. Скажем, подъемный кран на платформе. Очень нужный механизм! Так он, поверите ли, чаще на нашей территории обретается, чем на заводской...

Выходило, что клиент здорово поддерживал станцию. По словам Глухарева, здесь неделями работали пять-семь заводских грузовиков, а один-два — почти ежедневно. Тогда, быть может, объяснима и «поддержка» со стороны грузовой службы? Следователь чувствовал, что дело усложняется, привходящие обстоятельства обволакивают его каким-то защитным панцирем: действия железнодорожников неправомерны, но понять их можно. Значит, и ситуацию можно если не оправдать, то хотя бы понять. Так? Нет, не так! понять пока тоже нельзя. Что-то мешает. Почему, скажем, приемосдатчицы ничего не говорили о постоянном содействии со стороны завода? У них другие аргументы: плохая погода и непроходящее желание помогать транспортному цеху. И объясняли все это «инерцией», которую в крайнем случае соглашались признать «некоторой халатностью»...

Размышляя, Овчинников мерил шагами свой небольшой кабинет: от двери — к окну, от окна — к двери... Заведующий грузовым двором искоса посматривал на него, спокойно разминая очередную си-

гарету. Николай Павлович вернулся к столу, сел. И, уже прощаясь с Глухаревым, спросил:

— А вы лично, Иосиф Михайлович, давали какие-нибудь указания приемосдатчицам, чтобы они были снисходительны к заводу?

— Указания? — Глухарев задумался. — Так, знаете, иногда говорил, что с заводом надо поддерживать хорошие отношения...

Однако кому это не известно: отношения поддерживаются не с предприятием или учреждением, а с людьми, которые там работают. Кто же они, эти люди с литейного? Работники транспортного цеха, с которыми следователь уже встречался, отпадали: практически их отношения с приемосдатчицами и заведующим грузовым двором были сугубо деловыми, из рамок официальных не выходили. Тогда, может быть, «хорошие люди» — это те, кто распорядился грузовыми машинами и другой техникой? Овчинников проверил и эти связи. Они оказались достаточно сложными, но вполне законными. Подъемный кран, о котором с умилением говорил Глухарев, работал и на станции, и на подъездных путях завода, обслуживая погрузку и разгрузку вагонов. Договор, кстати, предусматривал использование крана и для нужд станции. Далее — автомашины. Да, завод их выделял, только случаи эти оказались единичными, и каждый оформлялся надлежащим образом: разрешением директора или главного инженера и соответствующей оплатой, которую железнодорожники производили аккуратно. Хотя, конечно, не исключался и другой вариант: машины работали на станции, а в документах указывалось совсем другое место. Следователь беседовал с водителями, побывал там, где, согласно записям в путевых листах, находился автотранспорт, — версия отпала. А степенный, якобы болеющий за дело Глухарев, выходит, напридумывал, как говорят, сорок коробков с коробочками. Но сделал это, надо полагать, не случайно.

На следующем допросе Овчинников предъявил заведующему грузовым двором акт документальной ревизии. Попросил обратить внимание на ту его часть, где отмечалось, что в течение минувшего года грузовая служба, а точнее — он, Володина и Смолякова, скрыла сверхнормативный простой на подъездных путях завода почти тысячи вагонов, что позволило предприятию сохранить более 51 тысячи рублей, которые должны были пойти на уплату штрафов железной дороге.

— Вы знали об этом, Иосиф Михайлович?

— В общем, так сказать, видел, конечно, знал...

— Значит, шли на это сознательно?

— Сознательно, — согласился Глухарев и добавил: — Но и по необходимости...

— Ладно, к необходимости мы еще вернемся... — Следователь заметил, что Глухарев насторожился. — Да, да, Иосиф Михайлович, обязательно вернемся. А теперь прошу вас объяснить: с кем конкретно вы договаривались о взаимопомощи? Вам понятен вопрос?

— Не вполне... Вы, вероятно, имеете в виду помощь завода нам?

— Не только. А ваше, мягко говоря, содействие заводу — это разве не помощь?

Глухарев маялся. Естественно, он ожидал такого вопроса и, конечно, готовился к ответу заранее. Овчинников не исключал, что ответ, который сейчас последует, был согласован с кем полагается.

Но Глухарев медлил. Достал пачку сигарет, щупая их пальцами, выбирал ту, что помягче.

— Ну что вы тянете, Иосиф Михайлович? — следовательно укоризненно покачал головой. — Ответить, сами понимаете, придется.

— Это в каком, простите, смысле? — встревожился Глухарев.

— Нет, нет, — улыбнулся Овчинников. — Сейчас я только об ответе на мой вопрос.

— «Сейчас», «только»... — чуть слышно повторил Глухарев. — Хорошо, отвечу. — Он закурил и, глядя на догорающую спичку, пожал плечами. — Договоренности как таковой не было... Помнится, несколько лет назад повстречались мы с заместителем начальника транспортного цеха Фроловым, с Владимиром Куприяновичем. Он то и сказал, что если будет какая нужда, то, пожалуйста, завод готов помочь. Вот и все...

— Ясно... — Овчинников кивнул и замолчал. Теперь уже он насторожился: несколько лет назад... Вполне возможно, что схема «ты — мне, я — тебе» начала действовать уже тогда... Значит, работы прибавится... — Ясно, — повторил он. — Скажите, Фролов вызвался вам помогать, ничего не требуя взамен?

— Кто же бескорыстно помогает? — мрачно усмехнулся Глухарев. — Конечно, Фролов намекнул, что сверхнормативные простои вагонов висят на заводе тяжелым грузом, и коли случится какая возможность, то неплохо бы тот груз облегчить...

— И вот с той самой поры...

— Нет, нет! — замахал руками Глухарев. — Забыл я совсем о том разговоре... В прошлом году, признаюсь, когда у нас с автотранспортом стало совсем туго, мы и начали им помогать...

— Только в прошлом году... — задумчиво проговорил следователь. Глухарев кивнул. — Слушайте, Иосиф Михайлович, а может, хватит?

— Не понимаю... — Глухарев широко раскрыл глаза. — Вы о чем?

— О махинациях, которыми вы и подчиненные вам приемосдатчицы занимались, боюсь, не один год... — Овчинников положил ладонь на объемистую уже папку дела. — Не буду вас обманывать: прямыми уликами, свидетельствующими о корыстной заинтересованности, следствие пока не располагает. Но я убежден, что они есть, а если так, то будут найдены. И вот тогда, прошу обратить на это внимание. Вы понимаете?

— Боже мой, — всплеснул руками Глухарев. — Какая у меня может быть корысть!

— Это мы еще уточним. Ну, а ваши подчиненные — Володина и Смолякова, они тоже бескорыстные?

— Чего не знаю, того не знаю. Во всяком случае, считать их нечестными права не имею: работают хорошо. Что же до меня, то я всегда был честным человеком... Я же говорил: машины нам очень нужны и кран...

— И говорили неправду!

Совсем сник Глухарев. Опять за сигаретами потянулся. И вдруг, глядя в сторону, пробормотал:

— Какая там корысть, если один раз литр спирта преподнесли, а другой — тем же спиртом выручили: я дочь замуж выдавал, расходы-то, знаете, наверное, какие.

— Когда это было?

— Когда? Первый раз — года три назад. А свадьба у дочери... Ну да, внуку скоро два года, выходит, почти тогда же...

— А точнее?

— В июле и в октябре...

Конечно, это не просто — проверить документы на отпуск спирта. Но Овчинников вынужден был это сделать. Он установил, что как в первом, так и во втором случае требования на спирт подписывал Фролов. В цехе отыскивали расчет, которым именно этот спирт-ректификат списывался на нужды производства. Только оказалось, что не было никаких нужд, нормировщица В. Петринская сказала прямо, что спирт забрал Фролов. И она отчетливо помнит — было это глубокой осенью, — как канистру со спиртом он передал заводскому шоферу Косте Решникову... Решников не запирался: канистру получил и по распоряжению Фролова отвез домой Глухареву.

Приглашенный к следователю заместитель начальника транспортного цеха поздоровался сухо и спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Прежде всего, вот чем, — так же сухо ответил Овчинников. — На нашей первой встрече — помните? — Фролов кивнул. — Вы категорически отрицали какую-либо заинтересованность приемосдатчиц и Глухарева...

— Ах, вот вы о чем! — понимающе улыбнулся Фролов. — Но вспомните и вы: разговор шел о Смоляковой и Володиной. Не так ли?

— Так. Но и о Глухареве мы, помнится, тоже говорили.

— Говорили. Но я не ошибусь, наверное, если скажу, что тогда, — Фролов повторил, — тогда он вас интересовал меньше. Правда ведь?

— Пожалуй, — согласился следователь и подумал: «Не прост он, этот Фролов!»

— И только теперь, — продолжал Фролов, — когда выплыла эта давняя история со спиртом, о которой я давным-давно забыл, вы и посчитали, что Глухаревым надо заняться вплотную.

— Что ж, могу подтвердить: вы, Владимир Куприянович, не лишены наблюдательности. Пока один — ноль в вашу пользу!

— Ну, что вы, — возразил Фролов, — думаю, что «пользу» мы с вами понимаем одинаково... Итак, чем могу быть полезен?

— Если не трудно, объясните мне все-таки историю со спиртом для Глухарева.

— Понятно, — Фролов обхватил пальцами подбородок, словно хотел пригладить несуществующую бороду. — Прежде всего, должен обратить ваше внимание на сложность работы, которой мы занимаемся...

— Это я знаю. Но при чем здесь спирт?

— А при том, что, заботясь о цехе и, соответственно, о заводе, мы тем самым облегчили тогда свое достаточно сложное положение. Судите сами: какая цена тому спирту? Первый раз — литр. Даже если оперировать стоимостью водки, то получится рублей двадцать пять. Второй раз, на свадьбу — восемь литров. Прибавим еще двести рублей. На штрафах же мы тысячи сэкономили! Вот и все, если по совести...

— Нет, совестью тут и не пахнет. Другой совсем аромат: жульнические махинации, обман государства, нарушения закона!

— Я понимаю,— с сожалением сказал Фролов.— С формальных позиций — все это так. Но это не лучшая позиция: время от нас требует многого — знаний и умения, оперативности и находчивости...

— Добавим: и все это в обход закона. А вот такая категория, как нравственность, например, вам известна?

— Простите, но это уже казуистика,— Фролов поморщился.— Так можно любое действие объявить безнравственным только потому, что оно не вполне согласуется с жесткими, порой формальными требованиями закона.

— Я думаю, что наши точки зрения не совпадут.— Овчинников устало откинулся на спинку кресла.— Скажу вам не для продолжения спора, поскольку он беспредметен: незаконное всегда безнравственно. И не будем больше об этом. Лучше о другом. Подумайте, пожалуйста, кто из ваших подчиненных может быть связан с приемосдатчицами?

— По работе?

— Нет, не только.

— Такие мне не известны. Сожалею.

— И я сожалею...

Спирт, скажем прямо, неприятная, но все-таки мелочь: не эта подачка главное. Должно быть что-то иное, более существенное, чем определялась заинтересованность Володиной, Смоляковой и, возможно, Глухарева. С другой же стороны, существовала обоснованная заинтересованность завода: 51 тысяча с лишним рублей за год — это не пустяк, «экономия» солидная. Разумеется, кто-то на литейном должен быть в курсе дела, должен не просто знать — руководить этой операцией. Фролов? Наверняка. Кто еще? И на каком уровне — ниже или выше? Овчинников не исключал оба. Но опять это были всего лишь умозрительные, ничем не обоснованные построения.

Обидно, конечно, но он вынужден был признать, что пока особых успехов не добился. Как-никак два с лишним десятилетия занимается расследованием хозяйственных преступлений, знает: то, что кажется вначале простым и ясным, становится порой запутанным и сложным. Так вот и получилось с этим делом, в котором ощутимых результатов еще не видно. Почему? Вопрос-то не очень серьезный: потому что до сих пор не нащупал того слабого звена, которое помогло бы разомкнуть, разорвать преступную цепочку. Но тогда — почему не нащупал?

Звенья, представляющие грузовую службу станции, ему известны — Глухарев, Володина, Смолякова. Других там, пожалуй, нет. А кто в цепочке от транспортного цеха или, что не исключается, даже от завода? Известен только Фролов. И еще известно, что ни одно из названных звеньев добровольно, без толчка извне не разомкнется. Значит, нужны сейчас другие. А где их искать? Разумеется, только в транспортном цехе.

Временные рамки его поисков — год, тот самый год, который заинтересовались сотрудники милиции и выдали ему, следовательно, как некий стереотип. Не искусственны ли эти рамки? Можно же предположить — и к тому есть некоторые основания, — что история эта длится не год, а больше. Тогда?.. Тогда надо выходить за его пределы!

Овчинников углубляется в документы. Через несколько дней находит любопытный факт: последний солидный штраф завод уплатил три года назад — за сверхнормативный простой вагонов в июне. Затем суммы пошли на убыль, а с октября штрафов уже не было вообще, как, судя по документам грузовой службы, не было и сверхнормативных простоев. Случайное ли это совпадение, что Глухарев получил «порцию» спирта в июле, а вторую, более солидную, в октябре?

И еще: в октябре того же года уволился начальник транспортного цеха Г. Чугунов. Настораживает ли это обстоятельство? Вообще-то можно отнести его к случайности, но... Вот ведь что случилось: за последовавшие после ухода Чугунова три года (все время три года!) в цехе сменились четыре начальника. Почему уходили люди? На этот вопрос лучше всего могли ответить они сами. Правда, Овчинников не исключал, что их показания окажутся, мягко говоря, не совсем объективными. И ошибся. Приглашенные по очереди к следователю, они, словно сговорившись, были немногословны: «Цех — очень трудный участок работы, хлопотный, зачем же себе жизнь усложнять?» Через несколько дней бывшие начальники поведут себя по-другому: расскажут об истинных причинах ухода, о жульнических махинациях, с которыми не желали мириться (однако, как справедливо заметит Овчинников, ни один не принял никаких мер к пресечению махинаций). И в судебном заседании, куда их пригласят в качестве свидетелей, они полностью подтвердят свои показания. Но это будет потом. Пока же только Чугунов сказал, что не сработался с Фроловым, которого всегда поддерживал заместитель директора завода И. Колоскевич. Пояснений Чугунов не дал, заметил только, что в цехе немало фроловских прихвостней, таких, как мастер по ремонту пути А. Каба...

Результат пока был мизерный: один Каба. А не он ли то самое звено, которое так мучительно ищет Овчинников? Расспросить о нем Фролова? Вряд ли заместитель начальника цеха даст какие-нибудь стоящие разъяснения. Но если Каба — «звено», тогда некоторую ясность могут внести приемосдатчицы и Глухарев.

Заведующий грузовым двором сказал, что с Кабой не знаком, но слышал о нем.

— А не припомните, Иосиф Михайлович, от кого слышали?

— По-моему... Боюсь, правда, ошибиться, но, кажется, Володина что-то о нем говорила Смоляковой.

Приемосдатчицы от прямого ответа на поставленные вопросы уходили. Одна утверждала, что встречалась с мастером давно и случайно, другая говорила о личных мотивах встреч, которые следствие интересовать не должны.

Начиная допрос Кабы, Овчинников решал сложную задачу. Было очевидно, что приемосдатчицы тщательно скрывают и факты встреч с мастером, и, главное, мотивы этих встреч.

Оказалось, что Каба не был подготовлен к вопросам, которые задал ему Овчинников. Сначала даже отрицал знакомство с приемосдатчицами, затем стал мучительно вспоминать, когда и при каких обстоятельствах с ними встречался. И, наконец, ухватился за спасительную, по его мнению, мысль:

— Иногда деньги у них перехватывал до получения, потом, конечно, возвращал...

Что «перехватывал» — этому следователь не поверил, а в «возвращении», чувствовал, что-то было. Не в тех ли деньгах тот самый

интерес приемосдатчиц? А где их брал мастер, у Фролова? Возможно, но не от своей же зарплаты отрывал эти суммы начальник цеха? Источников в данном случае могло быть много, и один из вероятных — известный Овчинникову по предыдущим делам премиальный фонд.

Несколько дней провел следователь в расчетном столе заводской бухгалтерии, листая ведомости, делая выписки. Между прочим, Ахмет Каба из предполагаемой версии вроде бы выпадал: премировался редко — два-три раза в год. Это «открытие» не обескураживало: и без мастера у следователя получалось весьма оригинальная своя «ведомость». Из нее, например, явствовало, что операторы второго поста А. Меняйлова и Л. Птичкина и еще три работницы цеха — дежурные по переезду — почти ежемесячно получали премии. Не год, а полных три. Суммы разные — от 25 до 40 рублей. Все ведомости, даже в бытность начальником цеха Чугунова, подписывал Фролов. Кроме того, Меняйлова и Птичкина были явными фаворитами: когда им не полагались премии по итогам работы, они фигурировали в других ведомостях — премированных за выполнение специальных заданий. Потому-то их допрос Овчинников отложил. Начал с дежурных по переезду.

Дежурные не забирались: премии получали регулярно, только им доставалось немного — пять — десять рублей от каждой. Остальное отдавали мастеру Кабе. Как он ими распорядился — их не интересовало. Зачем? Ведь у дежурных было то, что дороже денег: расположение начальства. Отпуск — когда надо, полное содействие в получении путевок. Или, скажем, вместо одного отгула за переработку — два, а то и три. Да мало ли еще какие послабления бывали...

Желание угодить начальству и, разумеется, блага, которые вытекали из «добрых отношений», — вот что, оказалось, толкнуло на преступление мастера. Он, правда, преступлением это не считал.

— Деньги я получал, — показал Каба. — И по указанию Фролова передавал их то Смоляковой, то Володиной.

— И Глухареву? — спросил следователь.

— Нет, Глухареву не передавал.

— А Меняйлова или Птичкина?

— И они с Глухаревым дела не имели. Иногда деньги отдавали мне, а чаще — выходили на приемосдатчиц сами. Как Фролов скажет...

По-другому повели себя теперь Володина и Смолякова. После недолгих запирательств они вынуждены были полностью подтвердить все, что сказали Каба, Меняйлова и Птичкина. Однако попытались выгородить Фролова, утверждая, что с ним не встречались и ни о чем не договаривались.

Фролов сам опроверг это утверждение:

— С самого начала мы так и договорились: Володина и Смолякова будут ежемесячно получать «за труды» не менее восьмидесяти, но и не более ста рублей каждая.

— А как оплачивались «труды» Глухарева?

— Мы, честное слово, не оплачивали...

— А я ведь знаю цену вашему «честному слову!» — не удержался Овчинников.

— Мне трудно что-либо возразить, — тихо проговорил Фролов, но тут же, вскинув голову, продолжил. — Прошу учесть, что лично

мне ничего, не доставалось. И потом — я не распоряжался премиальными фондами...

— Не о фондах речь, — перебил следователь. — А о том, чем вы распоряжались, — о премировании подчиненных!

— Да, это так. Но без фондов какие могут быть премии?

— Логично, — согласился Овчинников. — Однако что вы имеете в виду?

— А то, что... — Фролов задумался. И вдруг, махнув рукой, мол, была не была! — отчеканил. — На все это я получал санкцию Ивана Александровича.

— Значит, Колоскевич... — Как бы самому себе сказал следователь, подумав, что всякое действие почти всегда логически обусловлено: заместитель директора завода все знал, только этим и можно объяснить поддержку, которую он оказывал Фролову.

— Да, Колоскевич. Он помогал как мог. Но, обратите внимание, бескорыстно, только для пользы дела!

Сколько раз приходилось Николаю Павловичу Овчинникову слышать эти весьма двусмысленные слова: «Для пользы дела»... И не было в его практике случая, чтобы правонарушения помогали делу. Альтернатива отсутствовала: только мешали. Как мешали и в данном случае нормальной работе транспортного цеха, всего завода. Вместо того, чтобы по-настоящему организовать обработку прибывающего подвижного состава, вместо того, чтобы содержать в порядке технику и подъездные пути, на литейном приняла все меры к замазыванию недостатков, к созданию видимого благополучия. И то, что Фролов говорил о своем бескорыстии, было ложью: за будто бы отличную работу цеха его неоднократно премировали, награждали, возносили на совещаниях, а в управлении железной дороги даже ставили в пример другим. В своих сферах высоко котиrowался и Колоскевич — деятельный хозяйственник, сумевший многого добиться в транспортных делах своего предприятия...

Как и ожидал следователь, Колоскевич держался подчеркнуто вежливо, однако во всей его повадке, в том, как, не торопясь, произносил слова, чувствовалось не то чтобы высокомерие, а полное осознание своей значительности и, следовательно, неуязвимости. Это Овчинников видел и понимал. Но понимал он и другое: как-никак Колоскевич — уважаемый человек, возраст у него солидный, да и опыт руководящей работы большой. И, конечно, ему не очень-то приятно приглашение в прокуратуру, как, очевидно, неприятны и последние события на заводе.

Понятно, что все это следует учитывать в любом случае, только могут ли такие аргументы оправдать или хотя бы объяснить действия заместителя директора?

— Я хотел бы кое-что объяснить, — Колоскевич словно прочитал мысли следователя. — Начну, если позволите, с уточнения терминологии. Вы, я убежден, будете утверждать, что совершено преступление. У меня позиция иная: допущены некоторые нарушения. Я сознаю: каждое из них можно при желании квалифицировать соответствующими статьями уголовного кодекса, можно кого-то отдать под суд и даже осудить. Но будет ли это государственным подходом?

— Простите, это вы у меня спрашиваете? — удивился Овчинников.

— Нет, что вы. Вопрос чисто риторический, отвечу сам. Что значит сегодня государственный подход? Прежде всего, успех дела, которое тебе поручено. Цель оправдывает средства — говаривали когда-то иезуиты. Не разделяя, естественно, их концепций, я позволю себе признать этот постулат. Цель — это все. Средства — категории подсобные...

Овчинников немного растерялся: как реагировать на явную чушь? Можно, конечно, предложить перейти к делу, но вместе с тем для следователя кредо человека не может быть безразличным. Так что перебивать не стоит...

— К чему я все это говорю? — продолжал Колоскевич. — А к тому, что содеянное нашими работниками, равно как и работниками станции, конечно, безнравственно. Но цель? Она благородна: четкая работа завода, работа без нервотрепки, без скандалов, без исков и штрафов. Кстати, меня познакомили с актом ревизии. Вы же не станете отрицать, да простится мне такое сравнение, что для нашего предприятия «экономический эффект» от допущенных нарушений достаточно высок. Хотите вы того или нет, но в данном случае цель оправдывала средства. И если по большому счету, то средства эти, как и сама цель, служили интересам дела. Вот так!..

Теперь уже не «для пользы дела», а «в интересах дела». Суть-то одинаковая: стремление болтовней, демагогией прикрыть безалаберность, бесхозяйственность, нежелание по-настоящему работать.

Прежде чем пригласить к себе заместителя директора, Овчинников поработал немало. Узнал, например, что перед тем как организовать регулярное вручение взяток, Колоскевич пытался найти более «приличный» выход. И посчитал, что нашел. Погрузочная площадка завода позволяет одновременно обрабатывать два вагона. Надо еще учитывать, что нормы простоя рассчитаны на круглосуточную работу, а здесь была лишь односменная.

Бригада грузчиков, в которой по штату должно быть 25 человек, насчитывала 12—14, да и те нередко совершали прогулы, пьянствовали. Какая уж тут норма! И Колоскевич направляет в управление железной дороги письмо, в котором просит утвердить фронт разгрузки с расчетом не на два, а на один вагон.

Смысл? Он в том, что время простоя автоматически сократилось бы вдвое: второй вагон, который фактически разгружается вместе с первым, числился бы еще не поданным.

Потирая руки в предвкушении надвигающейся удачи, Колоскевич ожидал решения. Дождался: управление железной дороги в просьбе отказало. Конечно, можно было бы, как говорится, засучив рукава взяться за дело, навести должный порядок, но как-то не хотелось всем этим заниматься. Тем более что Фролов уведомил о состоявшемся «контакте» с заведующим грузовым двором и о том, что вполне возможно, минуя его, постоянное «сотрудничество» с приемосдатчицами. Тогда-то они и начались — поиски средств на «дополнительную оплату труда» Володиной и Смоляковой. К премиям обратились сразу. Но фонд не так уж и велик — не возьмешь оттуда ежемесячно 80—100 рублей на сторону. А надо. И Колоскевич обратился к начальнику заводского отдела гуда и заработной платы И. Широкову. Потом, в судебном заседании, свидетель Широков показал:

— Премияльный фонд распределяется по цехам и службам про-

порционально числу работающих и с учетом итогов их работы. Транспортному цеху суммы выделялись на общих основаниях.

— Всегда? — спросил председательствующий Ф. Комаров.

— Раньше — всегда, а три года назад положение несколько изменилось: транспортный цех стал получать больше, частенько даже независимо от итогов работы.

— Но это же нарушение, или вы так не считаете? — вопрос задал народный заседатель, плотник строительного треста Л. Пономарев.

— В некоторой степени — да, — согласился Широков. — Но эти, как вы правильно заметили, нарушения были вызваны производственной необходимостью, о чем мне неоднократно говорили товарищи Колоскевич и Фролов.

— Как же на эту «необходимость» смотрел комитет профсоюза? — поинтересовалась Ф. Ломовцева, другой народный заседатель, работница электромеханического завода.

— Насколько мне известно, завком не возражал...

Таким образом, «экономический эффект», на который ссылался заместитель директора, оборачивался еще одной стороной: в течение трех лет от других цехов и служб ежеквартально отрывали не менее 400 рублей, которые шли, в основном, на взятки приемосдатчицам, а частично — в оплату «забот» мастера Кабы и «премированных» за использование их фамилий.

— ...Вот так! — повторил Колоскевич и торжествующе посмотрел на следователя.

— Послушайте, Иван Александрович, вы ведь не только плохой руководитель. Вы... — Овчинников крепко сжал сплетенные пальцы, сдерживая неожиданно подступивший гнев. — Простите за резкость, но вы еще и растлитель человеческих душ!

— Как вы смеете! — Колоскевич гордо вскинул голову. — Да я...

— Вы, вы, Иван Александрович. И Фролов — тоже... Объяснить почему?

— Не надо, — высокомерно произнес Колоскевич. — Все это вы объясните там, — он нервно ткнул указательным пальцем вверх, — куда я обращусь на вас с жалобой.

— Пожалуйста. Вы получите все необходимое — бумагу, ручку.

— Нет уж, увольте, я это сделаю у себя.

— Сожалею, но к себе вы не вернетесь. — Овчинников достал из папки лист бумаги. — Вот санкция на ваш арест...

Колоскевича увели. Следователь работал сутками. Как ее, определить, цену, заплаченную им за каждое дело? Разве тем, что ни одно из них не возвращалось на доследование. И еще: к пятидесяти четырем годам его густая шевелюра стала совсем белой...

В положенное время обвинительное заключение, подписанное следователем и утвержденное прокурором области, пошло в суд...

Несколько дней длилось судебное разбирательство. Судьи, скрупулезно исследовав обстоятельства дела, внимательно выслушав стороны, подтвердили все пункты обвинения. Организатор и вдохновитель преступления — заместитель директора завода Колоскевич был осужден на пять лет лишения свободы, его «правая рука», заместитель начальника транспортного цеха Фролов — на четыре года. Получили, что положено, и взяточницы: Смолякова — пять лет, Володина — четыре года... Понесли наказание и другие участники преступления.

„Ничей“ ребенок?

Татьяна Андреевна, моя дальняя знакомая, позвонила неожиданно, голос был очень взволнованным: «Помогите! Вы же много лет работали в школе, знаете детей. Такая история происходит!.. Я уже почти год бьюсь, хочу спасти девочку, но меня и слушать не хотят, я же ей никто...»

Наверное, в жизни любого педагога не редкость, что знакомые и родственники обращаются за советом, когда что-то случается с их детьми. Так же, как и врачи не испытывают недостатка в

звонках и просьбах знакомых. Если помочь удастся, бываешь очень рада.

История, рассказанная инженером Татьяной Андреевной, оказалась куда сложнее.

ДЕВОЧКА ЛЮСЯ

На дворе давно стоял октябрь. Холодный ветер нагонял сырость.

Татьяна Андреевна возвращалась в тот день домой поздно, работала в вечернюю смену. В метро задремала. Проснулась будто от толчка — кто-то пристально смотрел на нее. Напротив сидела девочка лет тринадцати и буравила ее взглядом. Татьяна Андреевна передернулась — что ей нужно? Но тут же другая мысль заставила окончательно проснуться: на улице холодно, а девочка в легком платье; и что она делает в этот поздний час в метро? Приглядевшись, Татьяна Андреевна почувствовала, что и лет-то ей меньше, просто рослая она и худая, и глаза острые, бегающие, совсем не детские.

Слово за слово — и выяснилось, что девочка убежала из дому. — Меня опять мамкин «тип» побил! — доверительно рассказала она. — Искал, искал свои противные сигареты и спички, а потом говорит: ты взяла. И давай бить...

— А мама?

Девочка промолчала.

Поезд остановился у станции, на которой нужно было выходить Татьяне Андреевне. Она быстро поднялась, инстинктивно взяла девочку за руку. Потом дома они ужинали. Люся уплетала за обе щеки жареную картошку с колбасой, пила чай: «Вкуснотища!» И добавляла: «Ой, как у вас красиво, чисто...»

В ближайшие дни Татьяна Андреевна многое узнала о Люсе. Лет ей оказалось всего лишь девять. Училась Люся во втором классе, жила вдвоем с мамой. Отец был и вроде бы есть, но давно уже родители разведены. Есть еще бабушка с дедушкой, но они, видно, старые, больные.

Пока Люся ходила в детский сад, ни в чем необычном замечена не была — разве что говорливая да сметливая. Жалели ее — без отца растет, да и мама... «неблагополучная». В школе, однако, начались странности. Только-только стала налаживаться учебная жизнь первоклассников, как случилось ЧП: исчезли две девочки, Люся и Маша. Лишь в полдень следующего дня милиция обнаружила беглянок на железнодорожной станции в двадцати километрах от города. Маша сразу повинилась: «Это все Люська придумала!» Люсе попало. На какое-то время покой восстановился. Но ненадолго. Она продолжала убежать из дому.

Училась Люся неважно, первый класс еле окончила. В дальнейшем в ее характеристиках и прочих документах будет записано: «Житейски развита выше нормы, но способности к учебе слабые». Однако и во втором классе неуспевающей она не была.

— Весь ужас в том, что и бегать она продолжает, и мало кого интересует ее судьба, — с горечью говорила мне Татьяна Андреевна. — Как же так?

Мне самой довелось познакомиться с Люсей в неожиданном месте — в хирургическом отделении детской больницы: она сломала ногу.

В больничной карточке обычная запись: доставлена тогда-то, травма такая-то, мать работает в жэке, отца нет.

— К бабушке хочу! — сразу заявила Люся, приняв меня за врача.

— Почему же не к маме?

— Ой, господи! — раздосадовалась Люся. — Все давно знают, а вы нет... У меня же мама... — пьяница! К маме я потом пойду, когда она исправится.

— А ногу ты как сломала?

— Прыгнула в окно, вот и сломала!

— Но почему же ты прыгнула?

— Думаете, интересно на кухне сидеть? Мамка с «типом» опять напились да спать завалились, а меня на кухне заперли. Я и подумала — второй этаж — ничего. Только неудачно приземлилась.

— Куда же ты ходишь, когда убегаешь из дому?

— На вокзал... Или в парке гуляю... Куда же еще?

Я слушала эти недетские рассуждения девочки, и мне становилось тоскливо от мысли, что бесприютность, нелегкость судьбы очень уж повзрослили Люсю. Следом пришли недоумение и досада: неужели же ее одиночество, побеги так никого и не волнуют?

Не волнуют? Но должны волновать тех, кому законом нашим положено отвечать за воспитание детей, за их нравственное и физическое здоровье.

Поэтому я и решила посмотреть, как свои обязанности выполняют люди, близкие этой девочке. Надеюсь, что этот «смотр» поможет найти виновных Люсиной беспризорности и выявит подлинных воспитателей.

БАБУШКА

Бабушка... Какое счастье, если она есть у ребенка! Она не только приютит, приласкает, посидит, пока родителей нет дома. И не только испечет ему вкусные пирожки, на которые у мамы вечно не хватает времени. Она и в кино сводит, и выслушает в тишине вечера все-пресе обиды внука, претензии его, радости, секреты. И внушит, что все плохое когда-то проходит...

Дверь мне открыла невысокая плотная женщина лет шестидесяти. Зинаида Алексеевна пригласила меня в комнату, где дедушка Федор Сергеевич, тоже еще не старый, энергичный, накрывал на стол. Уютно. В нише большая деревянная кровать. Застелена пышно. Ворсистый ковер, торшер, на полочке яркие иллюстрированные журналы. И кругом — ковры, полированная мебель, цветы разбежались по стенам и потолку.

— Хорошая девочка наша Люся, только вот ненормальная, — сразу приступила бабушка к делу. — Ну что такое — возьмешь ее с собой в магазин, поставишь в очередь в кассу, сама отойдешь посмотреть, что дают, а она — тикать. И до вечера не жди! И вот ведь что — тут никакими мерами не поможешь. — Бабушка горестно покивала головой и вдруг неожиданно жестко добавила. — Решать надо.

Признаться, у бабушки я ожидала услышать сумбурный рассказ, полный глубоких страданий. И выводы — отчаянные, горестные, но направленные на то, чтобы спасти дочь и внучку.

Зинаида Алексеевна прокликает день, когда дочь ее Алевтина вышла замуж за Люсиного папу.

— Говорили ей — ничего хорошего не получится. Так и вышло.

И пошел долгий рассказ о том, что они оказались правы. Долго говорили дедушка и бабушка о собственной дальновидности, но в их пространных речах не слышалось боли за внучку.

— Вот ведь наш второй ребенок, сынок Сереженька, вырос таким хорошим.— И опять пространные рассказы, теперь уже о Сереженьке.— Он у нас умница и очень добрый! С нами советовался, вот и женился по-умному!

...Из-за закрытой двери другой комнаты доносились молодые голоса и смех — мужской и женский. И давным-давно задавала я себе вопрос: почему Люсин дядя Сережа даже не заглянет в комнату, где, как он знал, разговор идет о его единственной племяннице, о несчастном ребенке? Не знать он не мог: я о своем визите предупредила загодя. В нарочито наглухо закрытой двери, в полном игнорировании всего, что касается сестры и племянницы, проглядывало глубокое равнодушие к близким... И почему-то невольно думалось мне о прошлой жизни этой семьи, когда Алевтина была еще девочкой. Ни мать, ни отец не сказали доброго слова о ней. Может, их родительское сердце давно было отдано сыну? Не с пренебрежения ли к себе началась Алевтина неприязнь к дому, к уюту, к домашним обязанностям?

Мне было грустно их слушать. Грустно осознавать, что та уютная мирная гавань, о которой мечтает бесприютная девочка, наглухо закрыта для нее. Грустно, что единственный выход, который виделся бабушке и дедушке, был: лишить Алевтину родительских прав, отправить Люську в детский дом.

ШКОЛА

Татьяна Андреевна удивляется:

— Люсина школа считается очень хорошей — и учителя там отличные, и кружки интересные работают, даже клуб интернациональной дружбы. А для Люси они ничего не сделали!

И вот я беседую со школьными работниками, сотрудниками РОНО. Люсина учительница Марина Петровна — милая, добрая молодая женщина. Узнав, что Люся сломала ногу, нанесла ей в больницу визит, и даже не один.

Как мне важно услышать ее мнение о девочке, об ее горестях, увлечениях, о выходе из тяжелого положения, в которое попала ее маленькая ученица.

И вдруг...

— Она ненормальная! — заявила Марина Петровна.

Где я уже слышала это слово? Ах, да, у бабушки!

— У нас есть заключение медико-педагогической комиссии, читайте!

Вот оно что! Читаю бумаги. Оказывается, учась во втором классе, Люся, по настоянию бабушки и школы, провела два месяца на обследовании в городском психоневрологическом диспансере. Никакие психические или психоневрологические аномалии у нее не обнаружены, но в графе «диагноз» записано: «Патохарактерологическое развитие». То есть очень трудный характер.

— Врачи ее пожалели! — говорит директор школы. — Наверняка диагноз серьезнее. Есть же такая психическая болезнь — склонность к бродяжничеству? Как раз ее случай! Сразу видно.

Вспоминаю наши встречи в больнице, долгие беседы с Люсей. Многолетний педагогический опыт обязательно помог бы почувствовать беду. По крайней мере, такую, как психическая неполноценность, умственная отсталость. Но нет, не почувствовала... И Татьяна Андреевна ничего не заметила в Люсе за год знакомства — наоборот, говорила, что Люся хорошая, но несчастная и запущенная девочка.

— Откуда такой вывод? — спрашиваю я Марину Петровну.

— Я... я... — Марина Петровна беспомощно смотрит на директора, словно испрашивая разрешения говорить. — У нее... Нет, Люся, точно, больная. У нее устный счет хромает. И грамотность.

— Но вы же ставите ей тройки — значит, может учиться?

— Из жалости! — вскидывается директор. — Ну поставим двойки, а дальше что?

— Знаете, сколько я с ней сижу? — обижается Марина Петровна.

От Татьяны Андреевны я услышала другое:

— После нашего знакомства Люся зачастила ко мне. Смотрю — программу второго класса она совсем не знает. Взяла я учебники, разобралась, что к чему, сели заниматься. И все у нее получалось! Как же радовалась она своему пониманию того, что ей казалось сложным, недоступным.

И в больнице, наблюдая, как скучно Люсе лежать с загипсованной коленкой, врач предложила:

— Читала бы книжки — время быстрее бы шло!

— Да я плохо читаю... — смутилась Люся.

— А ты попробуй вслух, младшим девочкам.

Заливаясь краской, Люся стала по складам читать «Золушку» трем девчушкам дошкольного возраста, что лежали в этой же палате. И как же при этом сияли ее глаза!..

Но школьные работники твердили: она ни к чему не способна... А беспокоила их вовсе не судьба девочки.

— Я прошу вас, если будете писать, школу не трогайте, — вмешивается в разговор завруно. — Что могли, товарищи сделали. Вот ведь Марина Петровна ходила к Люсе в больницу. Вам рассказали об этом? Рассказали? Вы напишите, что учителя проявили заботу. А если здраво рассудить, ну сколько можно с ней заниматься? Других детей когда учить и воспитывать? Люся у директора — тысяча первое дело.

Тысяча первое дело у директора... Да, сегодняшняя нагрузка школьных работников огромна. Но разве сопоставимы нормальные дела с такой вот трагической судьбой ребенка? Случай — из ряда вон выходящий, ради него можно хотя бы на время потеснить остальное.

Уже давно доказано, что «трудными» дети становятся не сами по себе, а из-за недостатка воспитательной работы, из-за домашних бед. И каждая школа изыскивает какие-то возможности воздействия на «трудных». Здесь и непосредственная индивидуальная работа с родителями, и дополнительные занятия с ребятами по сложным предметам. Здесь и внеклассная работа. Главное — в каждом растущем человеке пробудить чувство собственного достоинства, желание быть среди хороших, видных ребят, кому есть чем гордиться, а не среди шалопаев. Глядишь — и открываются глубинные клапаны их личности,

скрытые духовные возможности. А дальше — почти обязательно сбывается такая закономерность: проявив себя на каком-то неожиданном поприще, познав сладость самоуважения, такие ребята и к учебе начинают тянуться, во всех отношениях становятся лучше.

...И все-таки почему же за долгие разговоры мне в школе не было сказано ни одного слова о том, как педагоги пытались повлиять на Люсю? Какие средства из богатого арсенала педагогической науки и своего учительского опыта использовали они, чтобы помочь ей? Чтобы сделать элементарное: если дома у Люси идет такая жизнь, создать какой-то противовес в школе? Пусть бы здесь девочка почувствовала теплое отношение к себе.

— С нашими тройками она вполне может учиться в третьем классе для умственно отсталых детей, — уверены школьные работники.

Вот и ответ на все вопросы: скорее «поставить крест», спихнуть девочку на чужие руки. План по всеобучу выполнен, неуспевающих нет, школа на хорошем счету. Ну а то, что от такой «спихотехники» беды ребенка усугубляются, школу уже не интересует, — станет она «не наша»...

Мы привыкли с огромным уважением относиться к труду учителей, верить мнению их о школьниках, ибо убеждены, что учителя любят ребят, заботятся об нравственном, физическом становлении их личности. Действительно, таких большинство. Тем более разительным бывает равнодушие отдельных педагогов по отношению к своим питомцам. В этом случае оно вызывает неприятие. И резкое осуждение.

Увидев такое отношение к Люсе, к девочке нелегкой судьбы, я не могла не высказать его в лицо учителям и на страницах журнала.

МАМА

Но даже если ребенок не нужен ни близким родственникам, ни школе, есть один человек, для которого он — главный. Каким бы ни был — больным, убогим, искалеченным... Даже так: больной или неблагополучный он еще дороже ей — своей матери.

Встречи с Алевтиной Федоровной я ждала больше двух недель. Вместе с Татьяной Андреевной и участковым инспектором по делам несовершеннолетних мы много дней подряд приходили к Алевтине Федоровне домой. Однако на все наши звонки в дверь квартиры отвечала гулкой пустотой.

— Пожалуйста, не думайте о ней плохо, она глубоко несчастный человек, — убеждала Татьяна Андреевна. — Ее спасти надо!

И Люся говорила:

— Когда мамка трезвая, она хорошая. Я только ее «типа» ненавижу, а он меня.

И мамина записка дочке в больницу заботливая, ласковая: «Люся! Если врач разрешит пройти к тебе, я поднимусь. Не скучай, если меня не пропустят. Веди себя хорошо и слушайся врачей. И ни в коем случае не ходи, тебе это нельзя. А то будет плохо с ногой и даже можешь остаться калекой, или потом будут делать операцию. Кушай все получше. Одежду переодень и передай мне грязную. В субботу или воскресенье я приду опять».

Однако больше не пришла в больницу Алевтина Федоровна, поручив это доброй Татьяне Андреевне...

Встретились мы в милиции, куда была вызвана Алевтина Федоровна. Она совсем еще молодая — только тридцать третий год. Лицо отечное, глаза бегают. Ноги и руки дрожат так, что сразу видно: это не просто волнение, а результат многолетнего пьянства. Такую дрожь нелегко унять.

— Как же так, Алевтина Федоровна? — спрашивает участковый инспектор. — Ваш сожитель пьет, вас спаивает, избивает. Дочку вашу ненавидит — вон как она его боится! — а вы его чуть ли не мужем считаете...

— А мне хорошо с ним.

Я чувствую себя пригвожденной к стулу. «Хорошо с ним...» Что ж, это очень важно: всем людям должно быть хорошо со своими любимыми — от этого зависит наше настроение, работоспособность, наш жизненный потенциал. Но как может быть женщине хорошо, если из-за этого все плохо у ее ребенка? Если ее любимый ненавидит этого ребенка?

— Ну, не виновата же я, что судьба у меня такая уродливая! — вдруг вскрикивает Алевтина Федоровна. — Все люди живут как надо, а у меня одни беды! Муж бросил... Никому, никому не нужна я! Запьешь тут... Этот мой... теперешний муж... хоть жалеет меня. А Люська его раздражает.

— Значит, и дальше все будет по-прежнему... — слышу я голос инспектора.

— Нет, все, решила завязать. Из-за Люски. Только не отбирайте ее у меня, подождите, я вас очень прошу! Ну поймите, мне трудно самой бросить пить! Я на той неделе была у врача, сдаю сейчас анализы. Обещали дать путевку на лечение...

И в словах этих такая горечь, что сжимается сердце. Может быть, это начало раскаяния? И тогда есть надежда, что все образуется?

Страшно, когда люди рожают детей лишь потому, что «так случилось». А. С. Макаренко писал в «Книге для родителей»: «Если вы родили ребенка — это значит, на много лет вперед вы отдали ему все напряжение вашей мысли, все ваше внимание и всю вашу волю. Вы должны быть не только отцом и шефом ваших детей, вы должны быть еще и организатором вашей собственной жизни, ибо вне вашей деятельности как гражданина, вне вашего самочувствия как личности, — не может существовать и воспитатель».

И действительно, рождение ребенка преображает всю нашу жизнь, наполняет ее новым счастьем: ты теперь больше всего на свете нужна своему сынишке или дочке. То, что прежде радовало и привлекало, становится второстепенным: у тебя теперь такое чудо — ребенок.

Что и говорить, невероятно трудно, когда приходится растить ребенка одной — и материально, и, что подчас еще важнее, морально. В душе одинокой женщины — почти всегда боль, грусть... И тем не менее непростительно приносить в жертву своему личному счастью судьбу детей. Обычно такие истории кончаются трагически — и для детей, и для самой женщины. Потому что если уже есть дети, то счастье женщины возможно, лишь когда счастливы они. Это вечная истина, смысл ее никогда не изменится.

Одумается ли Люсины мама? Поймет ли, что сейчас она могла бы еще спасти дочь? Сегодня есть псхва для «искупления грехов» перед дочерью — это любовь девочки к матери. Сумеет ли Алевтина Федоровна пробудить свое материнское сердце? Вернет ли своему ребенку детство?

МИЛИЦИЯ

Не один день провели мы с Татьяной Андреевной в кабинете участкового инспектора по делам несовершеннолетних Елены Васильевны. Даже «технически» ей оказалось непросто сосредоточиться на «деле Люси»: бесконечные звонки, судебные заседания, чрезвычайные происшествия, давно назначенные вызовы тех, кто состоит у нее на учете... Пока Елена Васильевна занята с кем-то другим, я могу чуть глубже разобраться в ее работе.

— Ну, хорошо,— говорит Елена Васильевна,— лишат Люсину мать родительских прав, а что дальше? Никто не заменит ребенку мать, никто. И Люся все говорит: «Только не лишайте маму родительских прав, она исправится». А лишим — так последнюю надежду на мать отберем. Чем же тогда удержать ее на наклонной плоскости?

— Не всегда у Люси в семье было так плохо,— говорит Елена Васильевна.— Наступают вдруг спокойные периоды — тогда мать от дочки не отходит. А потом срывается. Жалко ее: это безвольный, опустившийся человек. Попробуем помочь ей устроиться на лечение, проследим, чтобы не сорвалась.

Но если так, почему до сих пор милиция медлила?

— Да потому, что у нас мало союзников,— говорит Елена Васильевна.— Все только спешат куда-то эту Люсю спихнуть. И сейчас звонят: «На этом деле «сидит» корреспондент, а вы все тянете? Когда будете лишать Люсину мать родительских прав?» Требуют, чтобы с первого же сентября Люся была переведена в специнтернат для слаборазвитых детей. А я думаю, для нее это будет вредно. Да, характер у нее очень трудный, но эту девочку просто воспитывать надо. Эх, если бы найти союзников...

И они нашлись. И вовсе уж неожиданные.

ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА

Первый, кто встречает нас в отделении больницы, это Люся. Только что кончился завтрак, и Люся вместе с какой-то девочкой уносит из палат в кухню посуду. Увидев Татьяну Андреевну, виснет у нее на шее...

Татьяна Андреевна достает стопку книг.

— Ой, как здорово! — радуется Люся.— Буду читать малышам, у нас их тут несколько. Представляете, у них сотрясение мозга, а они скачут! Вот глупые, лежать же надо!

Люся на минуту исчезает в палате, унося книги и гостинцы. Оттуда доносятся радостные голоса.

— Хорошая она дивчина, добрая, всем помочь хочет, а у самой все не как у людей! — вздыхает нянечка.— Мы тут все ее жалеем.

Заведующая отделением приглашает нас к себе в кабинет. За эти недели в больнице много успели сделать. Всесторонне обследовали Люсю, показав психиатрам. Новая комиссия не обнаружила у нее умственной отсталости. Проверены Люсины школьные знания — упущенность огромная, но педагог больницы считает, что все поправимо. Люся вполне способна наверстать упущенное. Взят под сомнение и прежний Люсин диагноз — «патохарактерологическое развитие»: врачи больницы и педагоги уверены, что, если девочка будет помещена в нормальные условия, она перестанет быть трудно-воспитуемой. Заведующая и врачи не раз беседовали с Люсиной

мамой, старались убедить ее, что Люся не может без нее жить, что она должна вылечиться. Ускорили устройство ее в больницу. Сложностей впереди очень много, но надежда на выздоровление есть. Договорились и о Люсином доме: помещают ее в интернат. Оказывается, можно! Стоит только душу приложить.

Татьяна Андреевна задерживается в больнице — посидеть с Люсей. Девочка прижалась к ней котенком. А мне вдруг вспомнилась фотография, она сделана в последний Люсин детсадовский год, и на ней она такая милая, простодушная, солнечная! Только-только пошла в первый класс. Большой пышный бант топорщится вверх, и кажется, что Люсенька очень хочет скорее стать большой. Глаза приветливые, смотрят на вас широко и открыто; Люся улыбается вся, до кромки бантика. В день знакомства с Люсей мне показалось, что между нею прежней и новой прошло много лет и, миновав детство и отрочество, девочка стала взрослой. А сейчас Люся снова улыбалась детской, нежной, счастливой улыбкой. И мне показалось, что она еще узнает радости детства.

В истории, рассказанной здесь, изменены все имена, не названо и место, где она произошла. Люсе еще расти и жить — пусть же дорога ее будет незапятнанной.

Случай этот при всей своей исключительности кажется мне чрезвычайно поучительным. И мораль, которую можно извлечь, многопланова. Прежде всего я вижу ее в том, что наша система воспитания, ставящая во главу угла интересы детей, построенная на гуманной основе, предъявляет особый, повышенный спрос к людям, которые имеют отношение к воспитанию детей и подростков. Те, кто этим требованиям не удовлетворяет, заслуживают самого сурового осуждения. В нашей истории это, к сожалению, мать, бабушка, дедушка, школьные учителя Люси.

Но... Мне приходилось заниматься не одной трудной ребячьей судьбой, и я убедилась: всегда у ребенка найдутся защитники. Так уж построена наша воспитательная система. Но мы не можем полагаться на случай, надеяться, что кто-то поможет. Думается, каждый, кто по долгу службы по велению сердца работает с детьми, всякий раз обязан быть в состоянии душевной мобилизации. Чтобы прийти на помощь ребенку в трудном случае. Чтобы не допустить этих трудностей.

Люся встретила поддержку, понимание у сотрудников милиции, вроде бы посторонней женщины — Татьяны Андреевны, работников больницы. Отрадно, что никто из них не отмахнулся от несчастья девочки, не посчитал это «не своим делом», а поспешил на помощь.

Вот и следует напомнить всем взрослым людям: в наших силах помогать детям жить и расти морально здоровыми, наш первейший долг — не допустить, чтобы теряли они веру в счастье, в нас, старших, в смысл человеческой жизни.

У нас в стране ничьих детей не бывает.

НАРОДНЫЙ СУДЬЯ — ДЕЛЕГАТ КОМСОМОЛЬСКОГО СЪЕЗДА

В знаменитое Ипатово, что на Ставропольщине, комсомолка Ольга Дидик приехала вместе с мужем-однокурсником пять лет назад по распределению Саратовского юридического института имени Д. И. Курского. Здесь, в сельском районе, работала на разных должностях: в нотариате, следователем РОВД, стажером народного судьи. Энергичная, трудо-

любивая, Ольга стремилась все свои служебные обязанности исполнять добросовестно, четко, старательно.

И хоть нелегко порой приходилось — надо было растить сынишку, — быстро подключилась она и к общественной работе. Проводила занятия в районном университете правовых знаний, участвовала в комсомольских рейдах по охране государственного имущества, борьбе с мелкими хищениями, организовывала встречи и беседы со школьниками, учащимися профтехучилища... Находила время съездить в колхозы, на поля, в кошары — к хлеборобам, овцеводам — ведь именно они составляют большинство тружеников Ипатовского района, о достижениях которого знает нынче вся страна...

За эти годы стали Ольге

На личном приеме в суде.

О. А. Дидик частый гость у ребят городского профтехучилища.

близки и понятны заботы, хлопоты, радости ипатовцев, сроднилась она с ними. А вскоре местные жители оказали ей особое доверие — избрали народным судьей. На этом ответственном посту Ольга Александровна Дидик всего два года. Срок вроде невелик, но многие ипатовцы уже теперь небезосновательно отмечают принципиальность, доброжелательность, справедливость молодого судьи. За столь высокими оценками избирателей стоит

многое, и главное — признание ими вклада О. А. Дидик в улучшение нравственно-правового климата в районе. Конечно, впереди у Ольги Александровны еще много работы, но основа, по всему видно, заложена добрая. И потому комсомольцы Ставрополя единодушно решили послать Ольгу Дидик своим делегатом на XIX съезд ВЛКСМ.

Наш фотокорреспондент В. Зимин побывал в Ипатове и встретился там с Ольгой Александровной Дидик.

Ольга Александровна и главный зоотехник колхоза имени Кирова, народный заседатель Юрий Петрович Волкогонов после беседы в бригаде чабана Федора Филипповича Ходуса.

Слушается гражданское дело...

Фото В. Зимина.

ПОЛЬША В ЧАС ИСПЫТАНИИ

Выступая на созванной после введения в стране военного положения сессии Сейма ПНР, Первый секретарь Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии, Председатель Совета Министров ПНР Войцех Ярузельский сказал: «Польша не погибла. Польша погибнуть не может».

Ради сохранения суверенного польского государства и был образован Военный совет национального спасения. Защите социалистических завоевания польского народа служат меры, принятые после того, как Государственный Совет ПНР в ночь с 12 на 13 декабря «в связи с угрозой жизненным интересам государства и народа... на основании части 2 статьи 33 Конституции ПНР» постановил ввести военное положение на всей территории Польши. Были назначены комиссары — уполномоченные, получившие право контролировать деятельность государственной администрации, включая решение кадровых вопросов. Были изолированы экстремистские лидеры «Солидарности», члены антисоциалистических организаций «конфедерация независимой Польши» и КОС — КОР, а также группа деятелей прежнего руководства, ответственных за возникновение и обострение глубокого общественно-политического кризиса, в котором оказалась страна.

На время действия военного положения в Польше были запрещены собрания и манифестации, распространение без разрешения печатной и иной информации. До сведения граждан доведено, что не допускается проведение каких бы то ни было забастовок и акций протеста, приостанавливается деятельность профсоюзов, а также обществ и организаций, создающих угрозу государственному строю ПНР.

Среди других мер по обеспечению в стране порядка и спокойствия особое значение имело пресечение прямого вмешательства во внутренние дела Польши спецслужб империалистических государств и всякого рода антикоммунистических центров Запада.

Когда страна оказалась над пропастью...

Ситуация в Польше достигла критической точки в ноябре — первой половине декабря 1981 года. К этому времени окончательно обнажились истинные намерения экстремистских лидеров «Солидарности», всех антисоциалистических сил в Польше. Польская печать подчеркивает, что в результате захвата руководящих органов «Солидар-

ности» экстремистами типа Куроня, Михника, Буяка, Рулевского, Юрчика, Словики, Гвязды профсоюз приобрел политический, оппозиционный характер. Эксперты контрреволюционной польской группировки КОС — КОР, агентура западных антикоммунистических организаций, а также откровенно уголовные элементы нашли общий язык, чтобы попытаться поставить на колени власть социалистического государства.

В настоящее время, когда обнародована часть конфискованных после 13 декабря архивов «Солидарности», антиконституционные замыслы польской контрреволюции стали широко известны. Приводятся многочисленные факты, разоблачающие истинные цели профбоссов, прикрывавшиеся псевдорабочими инициативами и демагогическими лозунгами.

По принципу: чем хуже положение дел в экономике, в стране в целом, тем лучше для них, — эти враги народной Польши сознательно разлагали народное хозяйство. К примеру, тяжелое положение с углем в стране преднамеренно усугублялось подстрекательством ко все новым забастовкам на шахтах, хотя лидеры «Солидарности» прекрасно знали, что острая нехватка топлива в зимних условиях грозила трагическими последствиями. Знали, но именно этого и добивались ради достижения главных целей — вызвать кризис в отношениях властей и населения, спровоцировать недоверие к мерам партийно-государственного руководства по устранению кризиса, расчистить себе дорогу к захвату власти в стране.

Истинное свое лицо контрреволюционеры открыли уже на гданьском съезде «Солидарности», который стал трибуной антисоциалистических требований, антисоветизма, открытых нападок на партию и народную власть. Они поставили под сомнение все, что связано с социализмом, активизировали выпады против руководящей роли ПОРП и заключенных Польшей международных соглашений и союзов с СССР и другими социалистическими странами, подвергали сомнению все достигнутое Польшей за годы народной власти. Рабочие, примкнувшие к «Солидарности», были ослеплены и обмануты этими политическими авантюристами.

В декабре 1981 года экстремистские силы приступили к непосредственной подготовке государственного переворота. На расширенном заседании президиума профобъединения в Радоме, в первых числах декабря, обсуждались планы передачи промышленности в частные руки, распродажи земель и имущества госхозов, то есть возвращения к частной собственности. За радомским сборищем последовало заседание всепольской комиссии «Солидарности» в Гданьске, на котором главари заявили о своей готовности идти даже на развязывание кровавой резни в стране ради захвата командных постов в государственном и хозяйственном аппарате.

Лидеры контрреволюции в Польше настолько обнаглели, что вышли уже на международную арену. Как сообщала газета «Жолнежвольности», так называемый «теневой кабинет» «Солидарности» обсуждал свои кандидатуры на руководящие посты не только в государстве, но и в польских дипломатических представительствах за границей. Причем самозваные, но так и не состоявшиеся «послы» контрреволюции начали было уже переговоры с иностранными государствами от имени «правительства», сформированного «Солидарностью»! В частности, руководитель группы экспертов при объединении, ярый антикоммунист Геремек вел на Западе переговоры не только о предоставлении Польше кредитов, но и об экспорте на

Запад из Польши рабочей силы. Иностранцы наблюдатели называли Геремека министром иностранных дел «теневого кабинета».

Так наступил критический для Польши момент. Государственные структуры переставали действовать, была нарушена стабильность и поставлена под угрозу безопасность государства, все в больший упадок приходило народное хозяйство, нависла угроза братоубийственной войны. Пошли прямые атаки на партийные организации, начались попытки вывода их с предприятий. Прозвучали призывы к сооружению виселиц для коммунистов. На 17 декабря был назначен вывод «боевиков» на улицы Варшавы и захват центрального телевидения и радио...

Подлинные режиссеры событий в Польше

Кризис в Польше, в какой бы мере на его возникновение ни повлияли просчеты и ошибки прежнего руководства, субъективистские действия и отход от норм партийной жизни, игнорирование тех или иных законов социалистического строительства, был тем развитием событий, которое заранее бралось в расчет различными антикоммунистическими центрами Запада, прежде всего в США. В программах их подрывной работы против ПНР такой кризис фигурировал как цель, которой следует добиваться для «разложения социализма изнутри».

Еще в период разработки «доктрины Трумэна» (в конце 40-х — начале 50-х годов) была сформулирована концепция «сдерживания и отбрасывания силой» коммунизма как стратегическая цель внешней политики США. Видоизмененные, применительно к обстоятельствам, различные вариации этой концепции стояли на вооружении официального Вашингтона при разных президентах США. Участие американских спецслужб прослежено во всех международных политических диверсиях последних десятилетий. Рука ЦРУ схвачена с полным и в нынешних польских событиях. В книге «Польша: церковь, КОР, коммунизм?», вышедшей в ФРГ в 1981 году, рассматривается ряд операций, проводившихся Вашингтоном в послевоенные годы. Цель операций одна: помешать становлению государств народной демократии в Восточной Европе, в том числе в Польше, сорвать процесс социалистического строительства в этих странах, оторвать их от СССР, разрушить единство социалистического содружества.

В 50-е годы, например, ЦРУ США приступило к осуществлению плана «Рэдкэп», цель которого спровоцировать в Венгрии, Чехословакии, Польше выступления против народной власти. После провала контрреволюционного мятежа в Венгрии и проимпериалистического заговора правых ревизионистов в Чехословакии империалистические подрывные центры сосредоточили основное внимание на Польше. На планировании разрушительной работы в этой стране нажил себе политический капитал бывший помощник бывшего президента США по национальной безопасности З. Бжезинский. В частности, как теперь выяснилось, он взял на себя роль внештатного советника связанных с Западом группировок польской контрреволюции. Именно под его патронажем в середине 70-х годов в Польше были созданы слившиеся впоследствии в одну антисоциалистические группы КОС («комитет общественной самообороны») и КОР («комитет защиты рабочих»).

Причина этого особого внимания к Польше отмечена в одном из бюллетеней ПОРП. Западные эксперты, говорится там, определили, что «позиция Польши среди европейских социалистических стран наиболее уязвима перед направленными действиями Запада». В числе прочих причин этой особой слабости Польши указывались финансовая и технологическая зависимость страны от Запада и его поставок; запущенность идеологической работы; большое число на Западе враждебно настроенных к социалистической Польше эмигрантов из этой страны и чрезвычайно сильное влияние в стране католической церкви.

С учетом этих «факторов нестабильности» Польша стала объектом массивной империалистической радиопропаганды подстрекательского и даже инструктивного характера. Западные радиоголоса служили (и служат) не только рупорами антисоциалистических сил в Польше, но и координаторами, организаторами подрывных действий. Радиостанция «Свободная Европа», существующая на средства ЦРУ,— сообщала, к примеру, «Трибуна люду»,— передала подробную инструкцию из 32 пунктов, в которой содержались указания, как создавать «подпольный фронт общественного сопротивления». В ней подробно рассказывалось, как надо организовать «группы сопротивления» и информационную сеть, разъяснялись способы нелегального распространения листовок и других печатных материалов, объяснялось, что следует предпринять для формирования «центрального руководства подпольного государства», как действовать «в конституционных рамках» и как — игнорируя законы и распоряжения властей.

На одной из пресс-конференций в министерстве иностранных дел ПНР работники польских органов безопасности представили доказательства подрывной и разведывательной деятельности западных спецслужб в Польше. Было сообщено, к примеру, о встрече высокопоставленных сотрудников американского посольства в ПНР, других специалистов по польским делам с главарем контрреволюционной «конфедерации независимой Польши» Мочульским. На встрече ему были даны конкретные задания по сбору разведывательных данных о Польше. Американские спецслужбы, подчеркивалось на пресс-конференции, играли большую роль в создании оппозиционных структур в ПНР. Прежде всего это выражалось в соответствующем инструктаже, финансовой и политической поддержке, предоставлении каналов связи с границей, создании сети частных фирм, общественных фондов и тому подобное. Был представлен разоблачительный материал о связях ЦРУ с КОС — КОР и «Солидарностью», об усилении прямых подрывных — акций ЦРУ, имеющих форму политических диверсий.

Но не только советами и инструкциями снабжали польскую контрреволюцию ее западные благодетели. Щедрой была и их материальная помощь. К примеру, всего за год с небольшим своего существования «Солидарность» была обеспечена автотранспортом, средствами связи, теле- и радиоаппаратурой, всевозможным полиграфическим оборудованием, позволившим выпускать полумиллионным тиражом свой еженедельник и наладить издание свыше грех тысяч наименований различных газет, бюллетеней, листовок и тому подобной печатной периодики антисоциалистического и антисоветского содержания.

Можно понять восторг, с каким на Западе встретили ясно вы-

раженную в Радоме и Гданьске решимость польской контрреволюции пойти на открытое столкновение с народной властью. В свете поворота к конфронтации с СССР, социалистическим содружеством, осуществленного правящими кругами США и их натовскими союзниками по воле заправил военно-промышленных комплексов и транснациональных корпораций, империализмом была сделана ставка на разжигание и использование кризисной ситуации в Польше для подрыва дела мира в Европе и во всем мире, для давления на западноевропейских союзников с целью размещения на их территории нового ракетно-ядерного оружия, предназначенного изменить в пользу Запада примерное равновесие сил, существующее в настоящее время.

На польской земле предполагалось начать процесс пересмотра послевоенного урегулирования, основанного на ялтинских и потсдамских соглашениях, что вызвало бы разрушение сложившейся расстановки сил в Европе, а тем самым — и в мировом масштабе. Дело оставалось за малым — контрреволюция должна была захватить власть в Варшаве и обратиться за помощью к Западу. На случай провала мятежа главари и консультанты «Солидарности» разработали инструкцию для последующей трехэтапной борьбы за власть. На первом этапе предусматривались пропагандистские и диверсионно-террористические мероприятия; на втором предполагалось начало «партизанской войны», которая на третьем этапе перерастала бы во «всеобщее восстание» и переход к «регулярным военным действиям».

Этим намерениям не дано было осуществиться. Меры, принятые 13 декабря и в последующие месяцы, сорвали планы контрреволюции ликвидировать, опираясь на империалистические силы Запада, народную власть в Польше. Убедившись, что этот заговор против народной Польши пресечен, те на Западе, кому особенно ненавистен социализм, буквально впали в истерику. Президент США Р. Рейган, выступая на пресс-конференции в Вашингтоне, счел себя даже вправе определять, что законно и незаконно в чужой стране, что кому разрешено, а что другие народы делать не должны. Администрация США дает понять, что готова на «нормализацию» отношений с Польшей, если будут выполнены такие условия, как отмена военного положения, освобождение интернированных контрреволюционеров, возобновление диалога с теми силами «Солидарности», которые намеревались свергнуть законную власть, — иными словами, если Польша станет на колени перед Западом и откроет «зеленую улицу» контрреволюции.

Государственный секретарь США А. Хейг прямо выступил в поддержку антисоциалистических сил в Польше и выразил надежду, что хаос в экономике и «распространение голода» приведут к провалу мер, принятых в связи с введением в ПНР военного положения.

В своем рождественском послании президент Рейган объявил о «санкциях» против Польши и СССР. Причем бесцеремонное вмешательство в польские внутренние дела Вашингтон попытался подкрепить вовлечением в «санкции» своих союзников по НАТО.

Одна из главных и далеко идущих целей этой искусственной драматизации Вашингтоном ситуации вокруг Польши — ухудшение атмосферы для диалога между Востоком и Западом вплоть до намеков на то, что, если дела в Польше пойдут не так, как хотелось

бы кое-кому в НАТО, США могут блокировать переговоры по важнейшим вопросам, включая проблему ограничения вооружений.

Однако ни в Польше, ни в социалистическом содружестве в целом этот недостойный политический балаган никого не напугал...

Время испытаний и надежд

На своей сессии 25—26 января Сейм ПНР утвердил постановление Госсовета ПНР о введении военного положения. Тем самым было подтверждено, что это решение выражает волю всего народа Польши.

Действительно, большинство польских граждан с пониманием встретило меры, связанные с введением военного положения, одобрило их. И именно это является основой постепенной стабилизации обстановки в стране. Главное, что было достигнуто после 13 декабря,— это спокойствие, которого не было в условиях морального и физического террора, развязанного антисоциалистическими элементами. Народное хозяйство страны оправляется от «забастовочного терроризма». Стабилизируется деятельность органов управления, государственной и промышленной администрации. Режим военного времени дисциплинировал как тех, кто руководит экономикой, так и занятых непосредственно на производстве.

Все друзья народной Польши понимают, однако, что пока сделаны только первые шаги в трудном — постепенном и небыстром — процессе нормализации жизни в стране. Этот процесс значительно ускорился бы, если бы ему не мешали враги польского народа. К сожалению, эти враги не сидят сложа руки. «В некоторых западных столицах сожалеют по поводу того, что в Польше продолжается военное положение,— сказал В. Ярузельский на VII пленуме ЦК ПОРП.— Но в этих же столицах делается все возможное, чтобы умножить наши трудности, не допустить внутренней стабилизации в Польше и, следовательно, чтобы военное положение продолжалось как можно дольше».

В условиях нормализации общественной жизни, обеспеченной после введения военного положения, правительство ПНР приступило к осуществлению давно назревших и намеченных экономических и социальных реформ. Были приняты меры по упорядочению системы цен в стране. С 1 февраля 1982 года для восстановления нарушенного экономического равновесия повышены розничные цены на основные продукты питания, топливо, энергию.

В этой связи печать напомнила о тревожных итогах социально-экономического развития Польши в 1981 году. Данные Главного статистического управления ПНР свидетельствуют, что за период деятельности «Солидарности» социально-экономическое положение Польши существенно ухудшилось. Диспропорции в развитии народного хозяйства усугубились последствиями необоснованного сокращения рабочего времени и роста зарплаты при сокращении уровня производства.

Разъясняя политику Совета Министров в этом вопросе, газета «Жиче Варшавы» указала, что государство при этом стремится помочь тем семьям, которые имеют наименьшие доходы, системой компенсаций, другими видами пособий из общественных фондов.

На состоявшейся в конце февраля очередной сессии Сейма ПНР

были обсуждены проблемы, связанные с осуществлением экономической реформы. Сейм утвердил 9 законов, касающихся социально-экономического планирования, финансовой деятельности государственных предприятий, ценообразования, банковского дела, внешне-торговых операций, статистической службы. Депутаты, выступившие в прениях, подчеркнули, что реформа улучшит условия для вывода страны из кризисного состояния, установления экономического равновесия, оздоровления общественной атмосферы.

В начале февраля Секретариат ЦК ПОРП направил партийным комитетам директиву, в которой обязал все партийные комитеты и первичные парторганизации образовать на предприятиях специальные группы, в задачи которых входит анализ производственных затрат, поиск методов их снижения, а также повышение качества выпускаемых товаров. Важно, чтобы предприятия в условиях новых принципов ценообразования не прикрывали ценами на свою продукцию брак в работе, низкий уровень трудовой дисциплины, плохую организацию труда, разбазаривание материалов и сырья. Необходимо, отмечалось в документе, чтобы партийные органы и заводские парторганизации способствовали правильному использованию социальных и жилищных фондов предприятий для оказания помощи низкооплачиваемым группам рабочих, многодетным семьям, матерям-одиночкам, пенсионерам, учащимся, живущим на стипендию. Забота об условиях жизни трудящихся, подчеркивалось в директиве, — это важнейшая задача всех звеньев партии.

Как указывала польская сторона в советско-польском коммюнике, опубликованном 3 марта после визита партийно-государственной делегации ПНР в Москву, в основе экономической и политической системы Польши лежат и будут лежать общественная собственность на средства производства, власть рабочего класса, трудового народа, руководящая роль ПОРП как марксистско-ленинской партии.

Восстанавливая доверие широких масс населения страны к ПОРП, ее авторитет как руководящей силы в польском обществе и государстве, партия рабочего класса усиливает внимание к вопросам организационной, политической, идейно-воспитательной работы. Важная роль отводится при этом, как отмечалось, в частности, на заседании Политбюро ЦК ПОРП 14 апреля 1982 года и на ряде других партийных форумов, принципам формирования патриотического движения в ПНР с учетом опыта Фронта единства народа, а также создаваемых в республике гражданских комитетов национального возрождения.

Преодолевая трудности

Упорядочение, введение в нормальное русло экономической и социальной жизни Польши — процесс нелегкий. Еще долго, видимо, будут чувствоваться последствия как пагубной экономической политики прошлых лет, основанной на несбалансированном развитии хозяйственных связей с Западом, так и без малого полуторагодовой разрушительной работы экстремистов из «Солидарности», объявлявших забастовки по всякому поводу и вообще без повода. Да и сейчас некоторые «солидаристы» пытаются не считаться с военным положением и действовать по-старому, как будто не было 13 декабря. Так, они вознамерились организовать ряд забастовок и других противозаконных акций. Но эти попытки были сорваны, за-

чинщики привлечены к ответу. В частности, получили различные сроки лишения свободы подстрекатели на вроцлавском заводе «Пафоваг», на краковском металлургическом комбинате и в других местах.

Весьма показательным примером могут служить известные события в Гданьске, где 30 января 1982 года была предпринята попытка вызвать напряженность, нарушить с таким трудом восстановленный порядок и спокойствие. По сообщению Министерства внутренних дел ПНР, в этот день враждебные элементы организовали в городе уличные беспорядки, пытались захватить общественные здания. Им был дан надлежащий отпор. В результате провокационных действий имелись раненые. Прокуратура возбудила дела о привлечении организаторов беспорядков к судебной ответственности. В целях предотвращения впредь подобных акций власти Гданьска ввели до особого распоряжения ряд ограничений — продлили комендантский час, отменили зрелищные мероприятия.

В польской печати отмечалось, что инцидент в Гданьске, где находилась основная штаб-квартира «Солидарности», совпал по времени с пропагандистской диверсией США в форме «дня солидарности с польским народом» и «всемирного телевизионного шоу» под демагогическим лозунгом «Пусть Польша будет Польшей». Газета «Трибуна люду» задает в этой связи законный вопрос: могли ли быть искренними высказывавшиеся в телешоу различные «советы» и «призывы» к польским властям тех, кто в своих радиопередачах на Польшу рекомендует превратить «Солидарность» в подпольное «движение сопротивления»? Американские средства массовой информации не случайно распространяют, в частности, материалы собственных корреспондентов в ПНР о «встречах» и «беседах» с некоторыми перешедшими на нелегальное положение вожаками «Солидарности», явно подталкивая определенные круги в Польше к нарушению декрета о военном положении, к продолжению подрывной антисоциалистической деятельности.

На одной из пресс-конференций в МИД ПНР подчеркивалось, что беспорядки и напряженность возникают прежде всего там, где еще не изолированы главарь местных отделений «Солидарности». Но есть факты другого рода, когда сами трудящиеся ставят на место провокаторов. Рабочие завода в Пясечно, к примеру, своими силами разогнали подстрекателей, призывавших бастовать.

Действия внутренней контрреволюции — это в немалой степени результат циничной и в высшей степени нечистоплотной кампании, с невиданным размахом развернутой Западом против Польши и ее друзей сразу после 13 декабря. Не проходит дня, чтобы официальные представители американской администрации не выступили в поддержку польской контрреволюции с заявлениями, «предостережениями» и иными демаршами. Для оказания нажима на ПНР, для поддержки контрреволюционных сил в Польше приведены в действие аппараты НАТО, европейских сообществ и других организаций.

В передачах диверсионных радиостанций, в инспирируемых Западом листовках польского контрреволюционного подполья содержатся призывы к новым заговорам и подстрекательства к террористическим актам. Как указывается в официальных документах польских властей, в этом вопросе не должно быть никаких неясностей. Единственным следствием таких акций было бы продление и

ужесточение военного положения. На крушение народной власти авторам таких призывов нечего рассчитывать.

О том, что антисоциалистические элементы, науськиваемые западными подрывными центрами, теперь получают должный отпор, свидетельствует, в частности, судебный процесс над лидерами контрреволюционной «конфедерации независимой Польши». Один из ее вожаков, Яндзишак, подтвердил на суде, что КНП стремится ликвидировать социалистический строй. «Конфедераты» взяли при этом за образец своей деятельности вооруженное подполье, терроризировавшее страну в первые годы народной власти и организованное по подобию фашистских штурмовых отрядов. Известно, что в свое время Польша потеряла в борьбе с ним более 30 тысяч своих лучших сынов — воинов Войска Польского, милиционеров, работников службы безопасности, коммунистов, активистов демократических организаций и других патриотов. Сейчас в ПНР создан общественный комитет по сооружению памятника героям борьбы за установление и упрочение народной власти. Его намечено открыть в 1984 году, приурочив это событие к 40-й годовщине возрождения Польши как символ верности трудового польского народа делу социализма и прогресса.

Словом, бесплодны и бесперспективны попытки начать с Польши дезинтеграцию, развал всего социалистического содружества, обострить отношения дружбы и тесного всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Польской Народной Республикой, опирающиеся на принципы марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма. Новый импульс этим братским отношениям дал дружеский визит в Москву партийно-государственной делегации ПНР во главе с товарищем В. Ярузельским.

В совместном советско-польском коммюнике по итогам этого визита отмечалось, в частности, что Польша была, есть и будет социалистическим государством, прочным звеном социалистического содружества, участником Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи.

Важным этапом дальнейшего развития советско-польского взаимодействия стали договоренности, достигнутые на XXIV заседании (апрель 1982 года) двусторонней комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Когда в результате санкций некоторых западных стран, платежных и иных трудностей ПНР ряд польских предприятий и даже отраслей хозяйства оказались под угрозой остановки, были найдены, как отмечала газета «Трибуна люду», совместные решения, приносящие взаимную выгоду. Практика подтвердила, констатировала газета, что те польские предприятия и хозяйственные отрасли, которые тесно сотрудничают с членами СЭВ, находятся в наиболее благоприятном положении.

В апреле 1982 года советская и польская общественность широко отметили 37-ю годовщину подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР. Как подчеркивалось на торжественных заседаниях в Москве и Варшаве, в телеграммах, которыми обменялись министры иностранных дел Советского Союза и Польской Народной Республики, договор является незыблемой основой советско-польских союзнических отношений, важным фактором мира и стабильности, нерушимости границ и послевоенного устройства в Европе.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

НАШИ
КОНСУЛЬТАЦИИ

Ответственность за хулиганство

Одним из наиболее распространенных правонарушений являются хулиганские действия, посягающие на общественный порядок, оскорбляющие честь и достоинство советских граждан.

Хулиганство, причиняющее большой вред обществу, опасно не только само по себе. Оно, кроме того, питательная среда для более тяжких преступлений. Установлено, что многие из тех, кто осужден за умышленное убийство, нанесение телесных повреждений, опасных для жизни или повлекших смерть потерпевшего, за разбойное нападение, грабеж, изнасилование, ранее совершали хулиганские действия.

С учетом этого предусмотрены эффективные правовые меры борьбы с хулиганством. Они установлены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» (5 июня 1981

года утверждена новая редакция этого законодательного акта). В уголовные кодексы союзных республик включены касающиеся преступных хулиганских действий статьи, воспроизводящие нормы этого Указа.

Указом от 26 июля 1966 года (в редакции от 5 июня 1981 года) предусмотрена административная ответственность за мелкое хулиганство, то есть нецензурную брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие порядок и спокойствие людей. Мелкое хулиганство наказывается штрафом от десяти до пятидесяти рублей, или исправительными работами на срок от одного до двух месяцев с удержанием двадцати процентов заработка, или арестом на срок до пятнадцати суток.

Дело о мелком хулиганстве рассматривается в течение су-

ток начальником органа внутренних дел или его заместителем, которые либо налагают на нарушителя штраф в указанном выше размере, либо направляют материал в районный (городской) народный суд, одновременно доставляя туда задержанного. В этом случае дело рассматривает — в течение суток по поступлении его в суд — народный судья единолично в присутствии нарушителя и с вызовом, при необходимости, свидетелей.

Установив факт мелкого хулиганства, народный судья вправе применить любую из предусмотренных за это мер административного взыскания, то есть штраф, либо исправительные работы, либо арест.

Лица, наказанные за мелкое хулиганство исправительными работами, отбывают их по месту своей постоянной работы. Если нарушитель уклоняется от исправительных работ, то неотбытый срок этого наказания может быть — постановлением народного судьи — заменен штрафом от десяти до пятидесяти рублей или административным арестом из расчета один день ареста за три дня исправительных работ, но не более чем на пятнадцать суток.

Нарушители, арестованные за мелкое хулиганство, содержатся под стражей в местах, определяемых органами внутренних дел. С арестованных взыскивается стоимость питания и содержания. Им запрещаются переписка, получение передач и посылок; покупка продуктов питания. За время нахождения под арестом заработная плата по месту постоянной работы не выплачивается.

Арестованные могут использоваться — без оплаты труда — на уборке улиц, дворов, мест общественного пользования и на других физических работах.

Организация трудового использования этих лиц возложена на исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов.

К административной ответственности за мелкое хулиганство могут быть привлечены лица, достигшие к моменту совершения проступка шестнадцатилетнего возраста.

Начальник органа внутренних дел или его заместитель либо народный судья, рассмотрев дело о мелком хулиганстве, совершенном подростком в возрасте от 16 до 18 лет, с учетом его личности и характера проступка могут — вместо привлечения его к административной ответственности — передать материал для разбирательства в районную, городскую комиссию по делам несовершеннолетних.

Предусмотрено также, что руководители органа внутренних дел или народный судья, учитывая личность нарушителя и характер проступка, вправе — вместо применения меры административного взыскания — направить материал на рассмотрение в товарищеский суд, общественную организацию или трудовой коллектив. О мерах, принятых в отношении нарушителя, администрация и общественные организации обязаны в десятидневный срок сообщить тем, кто направил им материал о мелком хулиганстве.

Начальник органа внутренних дел (его заместитель) или народный судья, наложивший административное взыскание, во всех случаях доводит об этом до сведения администрации или общественной организации по месту работы, учебы или жительства нарушителя.

Значительно большую для общества опасность, чем мелкое хулиганство, представляют

уголовно наказуемые хулиганские действия. Среди них — в соответствии с законодательством и сложившейся практикой — различаются простое, злостное и особо злостное хулиганство (части 1, 2 и 3 статьи 206 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик).

Простое хулиганство — это умышленные действия грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу.

Таким образом, при простом хулиганстве — в отличие от мелкого — нарушение общественного порядка бывает грубым, связанным, например, со скандалом, буйством, попыткой учинить драку, угрозой расправиться, насилием над личностью, не повлекшим телесных повреждений. Одновременно проявляется явно неуважительное отношение к советским законам, нормам социалистического общежития, стремление противопоставить себя обществу.

Наказывается простое хулиганство лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом от тридцати до пятидесяти рублей.

Те же действия (грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу) считаются более опасным преступлением — **злостным хулиганством**, если они отличаются по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью, либо связаны с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или иным гражданам,

пресекающим хулиганские действия, а равно совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство. Наказывается злостное хулиганство лишением свободы на срок от одного года до пяти лет.

Исключительный цинизм — это демонстративное пренебрежение общепринятыми нормами нравственности, например проявление бесстыдства, издевательство над больными, престарелыми, людьми, находящимися в беспомощном состоянии, и тому подобное.

Злостным хулиганством по признаку особой дерзости может быть признано длительное и упорно не прекращавшееся нарушение общественного порядка, уничтожение имущества, срыв массового мероприятия, поведение, вынудившее временно прекратить нормальную деятельность учреждения, предприятия или общественного транспорта, глумление над личностью, насилие, повлекшее телесные повреждения.

Вот пример из следственно-судебной практики. Гражданин Баранов, находившийся в сильной степени алкогольного опьянения, подошел к стоянке такси и, грубо оттолкнув стоявших первыми в очереди на посадку двух женщин, потребовал от водителя подъехавшей автомашины Кириллова, чтобы тот отвез его домой. Водитель ответил, что такого пьяного не повезет. Тогда Баранов начал нецензурно ругаться и неожиданно резко ударил Кириллова кулаком в лицо, разбил ему губу. После этого пытался убежать, но был задержан и доставлен в отделение милиции. Баранов осужден за злостное хулиганство по части 2 статьи 206 УК РСФСР к лишению свободы. Народный суд обоснованно усмотрел в его действиях особую дерзость —

насилие с причинением Кириллову телесных повреждений.

Еще более строго наказывается **особо злостное хулиганство**. Виновные в этом преступлении могут быть приговорены к лишению свободы на срок от трех до семи лет. Такая ответственность наступает, если хулиганские действия* совершены с применением или попыткой применения огнестрельного оружия либо ножей, кастетов или иного холодного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений.

Так, за особо злостное хулиганство по части 3 статьи 206 УК РСФСР был осужден Лазарев. Будучи в нетрезвом состоянии, он около винного магазина пристал к гражданину Федотову, выпрашивая у него деньги, которых не хватало, чтобы купить еще бутылку спиртного. Федотов отказался дать деньги. После этого Лазарев обругал Федотова нецензурными словами, а затем вытащил из кармана шило (которое, как объяснил потом, всегда носил с собой — «на всякий случай») и стал наносить им удары Федотову в грудь. Попытавшихся остановить его двух граждан Лазарев оттолкнул и еще несколько раз ударил Федотова, причинив ему легкие телесные повреждения.

В подавляющем большинстве случаев хулиганские действия совершают люди, находящиеся в нетрезвом состоянии. И, к сожалению, некоторые граждане полагают, что с пьяных хулиганов не должно быть спроса за правонарушения, или уж, по крайней мере, с них спрос меньший, чем с трезвых. Это ошибочное мнение. Напиваясь, человек добровольно доводит себя до такого состояния, когда у него ослабляется или теряется самоконтроль. Так поче-

му же считать его невиновным, если он при этом хулиганит или совершает другое преступление? Советский закон не освобождает от уголовной ответственности тех, кто совершает преступления, в том числе хулиганство, находясь в состоянии опьянения. Более того, это считается, как правило, отягчающим обстоятельством.

Указ* Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года (в редакции от 5 июня 1981 года) предусматривает административную ответственность за появление на улицах или в других общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Это правонарушение наказывается штрафом от трех до десяти рублей, налагаемым начальником органа внутренних дел. В случае появления в пьяном виде подростков в возрасте до 16 лет штраф налагается на родителей или лиц, их заменяющих.

Большая роль в борьбе с хулиганством принадлежит товарищеским судам, общественным организациям, трудовым коллективам.

Как уже сказано, руководители органа внутренних дел или народный судья, учитывая личность нарушителя и характер проступка, могут направить материал о мелком хулиганстве в товарищеский суд, общественную организацию, трудовой коллектив.

Товарищеский суд, рассматривая переданное ему дело о мелком хулиганстве, вправе применить в отношении нарушителя одну из мер общественного воздействия (в пределах своей компетенции), в частности, объявить предупреждение, порицание, общественный вы-

говор, наложить денежный штраф.

Указом от 26 июля 1966 года (в редакции от 5 июня 1981 года) установлено также, что те, кто совершил хулиганские действия, наряду с привлечением к административной или уголовной ответственности либо применением к ним мер общественного воздействия могут администрацией предприятий, учреждений, организаций по согласованию с фабричными, заводскими, местными комитетами профсоюзов лишаться полностью или частично премий на производстве, а также льготных путевок в дома отдыха и санатории; им может быть перенесена очередность на получение жилплощади.

Есть еще одна важная правовая норма. С тех, кто осужден за хулиганство, связанное с нанесением гражданам телесных повреждений, вызвавших временную утрату трудоспособности, кроме средств в возмещение причиненного ущерба могут быть взысканы судами по искам профсоюзных организаций и органов социального страхования также и денежные суммы, израсходованные на выплату потерпевшим пособий по временной нетрудоспособности.

Забота об охране обществен-

ного порядка — это конституционная обязанность всех советских граждан. Содействуя охране порядка, советские люди ведут работу по предупреждению правонарушений, в том числе хулиганства. В этой связи подчеркнем, что, в соответствии с законодательством, действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику. Если правонарушителю, в целях пресечения его хулиганских или других преступных действий, были нанесены телесные повреждения, то лечение этого человека производится за его счет.

Таким образом, советское законодательство предусматривает широкую систему правовых мер борьбы с хулиганством. Успех в искоренении этого распространенного правонарушения зависит от активного использования всех предоставленных законом возможностей.

А. МАКАРОВ,
начальник управления
внутренних дел исполкома
Октябрьского районного
Совета народных депутатов
г. Москвы

ЧИТАТЕЛЬ НА ПРИЕМЕ У ЮРИСТА

Многих читателей журнала интересуют вопросы, касающиеся обеспечения жилыми помещениями граждан, дома которых сносятся в связи с изъятием земельных участков. На эти вопросы отвечает юрист М. Карышев.

Читатели П. Григорчук из Закарпатской области и Г. Прокопович из Могилевской области спрашивают, в каком порядке обеспечиваются жильем граждане, дома которых сносятся, и имеют ли они право на компенсацию в связи со сносом дома.

В случае сноса находящихся в личной собственности граждан жилых домов в связи с изъятием земельных участков для государственных или общественных нужд этим гражданам и членам их семей, а также другим гражданам, постоянно проживающим в этих домах, предоставляются по установленным нормам квартиры в домах государственного или общественного жилищного фонда.

Кроме того, собственникам жилых домов по их выбору либо выплачивается стоимость сносимых домов, строений и устройств, либо дается право использовать материалы от их разборки по своему усмотрению.

Если граждане пожелают, исполкомы местных Советов обеспечивают им (вместо предоставления квартир) возможность внеочередного вступления в жилищно-строительные кооперативы и получения в них жилой площади.

По желанию граждан принадлежащие им жилые дома и строения, которые должны сноситься, могут быть перенесены и восстановлены на новом месте.

Изложенные правила предусмотрены статьей 45 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В. Ксенофонов из Калининской области просит разъяснить, кто предоставляет жилые помещения выселяемым из сносимых домов и должны ли эти помещения быть благоустроенными.

Жилое помещение выселяемым в связи со сносом дома предоставляется исполкомом местного Совета народных депутатов, а когда занимаемый участок отводится государственной организации, которой выделяются средства для капитальных вложений на строительство жилых домов,— этой организацией.

Предоставляемое жилое помещение должно находиться в черте данного населенного пункта и быть благоустроенным применительно к условиям этого населенного пункта, отвечать установленным санитарным и техническим требованиям.

Если возникает спор о том, соответствует ли предоставляемая квартира по степени ее благоустройства указанным выше условиям, он разрешается в судебном порядке. Суд должен истребовать заключение коммунального органа исполкома местного Совета народных депутатов, а при споре о пригодности квартиры для проживания в ней — заключение санитарных органов.

А. Юсупов из Башкирской АССР просит рассказать об условиях переноса на другой земельный участок принадлежащих гражданину дома и строений, которые должны сноситься.

Порядок и условия переноса домов на другие участки и их восстановления регламентированы инструкцией Государственного комитета СССР по делам строительства, Министерства финансов СССР и правления Стройбанка СССР, утвержденной 25 октября 1967 года.

Перенос и восстановление домов на новом месте (на земельные участки, отведенные по установленным в данной местности нормам) производятся за счет средств той организации, для которой отводится земельный участок.

Перенос допускается при условии, что дома и строения по своему техническому состоянию могут быть перенесены на другие участки. Акт о техническом состоянии дома и других строений готовит

комиссия в таком составе: член исполкома районного, городского или поселкового Совета (председатель), представители коммунального и финансового отделов исполкома, представители подрядной организации или застройщика, которые должны производить работу по переносу. Участвует в составлении этого документа и владелец дома. В акте указываются, в частности, процент износа дома, объем работ по восстановительному ремонту, количество необходимых строительных материалов. Утверждается акт исполкомом Совета.

Владелец переносимого дома заключает с застройщиком, для которого освобождается земельный участок, договор. В нем дается перечень строений, подлежащих переносу, предусматриваются условия выполнения работ, время их начала и окончания, ответственность сторон за нарушение обязательств. В том случае, когда по желанию владельца дома производятся дополнительные ремонтные работы, проектно-сметная документация на них выполняется за счет средств владельца. Деньги на дополнительные работы вносятся владельцем дома в банк до начала работ.

На время переноса и восстановления дома застройщик должен предоставить владельцу и его семье жилое помещение для временного проживания и перевезти имущество владельца к временному месту жительства, а после приемки дома в эксплуатацию перевезти имущество туда.

Плата за пользование жилой площадью, где временно проживает владелец дома и его семья, производится застройщиком. Коммунальные услуги оплачиваются владельцем переносимого дома.

Дома и другие строения, согласно перечню, предусмотренному договором, должны быть готовы к сдаче в эксплуатацию не позднее, чем через три месяца с момента переселения владельца и его семьи на временное место жительства.

В. Петренко из Омской области спрашивает, по каким нормам возмещается гражданам стоимость принадлежащих им строений, если они сносятся.

Возмещаемая гражданам стоимость строений и устройств, подлежащих сносу, определяется по оценочным нормам с учетом износа этих строений и устройств.

Установлено, что оценочные нормы исчисляются исходя из действующих в данной местности государственных розничных цен на строительные материалы, тарифов на их перевозку и заработной платы работников, занятых в строительстве.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЮРИСТ РОССИИ

В ряду известных русских юристов и общественно-политических деятелей особое место занимает Анатолий Федорович Кони. Его литературные и публицистические произведения широко известны. Они начали издаваться еще в 80-х годах прошлого века, издаются и теперь. Однако о жизни и деятельности этого замечательного юриста, ученого и литератора у нас до сих пор не было написано обстоятельного труда. Вполне понятен поэтому боль-

шой интерес, который вызывает книга профессора В. И. Смолярчука, вышедшая в серии научных биографий в издательстве «Наука»*.

Анатолий Федорович Кони прожил долгую и сложную жизнь. Он начал как активный деятель «эпохи реформ» 60-х годов прошлого века и завершил свой путь в годы Советской власти. Пережил три революции, знал И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского, а с Л. Н. Толстым был в дружеских отношениях. По служебной лестнице А. Ф. Кони прошел все ступени, начиная с самых низов до сенатора и члена Государственного совета, но всю жизнь находился, по существу, в оппозиции к режиму самодержавия, придерживаясь умеренно-либеральных взглядов. Его деятельность носила прогрессивный, гуманный характер.

Особенно широкую известность и популярность А. Ф. Кони приобрел в связи с делом Веры Засулич, обвинявшейся в покушении на убийство петербургского градоначальника — реакционного генерала Трепова. Несмотря на неоднократные требования министра юстиции и даже самого императора осудить Засулич, председатель Петербургского окружного суда

* Смолярчук В. И. Анатолий Федорович Кони (1844—1927). М., «Наука», 1981.

А. Ф. Кони так провел процесс, что присяжные вынесли вердикт о невинности, и В. И. Засулич была оправдана. Весть об этом вызвала горячее одобрение прогрессивных слоев русского общества.

Газеты Франции, Англии, Германии, США, Италии и многих других стран дали подробную информацию о процессе. Во всех сообщениях наряду с Верой Засулич неизменно упоминались адвокат П. А. Александров и председательствовавший А. Ф. Кони. «Оправдание Засулич разразилось над петербургским обществом,— вспоминал впоследствии А. Ф. Кони,— подобно электрическому удару, радостно возбудив одних, устранив других и всех равно взволновав». Сам же Кони впал в немилость и долгие годы испытывал царскую опалу.

Впрочем, недовольство властей А. Ф. Кони навлек на себя значительно раньше, еще во время учебы на юридическом факультете Московского университета (1865 год) содержанием своей диссертации «О праве необходимой обороны». Цензура нашла в ней крамольные мысли, и было заведено «дело Кони». Один из чиновников, изучавших работу, в специальном рапорте доносил начальству: «Очевидно, что учение о праве необходимой обороны против незаконных действий агентов государственной власти противоречит достоинству этой власти». Сам А. Ф. Кони сделал из этого вывод о необходимости «быть слугою, а не лакеем правосудия». Он пронес этот девиз через всю жизнь, а на закате своей жизни вполне обоснованно сказал: «Я прожил жизнь так, что мне не за что краснеть... Я любил свой народ, свою страну, служил им, как мог и умел... Я много бо-

ролся за свой народ, за то, во что верил».

В книге В. И. Смолярчука убедительно показано, что наиболее характерными чертами А. Ф. Кони были прямота, независимость, бескомпромиссная честность, уважительное отношение к людям. Не случайно единомышленники называли его идеологом «справедливого права».

В отличие от подавляющего большинства чиновников царской России он принимал не только на работе, но и дома любого человека, пришедшего за помощью или советом. В квартире, где жил А. Ф. Кони, была заведена специальная книга записи всех посетителей. Возвратившись домой, он либо разыскивал посетителя по оставленному им адресу, либо назначал день и час приема. Люди, встретившиеся с ним, неизменно выносили впечатление, что это человек благородный и доброжелательный. Он всегда старался помочь обратившимся к нему.

...Прошло восемь лет после нашумевшего процесса В. Засулич. Все эти годы А. Ф. Кони мужественно переносил опалу и унижения. Менялись министры, сменился император... Вспомнили о А. Ф. Кони. Министр юстиции Д. Н. Набоков добивался назначения его обер-прокурором уголовного кассационного департамента Сената. Прослышав об этом, небезызвестный царедворец К. П. Победоносцев тут же настроил донос царю (своему воспитаннику): «Я протестовал против этого назначения, но Набоков уверяет, что Кони на теперешнем месте (председатель гражданского департамента Петербургской судебной палаты) несменяем, тогда как обер-прокурором при первой же неловкости или недобросовестности может быть

удален со своего места... Назначение это произвело бы неприятное впечатление, ибо Вам памятно дело Веры Засулич, а в этом деле Кони был председателем и выказал крайнее бессилие. А на должности обер-прокурора кассационного департамента у него в руках будут главные пружины уголовного суда России». Назначение все же состоялось в 1885 году.

Итак, в сорок лет А. Ф. Кони стал обер-прокурором кассационного департамента Сената, а затем и сенатором. Шутя он говорил, что считает себя «резонером», ибо ему постоянно приходилось разъяснять смысл уголовных законов сенаторам, которых А. И. Герцен назвал «дикими невеждами».

А. Ф. Кони пользовался в правительствующем сенате большим влиянием и авторитетом. К нему прислушивались. «Я, — писал он позднее, — отдался всеми силами души и с напряжением всех физических сил труду обер-прокурора, которому я желал придать влиятельный и благотворный характер. Это, по-видимому, и удалось. Мои заключения стали печататься в газетах и привлекать публику в заседания».

Кони был не только талантливым юристом, но и выдающимся публицистом, мастером литературного портрета, памфлетистом. Почти сорок лет Кони активно сотрудничал в журнале «Вестник Европы» и опубликовал там много своих произведений.

Автор книги внимательно проследил творческий характер многогранной деятельности Кони в суде, прокуратуре, Сенате, Государственном совете, на литературном поприще.

Незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции А. Ф. Кони исполнилось 73 года. Сенатор, член Го-

сударственного совета, почетный академик, видный общественный деятель, он решительно отказался от возможности эмигрировать. В конце ноября 1917 года Кони обратился с просьбой к народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому. Я прекрасно понимал всю исключительную значительность, писал впоследствии Луначарский, этого блестящего либерала, занявшего одно из самых первых мест в судебном мире эпохи царей. Мне самому чрезвычайно хотелось видеть маститого старца и знать, что хочет он сказать мне, пролетарскому наркому... Кабинет, в который меня ввели, хранил еще все следы его нормальной жизни. Это был кабинет серьезного работника, с большим количеством книг...

Анатолий Федорович сразу же определил суть своей просьбы: «Мне лично... ничего не нужно. Я разве только хотел спросить вас, как отнесется правительство, если я по выздоровлению... буду выступать, в особенности с моими воспоминаниями». Луначарский заверил его, что Наркомпрос будет сочувствовать всякому его выступлению с собственными воспоминаниями как в устной, так и в письменной форме.

Потом был долгий и обстоятельный разговор об отношении к свершившейся революции. «С огромным презрением, презрением тонкого ума и широкой культуры, — писал Луначарский, — глядел сверху вниз Анатолий Федорович на царей и их приближенных... Говоря о Николае II, Кони только махнул рукой. Ведь, по существу говоря, сказал он, он всю жизнь оставался на том уровне умственного развития, который вряд ли сделает его способным прилично командовать ротой. И вот с таким умом извольте

править государством...» О временном правительстве он сказал: «В этих я ни на одну минуту не верил...» В ходе беседы Кони заметил: «Я чувствую, что у вас действительно огромные массы приходят к власти». И этой власти он честно служил десять последних лет жизни.

Автор научной биографии А. Ф. Кони по крупницам собрал интересные и убедительные данные о последних годах его деятельности. Анатолий Федорович буквально с первых дней нового строя оказался в гуще масс: профессор Петроградского университета и многих других вузов, активный сотрудник Академии наук, неизменный и желанный лектор, он усиленно работает над своими воспоминаниями. В университете он читает лекции по уголовному судопроизводству, в институте живого слова — курс прикладной этики, в железнодорожном университете — лекции по этике общежития. Множество слушателей собиралось на его публичные лекции с благотворительными целями (в том числе в пользу бедствующих писателей). В воскресные дни он проводил со студентами практические занятия по ораторскому искусству.

О своей деятельности в годы Советской власти Кони писал: «Меня эти занятия очень увлекают, а отношение ко мне молодежи очень трогает... Я с усердием «по разуму, но не по летам» предался чтению лекций о врачебной этике и экспертизе в Клиническом институте для вызываемых из провинции врачей». А. Ф. Кони стал очень популярным лектором в городе. Он отдавал свои знания новому обществу.

В одном из стихотворений он так определил свою цель:

Напутствовать юное хочется
мне поколенью,
От мрака и грязи умы
и сердца уберечь.

Единственное, о чем можно сожалеть, так это о том, что как-то вне поля зрения автора книги остался вопрос об эпистолярном наследии А. Ф. Кони. Между тем только часть писем, так мастерски написанных и опубликованных в собрании его сочинений, заняла целый том.

Скончался Анатолий Федорович Кони 17 сентября 1927 года. Похороны состоялись при огромном стечении народа. В связи со смертью А. Ф. Кони президиум Ленинградского городского Совета писал в некрологе: «В лице Анатолия Федоровича в могилу сошел один из наиболее честных, передовых и одаренных общественно-культурных деятелей дореволюционной России».

Анатолий Федорович Кони похоронен на литературских мостках Волкова кладбища. Рядом могилы И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, К. Д. Кавелина, Н. И. Костомарова, Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, Н. К. Михайловского, В. М. Гаршина, А. Д. Градовского и многих других деятелей русской культуры. Здесь же, неподалеку от могилы А. Ф. Кони находится могила В. И. Засулич со скромным надгробием.

Как-то А. П. Чехов заметил: «Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают». Таким незабываемым подвижником в России был и А. Ф. Кони.

А. КОСИЦЫН,
доктор юридических наук,
профессор

ВЛАДИМИР ВИНОГРАДОВ

ПОВЕСТЬ

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ НА ДОПРОСЕ

Красота всегда светит. Ее свет бывает жарким, ослепляющим, как от лампы в сотни ватт, или же ледяным, но также слепящим, как от тороса. Красота Людмилы была мягкой и теплой. Эту девушку легко было представить преданной женой порядочному мужу и заботливой матерью двух-трех славных, ухоженных ребяташек. Уравновешенной, доброй, покладистой. Долго сохраняющей юную свежесть лица и неукротимо полнеющей. Но не чьей-то любовницей. Хотя стоит ли всегда подразумевать под еще обиходным званием нечто вызывающее, непостоянное, просто легкомысленное. Мало ли по каким причинам люди не вступают в брак, но искренне, взаимно любят. Это их дело. Но Людмила, казалось, всем обликом гарантировала прочное семейное счастье, какое не дано предусмотреть самому совершенному компьютеру. Связь с «Русланом», а он так подходил ей статью — прекрасная пара! — конечно, могла кое-кому казаться следствием невоздержанного любопытства или бездумной, безоглядной влюбленности. Но в их близости не хотелось видеть ничего, кроме сильного чувства девушки, заждавшейся настоящей любви, и веры, внушенной опытным мужчиной. Чтобы понять это, не требовалось специально проследживать жизненные пути тридцатитрехлетнего «Руслана» — Игоря Митрофановича — и двадцатидвухлетней Людмилы.

Где-то и почему-то соединились. Затем круто разминулись. Так взбирается на обочину шоссе узкая, слегка обозначенная тропка, в травинках, и сливается с заезженной дорогой. А потом неожиданно отходит, сбегает вниз и через канавку или подвернувшийся мостик удаляется прочь, в чистое поле или лесную чащу, где и теряется. Зачем взвешивать слова, подобранные кем-то из них при знакомстве, промолвленные в приливах нежности и страсти, когда допустимо верить и не верить, сказанные при обыденных обстоятельствах, в ссорах и примирениях, наконец, оброненные или брошенные в лицо в момент разрыва, чтобы сопоставить с поступками, определить, когда говорилась правда, когда ложь. Подобные проверки необходимы, скажем, при расследовании убийства из ревности. Но когда кончают любовь, эти изыскания не в компетенции следственного органа.

— Все правильно, — кивнул следователь Людмиле, когда она рассказала о бодеянном, — но далеко не все.

— Что не все?

— Не вся правда. Не все, что вы должны рассказать... Итак, уточним: кто вас познакомил с Квасниковым?

Людмила закусил губу, словно хотела задержать слова правды, готовые вырваться, и отвернулась.

— Вы знаете, кто.

«Почему я должен знать?» — хотел спросить он, но не стал играть в кошки-мышки.

— Так кто же? — дал понять, что если и знает, то все равно желает получить ответ.

Ее спокойствие было на пределе — вот-вот лопнет. Возлюбленный оставался в ней. Не отлучался в течение всего допроса. Словно перебрался из сердца в голову и, надежно устроившись, контролировал каждое слово. Старался за себя.

Людмила не знала, что Игоря Митрофановича успели вызвать и допросить. Она могла предполагать, что следователь вообще не знал о нем. Во всяком случае, если вызвали, то Игорь должен был предупредить ее, хотя бы ради собственного спокойствия. Но тон

следователя не вызвал сомнений: Игоря не допрашивали. И Людмила поняла, что их обоих выдал Квасников. Кто же еще?

В широко раскрытых глазах — мольба. Дрожащими губами, тихо, словно их могли подслушать, а крик рвался, она произнесла:

— Не вызывайте его! Прошу вас!

«Даже не предупредил, что его вызывали».

— Он непричастен;— добавила.

Следователь молчал, подбирая слова. Охота ли смотреть на слезы. Хотя их поток нередко вымывает ложь, приносит правду.

— Вы его защищаете, и я знаю почему. Вы его любите.

Называется — подобрал слова! Да еще так твердо, убежденно. Жестокая правда.

Она еще держалась. Глаза потемнели. Прозелень словно выжгло. Из губ отчаянно рвалось: «Да! Да! Люблю!» Но, казалось, горло сдавило, не хватало дыхания.

Он видел это. Не впервые наблюдал такое. Однако ничем не мог помочь. Да кто и чем поможет?

Показались слезинки. И задержались на ресницах. Посверкивали. Даже играли веселыми лучиками. Лживо-веселыми. Просто отразили солнце из окна. И прыгнули — один мужчина предал, другой словно любовался результатами предательства, — упали, будто высохли, будто и не было и потом не будет. Две капельки так и не пошедшего дождя в летний зной.

«А вдруг спросит, был ли ее герой у меня и что показал», — подумал следователь. И хотя он вправе не отвечать на вопросы, как солжешь!

Не спросила. Была уверена: не давал Игорь на нее показаний.

Грустно было видеть столь бесплодное, наивное самопожертвование. Казалось, эта молодая женщина еще отдавала себя возлюбленному. Не тело. В нем тот больше не нуждался. Не душу. Зачем ему душа. Он и раньше не понял и не принял, а теперь и подавно. Она отдавала честь. Все взваливала на свои плечи. Даже его защиту.

Игорь Митрофанович, казалось, не только присутствовал незримо, но и расценил как должное жертву преданной ему и преданной им девушки: Он и от следователя уходил, не сомневаясь, что она поведет себя «героически». А может, и не думал об этом. Может, ему было ровным счетом наплевать на все эти сомнения, чувства, эмоции: скажет, не скажет — какая разница. Он отговорил что положено и, утвердившись в своей правоте, полагал себя непричастным к этому делу, выбившему его из привычной колеи, и даже вполне мог испытать брезгливость.

Нет, она боролась не только за него. Она судорожно цеплялась за остатки веры. Легко ли сознавать, что не только не нужна любимому, но еще и предана им.

— Значит, можно записать, что вы познакомились с Квасниковым через Игоря Митрофановича?

— Да. Но это вышло... случайно.

— Вы в этом уверены?

— Да.

— Получается, Квасников сам обратился к вам или вы к нему без посредничества вашего знакомого?

— С Квасниковым меня познакомил Игорь Митрофанович. Но относительно всех этих дел, о которых идет речь, ничего мне не

говорил. Когда мы познакомились, Квасников сам завел разговор о сдаче экзаменов. Игорь Митрофанович при этом не был.

— Значит, Квасников, фактически не зная вас, на первой же встрече, с ходу, предложил вам участвовать в преступлении?

— Кажется, это была уже вторая встреча,— сказала и смутилась.— Да, он позвонил, и мы встретились.

— Кто — он?

— Квасников.

— Кто же ему дал телефон? Вы или Игорь Митрофанович?

— Я.

— Когда же? — настаивал на точном ответе следователь.

— При первой встрече. Мы встретились на стадионе, на теннисном корте, Игорь стал играть, а мы смотрели. Квасников попросил, и я дала свой телефон. Что тут особенного?

— В общем-то, ничего. Но вы были, так сказать, близкой знакомой Игоря Митрофановича, пришли с ним, и вдруг посторонний мужчина, хотя и приятель вашего друга, просит телефон. Зачем? И вы тут же его даете. Признаться, вы не похожи на девушку, которая дает телефон каждому встречному.

— Николай сказал, что, возможно, подберет мне работу. Не сказал ничего конкретного, но работа, как он выразился, будет непильная, зато денежная. Причем летом, в свободное время.

— Вы сказали об этом Игорю Митрофановичу?

Она замялась.

— Нет, не сказала.

— Итак, Квасников позвонил...

— Да. И предложил встретиться, поговорить о деле. И, как я уже рассказывала, я согласилась.

— Но что вас заставило сдавать экзамены за неизвестных? Этого вы не сказали.

Она поколебалась.

— Квасников предложил заработать... Ведь практикуется... Ну, скажем, изготовление чертежей... Студенты часто подрабатывают таким образом.

— Или написанием курсовых работ,— подсказал следователь.— Невинное занятие.

— Но студенту необходим приработок. Не все же обеспечены... На одну стипендию, если не помогают родители...

— И это единственный путь свести концы с концами? А работа на производственной практике? Стройотряды? Хотя бы репетиторство? Или это уже девятнадцатый век? Насколько мне известно, и двоечники нуждаются, и десятиклассники готовятся в вузы. Да вы и сами знаете, лучше уж вагоны разгружать, чем идти на подлог. Вы совершили самое настоящее преступление.

— Я знаю.

— Ничего вы не знаете! Вчера чертежи за бездельников, курсовые работы. Потом наступила очередь экзаменов. Что еще осталось? Диссертации? Изобретения? Открытия? Все на продажу!

Она вспыхнула.

— Вам что, приходится жить на одну стипендию?

— Нет, мне помогают родители. Я живу с ними.

— Значит, нет проблем финансового порядка. Тогда что же заставило вас согласиться на предложение Квасникова? Какая особая нужда?

Она молчала.

— Значит, корысть? Триста рублей — немалая сумма.

Она снова вспыхнула.

— Тогда родители не помогали, — сказала и отвернулась к окну.

Всем в его кабинете, кому хочется промолчать, задуматься или отвлечься, оставалось смотреть в окно. Картины в кабинете не висели. А что за окном? Старые дома напротив. В темно-пыльных квадратах окон. По тротуару идут люди, прожаренные солнцем, пропыленные, пробензиненные. Зато свободные от подобных вопросов. Идут мимо, отделенные всего лишь стеной, хоть и мощной, старинной кладки. Дом ничем не отличается от других на этой улице, известной многим, ставшей почти легендарной. Идут и идут, безучастные.

— И долго? — спросил он.

— Не очень.

— Вы уходили из дома?

— Да.

— И жили у него?

— У кого?.. Нет, конечно.

— Снимали комнату?

— Да. Для этого нужны были деньги.

— Понятно... Итак, поссорились с родителями, отказались от их помощи, решили пожить отдельно. Самостоятельность всегда похвальна. Из-за чего же произошла ссора?

— Извините, но это к делу не имеет отношения.

— Допустим. Так кто же платил за комнату?

— Тот, кто в ней жил. Я, разумеется.

— Да, на одну стипендию, еще с оплатой жилья, проживешь ли.

Ну, а мать?

— Мама предлагала мне деньги, но я отказалась. Это все равно, что объявить домашнюю голодовку, а по ночам таскать из супа мясо. Как Васисуалий Лоханкин из «Золотого теленка», — улыбнулась. В первый раз.

— Тогда вам предложили помощь с другой стороны?

— Это не оправдание.

— Но объяснение.

— Поверьте, я не ищу оправданий.

— Это делает вам честь, — сказал следователь. — Но когда взрослый мужчина уводит девушку из родительского дома... —

— Он не уводил.

А — Когда уводит... — повторил следователь. — Из-за которого она порывает с отцом и матерью... Разве это не накладывает на него обязанности заботиться о ней?!

— Он не уводил. Он не хотел, чтобы я ушла из дома.

— Ему было невыгодно.

— Почему вы так говорите?! Ведь вы ничего не знаете о нас!

— О вас — да. Но за все, в таком случае, — подчеркнул следователь, — отвечает мужчина. Если он не альфонс, конечно, а мужчина. Так я полагаю.

— Что ж вам мешает? — сказала она. — Привлекайте. Предъявите ему обвинение, отдайте под суд. Нет, ничего вы не сделаете. И я ушла от родителей по своей воле. Не девочка! Мои поступки — это мои поступки. И мне одной отвечать. Готова. Ни с кем не намерена делить вину. Взваливать на кого-то. Оставьте уж ее мне!

Он промолчал, словно проглотил упрек, в котором была не столько дерзость, сколько обида и досада. И вспомнил, как сказал

одной бывшей знакомой с ее вечным недоверием, капризами, вспышками неоправданных обид, что у таких женщин, как она, новый мужчина всегда расплачивается за грехи предшественников. Но как милы, очаровательны женщины, которые способны оценить разницу!

Она снова отвернулась к окну, задумалась.

— Все это не имеет уже никакого значения. Мой уход, мой приход... Тем более — для дела, которое вы расследуете. Что вы можете изменить?

— К сожалению, мы приходим к финалу, — сказал он, — когда уже трудно что-либо поправить. Но мы не сторонние наблюдатели. А что имеет значение для дела, все же решать мне.

Людмила не понимала, что для него в этом эпизоде не было загадок. Факты ясны, прозрачны. Но она еще пыталась убедить его в том, в чем себя бы не смогла, останься лицом к лицу не с любовью своей, запачканной, а с голыми фактами.

— Ладно, — сказал следователь, — вы нуждались в деньгах, и вы заработали приличную сумму.

— Да, — ответила она с некоторым вызовом, хотя и покраснела.

— Это был не единственный путь достать деньги, но выбрали его как самый доходный, — сказал он, решив: «Раз взвалила на себя — так неси!»

— Да, — повторила.

— Вы не колеблясь согласились с тем, что вам подсунули, на что толкнули. Легко и просто.

— Зачем вы так? — не выдержала она.

— А как? Боролась с искушением? Метались от одного советчика к другому? Или не с кем было посоветоваться? Чепуха! Совет был. И вы ему последовали. И это был совет не Квасникова... Я не предлагаю вам делиться подробностями вашей любовной связи с Игорем Митрофановичем. Это, действительно, ваше личное дело. Хотя мы оба знаем, во что обошлась вам эта связь. Но мне необходимо твердо знать его роль в преступлении. Вы просите не вызывать его... Я не могу удовлетворить вашу просьбу. Вы меня не убедили.

— Я сказала правду. Он ни в чем не виноват. Как вас убедить?

— Решение вашей судьбы не может основываться только на ваших показаниях. Вы должны это понять. С такими, как Квасников, проще. Его вина неизмеримо выше, он — организатор махинаций, нажил большие деньги. Его арестовали и, несомненно, осудят на долгий срок. Откровенно говоря, не жаль этого субъекта. Прогнил. Но вы — другое дело.

— Чем же я лучше? Меньше заработала?

— Вопрос самокритичный! Трудно решать судьбу любого человека. Но когда он так молод, особенно тогда, надо знать еще больше, чтобы не ошибиться. Сложившийся, пожилой — почти на все сто за себя в ответе, ну, а за молодежь во многом и мы... Взять хотя бы тех, кто поступил в вузы по фальшивым документам: по существу, они — взяточдатели. Их действия серьезнее, опаснее, чем подделка документов, в чем обвиняетесь вы. Но тоже нельзя под одну гребенку... Люди разные. Есть и ребята с производства, но таких немного. В основном, специалисты-практики, без диплома, а требуется... Инженеры, экономисты, товароведы. Или только что окончившие школу. Тут уж родители виноваты. Ну, а попадались и такие, которым дипломы совсем ни к чему, — следователь усмехнул-

ся.— Ну вот один из них — буфетчик из Гурджаани. Дом купил на зарплату в сто рублей, «Волгу». В доме — ковры, фирменные гарнитуры, хрусталь, серебро, два холодильника, телевизоры и прочее, крайне необходимое. А диплома — нет. Зачем ему? Над стойкой, что ли, повесить? Вызвали — говорит, сам сдавал. Пригласили экзаменаторов. Оказалось, не может решить простого уравнения, на одной странице контрольного диктанта — сорок две ошибки. А на экзаменах одни пятерки. Ясно, за него сдавали. Нашли и того, кто сдавал.

— Как же он утверждал, когда фотография не его?

— Успели переклеить. Подкупили секретаря комиссии. «Арагви», цветы, чеканка, правда, дешевая. Мы эту дамочку тоже привлекли... Арестовали буфетчика. А вот за другого мальчика все обделали родители. Ты, сказали ему, Гиви, отдыхай, набирайся сил, а с первого сентября будешь в институте. Значит, Гиви под суд? Жизнь ему покалечить? Нет, уж мы с родителями взыщем. А парню, может, само следствие и суд на пользу пойдут. Одним аттестатом зрелости больше.

— Мои тоже, выходит, меня не уберегли, двадцатидвухлетнюю крошку?

— Вас-то? Здесь другое... Где уж им с великолепным Игорем Митрофановичем тягаться.

— Вы же не знаете его. Вы даже не видели.

Тень легкого смущения прошла по его лицу. «Не видел? Не знаю? Да как облупленного!» И подумал: «Кто она мне? Дочь, сестра, близкая знакомая? И кто я ей? Официальное лицо. Власть. Допросил, выполнил формальности — и все! Игорька хочу утопить с ее помощью? Неблагодарно!.. Дурочка! Твой Митрофаныч побродил в мутной водичке и вышел сухоньким, чистеньким. Ручкой махнул и слинял. Еще не одной махнет... Да и какое мне дело до вас обоих! Трачу время, нервы, сколько еще допросов. Сколько людей вызывать... Все! Хватит!»

Он посмотрел на молодую женщину пристально, изучающе, будто только что увидел. Пытливо-холодным взглядом. Он так и не нащупал проводок контакта. Не состоялся контакт. И ее индивидуальность, так резко обозначившаяся вначале, стала высыхать, испаряться. Перед ним сидела просто молодая, возможно, красивая женщина, — дело вкуса. И эта женщина совершила корыстное преступление. И нечего идеализировать: за ним, не исключено, таятся и жадность, и хитрость, и черт знает что еще. А он растаял от чар! Если мужчины загадочны порой, то женщины по давню. Миледи! Нет, он не д'Артаньян — один из любимых героев детства. Чтобы разглядеть выжженную на прекрасном плече лилию, ему не обязательно всякий раз раздевать красавицу.

Теперь он видел перед собой просто кандидатку в обвиняемые. Чужую мыслями, чувством к человеку, которого презирал. Чужую своей неразгаданностью, казавшейся враждебной. Обаяние не действовало. Иссякло, как ток в батарее. Он поймал себя на мысли, что необъективен, раздосадован. «Уж не ревную ли к этому типу?» И высмеял себя за глупость.

Человеку, отвергающему тебя, твое участие, сочувствовать трудно. Разве вызовет жалость. И следовательно подумал: «Кто же протянет тебе руку, когда выйдешь отсюда? Кто поможет выбраться из ямы, в которую столкнули тебя Игорек и Коля-штангист? Отец,

мать, подружки? Или новый друг? Уйдешь выпотрошенная. А к кому?»

— Вы упорно просите, чтобы я не вызывал Игоря Митрофановича. Знаю — почему. Если вы все честно рассказали, то лишь один ответ — вы ему не верите. Да. Бойтесь его последнего слова. Грубо говоря, последней оплеухи. И жалеете не столько его, я понял, — свое чувство вам жаль. Не хотите окончательно замарать. И гордость — остаться чище, выше. Что еще я должен понимать?.. Давайте повестку. Отмечу, и до свидания.

Ничего не теплилось. Если бы вышла в коридор и села в ряду посетителей, вызванных к другим следователям, скучающих, унылых, прошел бы и не взглянул. Полное отчуждение.

Сейчас он глядел на нее так, как на человека, которому ни ты не нужен, ни он тебе. И сказал про себя: «Ничего. Ты — гордая, красивая. В этом твои невзгоды, но и счастье. В красоте — сила. Выстоишь! Чего тебя жалеть? В жалости нуждаются не такие!»

И она смотрела в его глаза. Серые, как камни. Такими они показались в это затянувшееся мгновение. И почувствовала себя неуютно, одиноко. Так одиноко, как никогда. И вдруг до нее дошло, с ясностью черной строки на чистой бумаге, что этот человек, пока они были вдвоем, совсем не был ей чужим. Но, успев притянуть, уже отталкивает. Отходит. Исчезает. Оставляя ее наедине с хаосом мыслей и чувств, гнетущих, неразрешимых. Сейчас как бы сольется со стенами, уйдет за этот зеленый забор, и останется лишь стол песочного цвета, скользкий от лака, с книгами на краю — законами, пособиями «как лучше посадить», протоколами и прочими бумагами, сухими, как придорожный репейник. И нарастала мысль — бредовая, но реальная, что во всем мире, недобром, придавившем ее неумолимой тяжестью случившегося, этот следователь, которого она еще вчера не знала и не хотела знать и сегодня не приняла, действительно, оказался тем близким человеком, который один способен понять и верно оценить ее состояние. А кому под силу распутать клубок? И если не освободить от пригнувшей тяжести, то как-то облегчить? Сейчас он замкнется — и все!

— Нет! — промолвила она.

— Что? — не понял.

«Не надо уходить! Не бросайте!» — чуть не вырвалось у нее, хотя он никуда не уходил, а должна была уйти она.

И повестка в руке казалась легоньким платочком, которым смешно взмахнула.

— Подождите! Я сейчас! — так просят немного погодить робкие больные врача или медсестру, цепляясь за руки от страха перед предстоящей болезненной процедурой.

Людмила бросила повестку и достала платок. Тогда-то слезы и полились неудержимо.

Следователь указал на графин с водой и стакан. Она отрицательно мотнула головой.

— Извините, я сейчас. — Вытерла глаза, щеки. Слезы не оставили следов. Ни припухших век, ни покрасневшего носа. Эта девушка и плакать умела красиво.

— Только прошу — не записывайте. Это же личное.

Тогда он показал жестом, что, может, не стоит.

— Нет, я сама хочу, — сказала твердо и приложила платок к глазам.

Следователь решительно сдвинул бумаги, в том числе и протокол допроса, на угол стола. «Ты и я. И между нами нет уголовного дела!»

Она поняла и благодарно улыбнулась.

— Трудно сказать, кто из нас двоих прав, кто виноват,— проговорила Людмила,— наверно, оба... Игорь показался особенным. Он обращает на себя внимание, привлекает, прежде всего внешностью. Обликом. Если бы вы его увидели, согласились. Уверяю.— Он невольно кивнул,— Разве могут сравниться с ним хотя бы мои сверстники? Большой, сильный. Добродушный... Таким показался с первого взгляда. И я не могла, да и не хотела отказываться от этого впечатления. Да, да, даже когда убедилась в обратном, когда ничего не осталось от силы и доброты... Ничего! Хотелось воспринимать его только таким. А признаться, что это мираж, было страшно. Легче обвинить себя. Понимаете?

— Да.

— Сначала, казалось, было все прекрасно. Отдельные замечания, выражения, даже поступки — в счет не шли. Не казались главным, серьезным. Идеальных людей нет. Да и нужны ли? В первое время... Почему в первое? Он и сейчас видится мне волевым человеком. Мне казалось, что с ним, таким мужественным, как за каменной стеной. И все у нас будет замечательно... Только с ним. Но,— она замолчала на миг,— все чисто внешнее.

— Полированная мебель из прессованных опилок.

— Слишком сильно... В Игоре нет явно показного. Он естественно, выделяется, без наигрыша... Говорю как об умершем. Но о мертвых либо говорят хорошее, либо молчат...

— Это я вас заставил.

— Нет, что вы! Меня никто не может заставить. Если человек не хочет, из него клещами не вырвешь. Вы же знаете,— она вздохнула.— Не умер. Живет,— сказала почти отчужденно.— Чем-то занимается... Думает ли он в эти минуты?.. А я так вот, за глаза...

Людмила взглянула вопросительно.

— Допрос — не собрание,— сказал он.— Тем более не исповедь.

— Нет, похоже на исповедь... Сейчас я не чувствую, что на допросе. Право, я почему-то меньше всего вижу в вас следователя.

— Смотрите, не проговоритесь,— сказал с улыбкой.— Это опасно, когда в нас не видят следователей.

— Меня никто за язык не тянул.

— Не волнуйтесь. Я слушаю.

— Спокойно трудно. Не пришло время, чтобы спокойно, как о далеком прошлом. И тогда волнуются, вспоминая...

— Да, это верно.

— Но так уж вышло,— сказала и быстро стерла две опоздавшие слезинки.— Первое время, да и позже я любила всюду бывать с Игорем. Любила гулять,— усмехнулась,— показывать его... Затащила как-то домой, хотя он упирался. Отец встретил его приветливо, но сдержанно. Был с ним вежлив. Но больше молчал. А маме Игорь очень понравился. Она даже шепнула, не удержалась: «Вот зять, какой мне нужен!» Игорь не слышал, но чрезмерное радушие мамы его насторожило. «Нет уж, зять из меня никто не испечет»,— подумал, а потом и сказал, значительно позже. Между прочим, я с ним ни разу не заговаривала о браке. Ни намека... С мамой он держался чрезвычайно любезно, галантно, с интересом

поддерживал разговор на любую тему. Обворожил!.. Если бы мамочка видела, каким он может быть жестоким!

— Мягким тигром.

— До тигра он не дотянул! — Ему послышалась злость. И, как бы возражая, сказала: — Я не со зла. Хотя злость была. В глупости, скверности того, что, слава богу, прошло, мы сами виноваты. Слепота — вот что, если оправдываться. Даны же человеку глаза, осязание, чувства! Нет, нечего себя оправдывать.

Задумалась.

— Если честно, — глядела куда-то мимо, — Игорь Митрофанович, — впервые так назвала, — из тех вежливых, элегантных, которым ничего не стоит отшвырнуть с дороги ребенка, чтобы не запачкал брюки!

— Сильно.

— Пускай, грубо, но справедливо! Такие, как он, всего добиваются. Ни перед чем не остановятся. И никто не помешает. Хватка! Впрочем, они не допускают ничего противозаконного. Но люди им — только для дела, и в первую очередь — для собственной пользы. Они просто не нуждаются в тех, от кого нечего ждать пользы. Раньше скрывалось. Теперь — в открытую: ты мне — я тебе. Ведь вот как рассуждает Игорь Митрофанович. «Жизнь, — говорит он, — должна строиться по олимпийской системе: бросили на лопатки — выбывай и не жалуйся». И он по-своему честен. «Пусть и со мной так же, как и я с другими. Учись быть полезным. Не научился — пеняй на себя. И не навязывайся, не висни гирей на чужой ноге, не будь препоной. Попробуй прояви слабость к кому-то, жалость, сочувствие. Думаешь, поблагодарит в душе? Никогда. Всякая слабость вызывает презрение. Да и ты себя за слабость не простишь. А жалость унижает взаимно».

— Все нипочем, все дозволено?!

— Зачем? Игорь Митрофанович утверждает, что все должно вписаться в рамки закона, правил, норм. Все. Кроме морали.

→ Да, — сказал следователь, — они закон чтут, потому что трусы. Страшно боятся наказания.

— А вот мораль человек вправе выбирать себе сам. У каждого — собственная, — продолжала цитировать Людмила своего знакомого.

— Подходящая его интересам?

— Именно. Здесь уж я хозяин. И не суйтесь. Не навязывайте. Вот если завтра, сегодня, пускай через час произведут моральную норму в чин закона, тогда — поднимаю руки!

— А как же быть не согласным с такой моральной установкой?

— Не согласен — и не надо. Все равно, у тебя своя мораль, только занятая, приспособленная. Нравится — пользуйся. А с советами, нравоучениями не лезь. — Следователь вспомнил диалог с Игорем Митрофановичем. — Так что, не согласен — зеленая улица, скатертью дорога.

— Право сильного, ловкого. Право проходимцев.

— Почему право? Мораль. «У права не должно быть сильных, — говорит Игорь Митрофанович. — У него только судьи. На них лежит обязанность быть честными и беспристрастными»...

— И тоже без морали?

— Ни в коем случае. Игорь Митрофанович считает: они с моралью такую бодягу разводят, что от этого один вред. Скажем, два воришки по три рубля вытащили. Так вот, одному судья год дал, а другому — два. Где же справедливость? А оттого, что судьи мо-

раль применили. Ах, у одного, видите ли, тяжелое детство, недостатки, родители обижали, а у другого — изобилие. А им-то что до этого? У одного обида, зависть, у другого — насмешка. И никакого уважения к закону. Нет уж, что сделал, за то и получи.

— И все это он вам говорил?

— Со мной он такие разговоры редко вел... С приятелями. Один его друг любил повторять: «Морали нет, есть только красота!» А сам любую красоту способен запачкать...

«Брэм», — догадался следователь.

— В области морали — произвол. Вот их кредо. И нечего возмущаться. Естественно, как в мире животных, где высший закон — здоровые инстинкты и отбор. Никаких писаных, сочиненных норм, установок.

— И тигр вас слопал?

— Как видите, цела.

— И даже улыбаетесь... А не рисовался Игорь Митрофанович? Похоже.

— В том-то и беда, что убеждение... Он не любил рисоваться. Даже когда замечал, что нравится кому-то.

— Особенно женщинам.

— Игорь умеет нравиться, — опять назвала без отчества. — Привык. И пользуется. Можно ли за это осуждать? А все его моральные установки скресты всего от худого воспитания, образа жизни, от окружения. Не подошла. Не полезна. А казалось, нет ближе человека. Обидно. Горько.

И добавила, после короткой паузы, тихо:

— Моя первая любовь.

— Да?

— Если не считать школьного увлечения. Но там все по-детски, — хорошо улыбнулась, коснувшись чего-то далекого, светлого. Опустила голову. — Единственный мужчина, — сказала и вскинула голову. Глаза были сухими. Посветлели до янтарной зелени. — Не знаю почему, но я не испытываю неловкости перед вами. Скажете, совсем без стыда.

— Ну, что вы?!

— Ни с кем не делилась. Вам первому.

Он понимал, и она это чувствовала. Отчужденность ушла.

— Я не виню Игоря. Сама пошла на это. Любила и хотела быть с любимым... Говорят — сломя голову. Нет, сознательно. Конечно, не думала, что так кончится. И потом... Он сказал, что не считает подарком... Уж потом. Это в ответ на мой упрек... Главное — быть нужной человеку. Неотъемлемо нужной. Даже если сам глупый, не осознает. Тогда стоит бороться и за него, и за любовь. Разве это эгоизм? Но за что же было бороться в данном случае?

Она замолчала.

— Однажды Игорь спросил: «Ты на самом деле так сильно любишь меня?» Я сказала правду. Показалось, он испугался. Стало грустно, но не больно. Испуг отрицал самодовольство. Некоторые почувствуют, что их сильнее любят, чем они, и начинают куражиться. Стремятся совсем подавить, подмять. А Игорь просто не испытывал потребности любить кого-то или быть любимым. Сам никогда не любил и не требовал, чтобы его любили. Избегал ответственности. Так спокойней. Не мешает жить. Не знаю, посещает ли его тоска. Не замечала, хотя и на таких равнодушных должна нападать. Скучно ему бывало. Всегда спешил, торопился, смотрел на

часы. «Ты хоть раз приди без часов или не смотри на них!» — сказала как-то. Свидания, как визиты к врачу. Время истекло, сеанс окончен... Я не удерживала, хотя порой было невыносимо. Уходил, а у меня словно все обрывалось. Иди куда хочешь, с кем хочешь — ему все равно. Или жди следующего визита... Наверно, так бывает с женатыми? Отрезают кусочек от большого пирога... Подбирай крошки!

— Всякое бывает, — что еще он мог ответить ей. — Все зависит от людей, а не от положения: женат — не женат. Или обстоятельства сильнее людей, или люди. Все решает честность. Главное — бережность, понимание. Конечно, взаимное.

— Бережность? Наверно, это самое ценное.

— Да. И ответственность. Потому я и сказал об ответственности мужчины за поступки девушки. В чем тогда мужская сила? В мускулах, грубости, хамстве? В подавлении слабых, беззащитных? Нет, в доброте. Быть сильным и добрым. Надежным.

— Я потянулась к такому. И сейчас гадаю: неужели в нем нет ничего, чем стоит дорожить без расчета, выгоды? Ведь он не скупой. Расчетливый, но не жадный.

— А плата за комнату, которую вы снимали?

— Комната — другое дело.

— Ладно. Но были же у него близкие друзья? Не такие, как Квасников... Баулов?

— Вы и Баулова знаете? — удивилась Людмила.

— Я многих знаю.

— С Квасниковым он не дружил... Вообще, такое понятие, как дружба, здесь неприменимо. Дружба, друг — о чем вы говорите?! С Бауловым они давно знакомы. Но надо знать Александра Ибрагимовича, чтобы завязать с ним дружбу.

— Опять взаимная выгода?

— Не знаю. Но тип он — мерзкий.

— Ну однокашники. По школе, институту?

— Однокашники... Прошлой осенью позвонил Игорю из Челябинской области товарищ по школе, работает комбайнером в колхозе. Собрался в Москву, в отпуск. Хотел с Игорем повидаться, музеи посмотреть, купить кое-что для семьи. А с гостиницами туго. Попросил Игоря приютить у себя. Игорь живет один в однокомнатной, кооперативной. Так он ответил комбайнеру, что рад бы принять, да сам уезжает в командировку. Неудачное совпадение.

— Правда уезжал?

— Нет. Велел еще позвонить, сказал, что-нибудь придумает. Спросил меня, как поступить.

— Это он-то растерялся?

— Выходит. Я сказала, что надо обязательно принять человека. Учились вместе, земляк. Как же так? «Нас, — ответил Игорь, — целая ватага собакам хвосты крутила. Всех и принимай! Да и о чем с ним говорить? Ну, выпьем бутылку, вспомним тетку Марфушу, Толю — дурачка деревенского, а дальше? Нет уж, уволь». — «Да как же так можно?!» — «Ладно. Твой телефон дам, если позвонит — передашь ему ключи от моей квартиры. Сам где-нибудь перекантуюсь. И верно, если придется съездить в деревню к родным, неудобно будет».

— Позвонил комбайнер?

— Позвонил и приехал. Очень славный человек. Я с ним в Третьяковку ходила, в Кремль. В магазинах помогла кое-что выбрать

жене и ребятам. Посидели в «Славянском базаре». Все сокрушался, что Игоря нет с нами, а он в кои веки выбрался в Москву, Между прочим, у него орден и две медали за доблестный труд. Рассказывал о работе, звал обязательно приехать к ним вместе с Игорем. «Мы вам,— сказал,— настоящую свадьбу отгрохаем. Сельскую».

— Поехали бы и отгрохали.

— Шутите? Какая свадьба?! Я потом, упрекая Игоря в черствости, помянула и комбайнера... Все же мучило его — так раскричался! И, как всегда, теория. «Ты «Маяк» слушаешь? Есть передачи о розыске родных, потерявшихся в минувшую войну. Сколько лет прошло, а все ищут. Зачем? Ну, мать сына — понятно, может, алименты, высудит...» — «Да ты что!» — вскричала я. «А ничего, что слышишь». — «И слушать не хочу!» — «Не любите правду... Брат сестру разыскивает, сестра — брата. Зачем? Встретятся — совсем ведь чужие люди. Одно любопытство. Подсунь другого — поверят. У каждого своя жизнь, интересы, связи. Хвосты прошлого, а то и судимости. Может, братишка спился, алкоголик? Подарочек сестрице! Расцелуются, прослезятся, а потом? Куда его потом-то девать? Что с ним делать? Да пропади пропадом такой родственничек. От тех, кто рядом, не знаешь куда спрятаться. Милая! Походи-ка по судам. Скандалят, делят имущество, дачи, жилплощадь. Матерей в дома престарелых сдают». — «Но ты же,— говорю,— видел, как не родственники, не родные, просто однополчане встречаются!» — «Видел эти объятия... От тоски одиночества. У молодых-то своя жизнь». — «Как ты можешь говорить так?! — возмутилась я. — Это же кощунство!» — «Успокойся, им я сочувствую».

«Этому ли типу судить о людях войны! — с гневом думал следователь. — О спавших под одной плащ-палаткой, деливших котелок на двоих, бинт пополам на две раны! Да еще сочувствовать!»

— Я дословно. «Война войной,— сказал,— а теперь мирные дни». — «Значит, в мирные дни ничего святого не закладывается? Так, что ли?» — спросила. «Закладываются... вещи в ломбарде,— ответил с усмешкой. — Друзья не больно в долг дают. — Скаламбурил и засмеялся, довольный. Привык пошлить. — Нет, дорогая, я все ставлю на свои места. Как в магазине после учета, после ревизии». — «Ты и есть ревизионист самый настоящий». — «Тоже неплохой каламбурчик», — засмеялся. «Жалкий ты человек!» — выпалила ему в лицо. Он усмехнулся: «Нечего меня жалеть. Я никого не жалею, и меня не надо». Тогда я сказала, что, наверно, у него было жуткое детство. «У меня? — он осекся. В его глазах что-то мелькнуло, словно пролетели черные птички. — Откуда ты взяла? Нет, Людочка, детство у меня было самое расчудесное». Правда, Игорь при этом нахмурился, замолчал.

— В людях есть все, всего понемногу,— сказал следователь,— бывает тоска и у самых бодрых оптимистов. На самой глубине души многое спрятано.

— В тот вечер Игорь был каким-то необычным и ласковым. Уходя, сказал: «Не делай, Люда, в жизни никаких долгов. Ни моральных, ни материальных. Не облагайся данью, и других не облагай. Долги — это оброк, барщина! Учти». Я сказала, что не обременю его. Он похвалил меня, сказал, что всегда думал обо мне хорошо. Уверен, что не подведу.

— И не подвели. Могу засвидетельствовать,— сказал следова-

тель.— Да, порядочный человек хочет остаться честным даже в глазах подлеца, а не только уважаемых людей.

— Не хочу думать, что он подлец. Может, я что-то не разглядела в нем? Была ослеплена. А он скрытный. Но ведь не вакуум же у него вместо сердца.

— Вскрытие покажет, как говорит мой знакомый судебно-медицинский эксперт. Ваш откровенный рассказ похож на вскрытие.

— Вы меня осуждаете?

— Нисколько. А что касается пустоты... Человек полимерен. Вам этот термин знаком. Все в нем заложено. И вредные, и полезные ископаемые. Как таблица Менделеева. Разница в долях. Одно — в больших, заметных дозах, другое — в микроскопических. Иногда так мало, что добывать нерентабельно.

— И это говорите вы?

— Я. Успел убедиться. Правда, мой коллега, Николай Николаевич, в своей диссертации о воспитательном аспекте в работе следователя утверждает, что сам процесс следствия рентабелен, обязательно отзовется на любом преступнике. Рано или поздно. Не хочу сомневаться, но на всяком ли? Крупицы совести, жалости есть у любого, даже у зверя в человеческом обличье. Но под таким лежалым пластом, таким грузом жестокости, зависти, ненависти и прочих «добродетелей», что не знаешь, чем копать. Одно остается — взрывать!

— На то и существует смертная казнь?

— На то. Но как исключительная мера, когда иного приговора быть не может.

— Страшно.

— Да. Потому что не сразу за приговором... Осужденный думает неотступно каждый час, каждую минуту.

— Что же поддерживает его жизнь?

— Надежда. Она умирает вместе с человеком. А если раньше — он уже не человек... Заговорились мы. Пора вернуться к нашему герою. Ему-то смертная казнь не грозит... Хотелось бы знать более подробно, как Игорь Митрофанович привлек вас к махинациям Квасникова.

— К махинациям он не привлек, — твердо сказала Людмила.

— Но знал же, с кем знакомит девушку, которая его любит. Для которой он — все! Не истукан же ваш Игорь Митрофанович?!

— Не истукан... Но расскажу по порядку.

— Хорошо.

— О нашей близости никто не знал. И все же я имела глупость как-то выплакаться матери. Реакция была неприятной. Мать потребовала, чтобы я привела его. Я обещала, но не собиралась этого делать. Бесполезно. Тогда мать рассказала отцу. Он отнесся к «происшествию» спокойно. Мать не выдержала, и они поскандалили. В доме сложилась невыносимая обстановка. Однажды отец пришел расстроенный, что-то случилось на стройке. Он работает прорабом. Тут еще мать с моими трудностями. Отец вспылил, раскричался. Раньше, сказал, за такие вольности дочерей из дома выгоняли, и Игорю твоему морду бы набить холеную... Я не смолчала: «Могу уйти». Отец: «Скатертью дорога!» Ну и ушла к подруге. Решила снять комнату.

— А Игорь Митрофанович?

— Относительно комнаты требовал, чтобы не дурила и возвращалась к родителям.

— Но у него же отдельная квартира?

— «Это,— сказал,— мое единственное убежище».

«Сегодня с чемоданом на пару дней, а завтра останется навсегда»,— вспомнил следователь рассуждения Игоря Митрофановича.

— Нашла комнату и переехала. Дома был, конечно, страшный переполох, уговоры, но я ни в какую. И адрес не дала, чтобы не вмешивались... Правда, звонила. Почему-то больше было жалко отца. Но дело в том, что комнату сняла, а чем платить?

— Что же Игорь?

— Игорь отругал меня, велел немедленно вернуться домой. Говорил, что я могу этим сильно подвести его, что ему не денег жалко, а принципиально против.

— Однако гостем был?

— Он ссылался на трудности с финансами, говорил, надо искать выход, если не желаю вернуться к своим.

— И придумал?

— Не сразу. Но спустя некоторое время — это было прошлым летом — сказал, что есть один человек... Вы меня извините, я не совсем точно показала о знакомстве с Квасниковым...

— Рассказывайте, как было.

— Игорь объяснил, что этот человек может кое-что предложить. Есть приличная халтура. Что за халтура, он, правда, не сказал. Я согласилась встретиться с тем человеком. Тогда и познакомились. Это, действительно, было на теннисном корте, где Игорь играл. Он представил его и ушел переодеваться, а мы остались и обо всем договорились. Еще до встречи с Квасниковым Игорь предупредил, что он человек хитрый, наглый, может обмануть при расчетах. «Так что смотри в оба,— сказал,— не промахнись. А что за работа — не знаю, сам расскажет».

— Да, Игорь Митрофанович законы читит.

— Когда узнал, чем я занималась, это и послужило причиной нашего разрыва.

— Вот как?

— Теперь, конечно, все можно думать, но тогда я была уверена. Судя по его реакции.

Она замолчала.

— Мы познакомились с Игорем прошлой весной, в начале марта. Виделись часто, в первые месяцы почти ежедневно... Когда сняла комнату — появился на горизонте благодетель Квасников. Начались злополучные экзамены. С Игорем мы виделись урывками. Когда начался учебный год, я стала много заниматься. У Игоря тоже лекции, семинары, научный кружок. Перед ноябрьскими праздниками он уезжал на какой-то симпозиум. Праздники я провела без него, с девчонками. Потом опять командировки, странные для преподавателя. А в промежутках работа над диссертацией. Этой осенью защита. Короче говоря, много всяких причин, а на самом деле просто изменилось отношение... Потом совсем куда-то исчез и не звонил. Я не выдержала и, стыдно сказать, решила подстеречь его у института. Вообще мы там не встречались, Игорь не любил... И дождалась. Он вышел с какой-то девушкой. Я подумала — его студентка. На улице она взяла его под руку, прижалась. Смугленькая, модно одетая. Ирина позже сказала, что эта девушка с физмата университета, у Игоря с ней роман. А тогда представьте мое положение... Стыд! Как шпионка! Дала себе слово больше не зво-

нить. Перед Новым годом он сам позвонил, поздравил, но вместе встречать не предложил... Новый год я встречала с подругой.

— Но продолжали жить в этой комнате?

— Да. Мне было стыдно возвращаться к родителям. Блудной дочерью от разбитого корыта... Но все равно пришлось. Кончались деньги. Квасниковские.

— И ни разу не видели Игоря?

— Нет.

— А Квасникова?

— Звонил. Просил встретиться. Сказал, есть задание мне на зимнюю сессию. Я отказалась. Запретила звонить.

— За скольких девушек сдали экзамены ваши сокурсницы Ирина и Лора?

— Я знала, что они сдавали экзамены, но в какие вузы и за скольких человек, честное слово, не знаю.

— От кого и когда вы узнали, что они сдавали экзамены?

— От Ирины. Недавно. В мае.

— Ирина не сказала, что Квасников арестован?

— Нет, не говорила... Перед майскими праздниками раздался звонок,— она грустно усмехнулась,— как подарок... Звонил Игорь, предложил встретиться. Честно говоря, я не хотела его видеть. Но услышала голос... Казалось, поставила крест, но позвонил... Встретились у меня. Это было ужасно...

Она опустила голову и замолчала.

Следователь не торопил.

— Началось с общих фраз.— Комок в горле мешал говорить. Передохнула.— Спросил, как живу, почему не возвращаюсь к родителям. «Жду тебя. У окна, как царя Салтана». Он засмеялся. Я не выдержала, поинтересовалась, где и с кем обитал он все это время. «Был занят,— ответил,— а потом... Потом нарочно не хотел тебя видеть».— «В чем же я провинилась?»— спросила. Тогда он сказал с аффектацией: «Если мы раньше еще могли говорить о какой-то любви, то теперь с этим покончено раз и навсегда».— «Почему? Что случилось?!»— «Любить,— произнес он,— имеют право только честные люди».

— Не понял.

— Он сказал, что один из нас предал другого, оказался нечестным, обманул.

— Похвальное самобичевание.

— Отнюдь. Он имел в виду меня.

— Вас?

— Да, и сказал, что я не должна была соглашаться на предложение этого прохвоста, что он предупреждал — следует быть осторожной. «Позволь, но ты же сам предложил. Разве ты был не в курсе? Я думала, ты знал».— «Ты ни черта не думала! — закричал.— Я говорил, чтобы ты возвращалась к матери? Говорил! А ты — комнату снимать. Доснималась! Чем я тебе мог помочь?! И о Квасникове предупредил».— «Ты предупредил лишь о расчетах»,— сказала я. «Да. Но я же не знал, в чем состоит его предложение. Если бы знал, неужели бы согласился, как ты думаешь?!» На мой вопрос, почему сам не спросил, ответил, что и так много дел и прихоти мои он не в состоянии удовлетворять. «Понимаешь,— сказал с негодованием,— что вы с Квасниковым совершили настоящее преступление?»

— Хорошо!

— Но я, действительно, не сказала. Вообще стыдно было вспоминать. И действительно, хотелось думать, что не знает. Ведь такие дела кладут нехорошую окраску на отношения...

— Верно, преступление не сближает.

— Вот и Игорь сказал.

— Игорь, Игорь. Вы все еще верите? Ему, его морали; преклонению перед законом? Чушь собачья! Демагогия аморального типа.

— Он еще добавил: «А если бы этот мерзавец, этот жулик предложил тебе еще кое-что, ты бы тоже согласилась? Здесь уж ты точно не спросила бы моего согласия!» До меня как-то не сразу дошли его слова. Я спросила, что же Квасников мог еще предложить. «А то ты не знаешь, чем с ним занималась Ирка, твоя подруга?» — «Чем?» — спросила я. «Да он же затащил ее в свою постель! И ты — на очереди!» Тогда я заплакала. Игорь понял, что грубо оскорбил меня, сказал, что погорячился. «Но пойми, — сказал, — каково узнать про ваши дела... Ты поступила неосмотрительно. Но надеюсь, все обойдется». — «Что же мне делать? — спросила я. — Может, пойти и все рассказать?» Он снова вскипел. Назвал меня дурой. «Куда пойдешь, там и останешься! А диплом? Родители? Я, наконец? Обо мне подумала? В какую грязь втянула?!»

— Это вы — его?

— Выходит, я.

— Хорошо! Нечего сказать! А не догадались спросить, откуда ему все стало известно?

— Нет. Я подумала, от Квасникова. Но потом поняла, что не мог узнать от него.

— Почему?

— Квасников никому не давал своего адреса и телефона. Это исключалось. Найти его было невозможно. Когда нужно, сам разыскивал. И потом: когда его арестовали?

— В феврале.

— Ага, значит, Игорь терпел до мая?

— А вы — догадливая!

— Вот так! — и усмехнулась.

Квасникова взяли неожиданно. Об этом свидетельствовал и обыск. На его квартире обнаружили кучу фальшивых документов и другие вещественные доказательства. И на работе, в столе. Натялый, но осторожный преступник, он, если бы почувал погоню, успел бы спрятать, уничтожить. «Значит, — подумал следователь, — или сам факт исчезновения Квасникова подсказал Игорю Митрофановичу, что он арестован, или узнал от Брэма. Впрочем, какая разница».

— Да, повинная бы вам не помешала.

— Что теперь говорить... Игорь велел немедленно возвращаться домой. К «предкам». И затаиться, как мышь в норе. Никому ни слова. «И своим девкам. Пусть выпутываются, как впутались». — «Ну, а мы?» — спросила я. — «Что мы?» — «Как же у нас теперь?» — «Никак. Что может быть после такого? Жизнь строят на прочном фундаменте. Воздушные замки — и то на песке. А что построишь на грязи?»

— Логично.

— Его логика убивала. Жить не хотелось... — Она остановилась. — Еще сказал, перед уходом, так, что меня передернуло: «В брошенной женщине, если она держится печально, но достойно, есть особая прелесть... Я вот смотрю на тебя и люблюсь... Держись,

Люда. Мужчины замечают эту прелесть, и женщина не остается одинокой».

Слезы давно не капали. Лицо было сухим, как бумага под солнцем.

— Еще спросил, не мог уйти так, куражился... читала ли я «Человеческий голос» Жана Кокто. Посоветовал обязательно прочитать в журнале «Иностранная литература». И добавил: «Бросить можно немощного старика или малого ребенка. Ты — взрослая, красивая, молодая. Какие еще предстоят встречи! Мы с тобой просто расходимся. Каждый в свою сторону». Больше мы не виделись.

Она задумалась, что-то вспоминая. Словно хотела собрать все, что было связано с Игорем Митрофановичем, и выбросить, как аккуратная хозяйка убирает квартиру, выскребывает каждое пятнышко. Но разве можно истребить память о человеке?

— В самом начале, когда на горизонте ни облачка не было, Игорь как-то сказал: «Люди все равно что аэродромы и самолеты. Каждый способен принимать только определенные типы, то есть людей с их умом, чувствами, запросами. Ну и с любовью, конечно. Лично я сомневаюсь в ее существовании. Так вот ты, Люда, такой самолетик, которому нужен очень большой аэродром. С прочной посадочной площадкой. На моем ты не сядешь. А попытаешься — разобьешься». Он доволен был образом. Но ведь честно предупредил. И, как видите, разбилась.

— Аэродром на болоте, — сказал следователь. — Нет, Люда, вы не разбились. Поломались, да, но не разбились. Целы. Оттого, что вы цельный человек. Такие не разбиваются.

— Разбиваются, — не соглашалась она, — еще как. И вы это знаете. Цельным — тяжелее. Внутри все обожжено, исковеркано. Все надо чинить, как после аварии.

— Я не Лука-утешитель. Но это же не так.

— Не знаю, чего ждать, что желать. Чем все кончится. А просьба моя остается... Надеюсь, теперь вы поверили мне?

— Поверил.

Она благодарно улыбнулась.

— Не хочу, чтобы он думал обо мне плохо. Не хочу. Потому и прошу.

Следователь лишь покачал головой. Он же допросил Игоря Митрофановича. И подумал о нем: «Защитит диссертацию. Сгоняет за границу, столь желанную. Шмоток привезет. Из исполняющего обязанности доцента произведут в действительные. Будет просвещать молодежь... Хотя у него всего лишь двигатели внутреннего сгорания... Ну что ж, будет просвещать индивидуально, меняя для физиологического равновесия в собственном организме. Пока не цапает Игорька смазливая стерва с волчьим нюхом и мертвой хваткой доставалы. Такие всему знают цену. И кузнецовскому фарфору, и тряпкам из «валютки», привозимым из-за кордона, и престижному супругу. Не шелохнется добрый молодец. Но когда-нибудь вспомнит Людочку-Люду, «девочку что надо», как оценил ее задушевный приятель Брэм. Молодую женщину с прекрасной душой и верностью. Вспомнит с полусонной грустью. И, может, сожмет где-то между грудью и животом подобие тоски. Подержит и отпустит, словно расшалившийся гастрит. А может, и не сожмет иммунного, заплывшего, закисшего в своем материальном и моральном кайфе... Но пока еще бегать Игорю Митрофановичу по избран-

ному кругу. Суетливо выискивая пользу, выбивая подряды на все, что необходимо для жизни, какую ведет. Утверждаясь, захватывая лучшие куски, ни с кем не делясь. Не замечая бегущих по другому кругу, их ошибок, болезней и драм, их трагедий. Ему, бодрому, преуспевающему, румянощекому, не до них.

Глава третья

Пришла Ирина. Села так, будто явилась только ради того, чтобы наконец сесть и сидеть. Как заходят в сквер набегавшиеся по магазинам домашние хозяйки — передохнуть. Вялая, опустошенная, почти безразличная. Ей было худо, тошно. Как человеку, который отравился недоброкачественной пищей. Ирине можно было даже посочувствовать. То, что случилось в ее молодой жизни, так сказать, в самом расцвете, было некрасиво, пошло.

Ирина нервно приглаживала пухлой рукой рыжеватые некрашенные волосы, усиленно моргала белесыми ресницами — не успела подкрасить или не до того — и пыталась как-то объяснить. В сырой зелени крупно вырезанных глаз плавала тоска, мешаясь с ленью.

Единственная дочь боготворивших ее родителей, она ни в чем не ведала отказа. Хотя особо капризных желаний у этого вялова-того существа не проявлялось, но старались папенька с маменькой. Сами гадали, что бы еще придумать для своей царевны Несмеяны. Угадывали — радовались. Ошибались — огорчались, смотрели, потупясь, в углы и снова разжигали инициативу, чтобы предложить более редкостное, занятное, как-то расшевелить родное дитя. Однако, несмотря на жизнь белоручки с пеленок, Ирина, как ни странно, выросла девушкой доброй и при неостром, непьющем уме училась неплохо. Она как бы благодарила родителей хорошими и отличными отметками, прилежным поведением. И в институте, довольно трудном для учебы, занималась вполне сносно, хвостов не имела и стипендию получала. И Квасников в ней не ошибся: за клиенток-балбесок набрала высшие баллы. Но в моральные тонкости никогда глубоко не вдавалась. Как неумеющий плавать, она плескалась у самого берега, радуясь несильно набегавшей волне. А толкни подальше, где глубоко, без большого шума и крика сразу пойдет на дно. Уйдет такой «пловец» в воду с утра, а хватятся его лишь к вечеру. Ей просто лень было разбираться в тонах и полутонах морали. Привыкнув все получать на белом блюде с голубой каемкой, воспринимать готовым, разжеванным, Ирина все явления в жизни принимала как должное, неизбежное, чуть ли не фатальное. И заранее мирилась с тем, что может наступить, хотя еще не знала, что. Путала добро и зло, ленилась ставить точные оценки. Так восприняла и возникшего на пути Николая Квасникова. Как предопределение свыше.

Долговязый, жилистый мужчина, больше похожий на бывшего баскетболиста, нежели на атлета-тяжеловеса, толкающего и выжимающего штангу, с быстрыми, цепкими движениями и колючим темным взглядом (это он в следственном изоляторе скис, опустился, подделывался под «чокнутого»), на воле был хоть куда — решительный, деятельный, наглый.

Ирина не испытывала нужды в деньгах выше предела, необходимого для студентки. Правда, эти пределы возрастают и возрастают благодаря моде и нетерпению. Но когда Квасников подка-

тился и решительно предложил заработать, она согласилась. Деньги всегда не лишние, решила рассудительно, хотя и без жадности, а способ заработка не насторожил. Преступно или законно — ее не занимало, кто-то знает, кому-то известно. Предложил — и согласилась.

Квасников без труда накинул на это инфантильное существо поводок своего стремительного влияния и повел. Благо, она не проявила ни воды, ни желания к сопротивлению. «Да из нее можно веревки вить!» — понял Коля-штангист и поманил дальше. До странности безропотно, с несильным испугом и легким заревом пошла и на близость!

Естественно, Ирина не получила ни осязаемой материальной выгоды от сделки, ни радости от связи с этим мужчиной. Зато расплачивалась с избытком. Девичьей честью, привычным безоблачным существованием, да и будущее, о котором она раньше мало заботилась — кто-то менял бы белые блюда с голубой каймой, и все в розовом тумане, — теперь приобрело окраску смога.

Она сидела перед следователем, стыдливо моргала глазами, вздыхала и роняла крупные слезы в скомканный розовый платочек.

— Чем же вам понравился Квасников? — не выдержал следователь.

— Ничем, — ответила Ирина честно. — Он мне совсем не нравился. Вот еще!

Слезы посыпались, словно из лейки. На тугие розовые щеки — спелые яблоки-апорт под зелеными листьями глаз. Сквозь всхлипы слышалось:

— Он был мне противен.

Это была загадка. Впрочем, не такая уж трудная, но следователь не брался ее разгадывать. «Господи! — подумал он, — ведь без пяти минут инженер. Руководящее звено производства!»

Лора впорхнула легко и изящно, слегка запыхавшись, будто опоздала на желанное любовное свидание, от которого ждала множества приятных мгновений. Понятно, она знала о причине вызова, но не проявляла заметного смущения. Не исключено, получила от подруг, товарок по несчастью, информацию, что следователь не зверь или «наждак». Во всяком случае, Лора без робости, даже с интересом поглядывала на него своими глазами-маслинами. Поблескивали они не от слез.

Она весьма кротко выслушала напутственную речь следователя, согласно кивая пышной темной головкой, и незамедлительно поведала не об одном, известном следователю факте сдачи экзаменов за другую девушку, а сразу о трех.

— Нет, вы не все знаете, — сказала Лора, — я сдавала еще в двух институтах. — И тут же, не спрашивая следователя, пересмотрела остальные экзаменационные листы и заявила: — Среди этих не вижу. Видимо, они в делах институтов.

Она назвала фамилии лже-студенток.

— Платил мне Николай по четыреста рублей за голову... За пустую, — сказала и хихикнула. Но одернула себя. — Всего я получила от него тысячу восемьсот рублей.

— Из какого расчета?

— Я сдавала не только вступительные экзамены, но и за первый семестр. Это еще по двести с головы.

— И это работа Квасникова?

— Чья же еще? Я с его девицами не знакомилась, не видела их никогда. Он их скрывал. А мне больно надо их знать.

— Он получил с каждой по две-три тысячи,— сказал следователь.

Лора округлила глаза.

— Крепко! Знала бы, сорвала с него больше.— Она, вероятно, не понимала, что эти слова характеризовали ее не с лучшей стороны.— Но зато он больше рисковал. Находил клиентов, договаривался... Хозяин!

— Да, он был ваш хозяин.

— Ну уж нет! Он предложил по двести, но я удвоила ставку.

— Но у вас разве было меньше риска?

— Риск? Зато захватывает! Представляете: сдаю в один, другой, третий! Все — на пятерки. Без подготовки! Люди мучаются — в один бы поступить, а я в три сразу! А билеты тянуть? Детектив! А деньги? Меня не деньги интересовали, по правде сказать. Я не жадная. Ненавижу жадюг, презираю. А цену удвоила — не дешевка какая-нибудь. Еще что, за двести!

— А за второй семестр?

— Не сдавала. Не успели. Договоренность была, но вы же накрыли лавочку.

— Вы что же, собирались опекать этих неизвестных вам девиц вплоть до диплома? Не тяжело ли?

— Зачем до диплома! Коля впускал их в вуз и вел до второго курса. Они, конечно, сидели дома и грызли семечки. Потом я должна была взять в институтах справки об окончании первого и переводе на второй для того, чтобы перевестись в другой вуз. По тому же профилю, но расположенный в другом городе, где они живут, или поблизости. Ну, понятно? Они же заочницы. И с этой справкой они бы поступили сразу на второй. Справки выдают свободно. Фотографий на них нет. Мне дали, я — Коле, Коля — им, а дальше уж тяни ляжку сама. Грызи гранит собственными зубками. Как? Это уж их забота. Учились бы. Кто не способен учиться в заочном? Относительно того, что справки без фотографий — это, конечно, упущение, на мой взгляд. Вот и пользуются.

Упущения! Они и провоцируют преступления. Обычная дыра в заборе. Один, другой пройдет мимо, а кто-то стащит, что плохо лежит, и проползет. Но это — примитив. Нечистые на руку люди специально изучают обстановку, выявляют прорехи в учете, лишние допуски в раскрое ткани, например кожи, щедрые проценты на усушку и утруску. Они учитывают спрос на дефицит, конъюнктуру. Пользуются льготным режимом работы, близорукостью руководителей. Все это создает те самые условия, которые не только клад для ищущих, где приложить нечестную руку, но подталкивают к криминалу просто неустойчивых. В них как бы затаились, ждут сквозняка бактерии преступной простуды... Не предусмотрели наклеивать маленькую фотографию, прибавив ее гербовой печатью, и пожалуйста — снят шлагбаум.

— И на что вы истратили деньги?

— На галстук.

— Тысячу восемьсот?!

— Ну что вы! — глаза молодой женщины блеснули иронией,

хотя все это она произнесла серьезным тоном.— Но галстук явился толчком. Маленький галстучек. Широкий. Синий, в белый горошек. Я видела у одного американского президента. По телевизору. И галстук был в самом деле из Штатов. Привозной. Мальчик один привез, из ансамбля «Осинка». Они всегда возят. А то вы не знаете... Вот я и решила купить. Иначе бы ни за что не согласилась на предложение Квасникова.

— Игак, галстук за тысячу восемьсот. Вроде платья кинозвезды за тысячи долларов. Интересная байка...

— Ничего не байка. Я говорю, как было на самом деле. Галстук стоил тридцать рублей. А у Миши, моего мужа, день рождения. Что же оставалось делать? Вам никогда не приходилось путешествовать по магазинам в поисках подарка? Это же мука! А тут подвернулся. Денег, конечно, нет. Откуда? Муж — аспирант. Мать у него пенсионерка. На стипендию не разгуляешься. Родителей своих и так обобрала до нитки. А тут как раз президент с предвыборной речью...

— Вы, конечно, были на ней. Вас пригласили.

— Меня? Нет. Забыли. Президент мелькнул в программе «Время». И тут Коля со своим предложением. Вот и состыковалось. Коля выложил задаток. Зато галстук был намуже.

— Да, здорово вы Квасникова заарканили,— усмехнулся следователь.— Ну, а на сдачу что купили? На тысячу семьсот семьдесят рублей?

— Так, пустяки... Дубленку себе. Сапоги. Шапку из песца.. Белье... Вас это интересует? Могу назвать размеры, перечислить...

— Не надо размеры. Я определил,— сказал следователь тоном, пресекавшим заигравшуюся свидетельницу.— Все из «Осинки», конечно?

— Откуда вы знаете?

— Но вы сами сказали, что я знаю.

— Ну вот, теперь за «Осинку» возьмутся. Язык мой — враг мой.

— Ну, а муж?

— Галстук ему понравился, хотя он у меня не пижон. Миша не от мира сего! О цене, конечно, не сказала. Он бы не понял, чего доброго, выбросил бы или истоптал.

— А дубленка и прочее?

— Я объяснила, что все купила на мамины деньги. Сказала, что это часть приданого, с которым она задержалась. Поворчал, но поверил. А маму я предупредила.

— Что ж вы ей сказали?

— У нас свои секреты, что сказала, то и сказала. Конечно, не о сделке с Квасниковым. Ни маме, ни мужу. Что вы! Я вас умоляю!

«Все умоляют».

— Если узнает Миша, это его убьет! Поверьте! Миша не выдержит. Он вне этих дел. Вообще редкий человек. Исключительный. Таких, как он, вряд ли встретишь. Взять хотя бы распределение. Какую борьбу мы выдержали. Решил на самую дальнюю стройку, в топь, болота, к комарам на съеденье. «А как же я? — спрашиваю.— Мне еще два года. И тебе аспирантуру предлагают!» «Никуда не денется,— сказал,— настоящие ученые всегда начинают с практики». Борьба была страшная, но победила я. Пригрозила разводом. А все его мать — идейная женщина! Миша в нее. Но я горжусь им, честное слово. Для него на первом месте — долг, обя-

занности, а для себя, для семьи — на втором, а то и на третьем. Тяжело! Да с моим характером. Подружка пошутила: «Эх, Лорка, поменять бы твои долги на его долг. Вечный». Разве понять дуре?.. Ах, как бы я хотела, чтобы вы познакомились с ним поближе, не здесь, не в этой обстановке...

Ее искреннее, взрывное желание, увы, оказалось пророческим.

— А как говорит! Какая речь! В последний раз, например, когда выступал перед стройотрядом, на вокзале. Когда ребята уезжали в Кустанайскую область строить какие-то фермы, свинарники.

— И он уехал?

— Не получилось... Очень хотел, но заболел. У него хронический бронхит. Он у меня слабенький. За ним уход да уход. А он: «Нет, я твоя опора!» — Да — моральная опора. Умеет зажечь людей, увлечь. Нет, одной головой не возьмешь. Это — из сердца. Убеждение. Вера.

— Хорошо говорите о муже.

— Еще бы! Как не гордиться? — в глазах была искренность. —

А вы — рассказать...

— Но рано или поздно все равно узнает о вашем преступлении. Будет суд...

— Преступлении? — вздрогнула Лора. Блеск маслин потускнел. — Я как-то не думала, что преступление. Честное слово... Преступление?..

— А вы играли в детектив. И доигрались... Галстук, президент, «Осинка», дублинка... Экзаменационная авантюра. Размеры белья... Шуточки!

— И что за это полагается?

— По статье уголовного кодекса до пяти лет лишения свободы.

— С воровками!.. — воскликнула она.

— Да, компания может подобраться своеобразная. Не исключено, кто-нибудь из «Осинки» встретится... Уже лучше.

— Позор! Какой позор! — Она схватилась за голову и качалась из стороны в сторону. — Но самое ужасное — узнает Миша... И все же лучше, если я сама скажу. Как-нибудь объясню... Но что?! Что здесь объяснишь?! Запуталась! Только и остается. Миша поймет. Он способен понять и простить. Один он.

— Да, дела, — почувствовал следователь. — Но на суде может всплыть еще одно обстоятельство...

— Какое еще? — она насторожилась.

— Ваша связь с Бауловым.

На мгновение Лорина смуглота побледнела, пошла желтизной. Остановившийся взгляд стал черным-черным.

— Вы знаете и о Брэме? — пролепетала. Желтизна зарозовела.

— Знаю.

«Ах, смуглянка-молдаванка! Ничто тебя не берет! Как не удивиться твоему самообладанию».

После двух ошеломивших ударов она выдержала мгновенную паузу и тут же, выпятив губки, заиграла длинными, острыми ноготками в морковно-томатном лаке, словно нащупывала на невидимом блюде самый вкусный кусочек, чтобы взять и отправить в рот.

— С ним покончено, — сказала. — Могу вас заверить, Брэм всего лишь познакомил меня с Квасниковым, но сам в это дело не влезал. Я несколько не собираюсь его защищать — больно нужно, но заверяю вас: он не причастен. Баулов очень осторожный. Не

спорю, мог знать о Колиных делах, уверена, что знал, допускаю, что и меня свел с ним с этой же целью, по его просьбе, но сам — ни-ни! — Лора пригорюнилась. — И опять Миша... Как он все перенесет?

— Вы же сказали, что он способен понять и простить. Будем надеяться.

— А-а,— Лора махнула рукой. Сверкнул лучиком бриллиантик на перстеньке. — Обойдется! Что было, то было. Было да сплыло! На улице потемнело. В открытое окно ворвался ветер, погнал по столу бумаги.

Следователь закрыл окно. В комнате стало как-то глухо.

Лора молчала. Пожав плечами, сказала задумчиво:

— Не понимаю, почему я так откровенна. Но, знаете, тянет сказать еще больше.

Она смотрела следователю в глаза, покусывала пухлые губы, покрашенные в тот же цвет, что и ногти.

— Хотите знать — у меня и сейчас есть близкий человек.

Он разглядел в ее глазах лихой вызов. Взгляд без стеснения, но и без нахальства. Поэтсму не спросил: «А как же Миша?»

— Зачем мне-то об этом? Или «близкий человек» все же имеет отношение к делу?

— Никакого.

— Отчего такое доверие?

— Не знаю. Но вам легче рассказать такое, что другим не скажешь... Вы не спрашивайте, а слушайте,— сказала наставительно,— и радуйтесь, что с вами настолько откровенны.

«Чему радоваться?» — подумал следователь. С ним нередко были откровенны не только обвиняемые, но и свидетели. Им бы дать показания и уйти поскорей, подальше, а они выкладывались. Обнажали потаенное, что лучшему другу, родному человеку не открыли бы, постеснялись, побоялись. Особенно женщины, по своей природе более скрытные. Но выпадала возможность — пользовались. Вначале их доверие удивляло, даже радовало. Он относил его за счет умения расположить человека. Но позже стал ощущать некоторую досаду. Понял, что эта душевная обнаженность не оттого что приблизились, а что увидели в нем надежного собеседника. Удобнее выговориться именно перед ним. Он же связан законом обязан хранить тайну, как врач или когда-то священник. Сокровенная тайна как бы прилипла к делу, которое следователь знал лучше других. Как ракушки на корабельном брюхе. Дело уйдет в архив, и с ним как бы исчезнет и следователь. И тайна. Навсегда. С чужим человеком, которому ты безразличен. И тебя забудет, и тайну твою.

Исповеди доходили до цинизма. До бесстыдной бравады, самслюбования откровенной нечистоплотностью, уязвленностью. Были даже страшнее, гаже преступления. словно нищие на паперти, обнажали напоказ язвы и раны. И кому? Следователю, опасному человеку. Какой же героизм, если не опасному? Вот и Игорь Митрофанович открылся, а вроде скрытный субъект. Разве не наблюдали вы на улице или в общественном транспорте, когда иной пьяный не прячется от милиции, а наоборот, завидев милиционера, петляет прямо к нему? Чего, спрашивается, надо? Зачем нарываяется? И в отделение отведут, и оштрафуют за появление в нетрезвом виде, чего доброго в медвытрезвитель направят с услугами — дорожке «люкса» в самой шикарной гостинице. Нет, подходит, заго-

варивает. Вот, мол, какой я: на всех плюю, самого блюстителя не боюсь! А может, потому, что никто с ним говорить не хочет. Всем противен, безразличен, а милиционер поговорит, может, и заберет, но скорее всего посоветует идти домой, где жена, детки беспокоятся; заждались кормильца. Игорь Митрофанович, пожалуй, вернется к своим друзьям и заявит: это вы храбрые трепаться среди своих за бутылкой коньяка в тесной компании, а я самому следователю такое в лицо выложил! Вот я каков!

И он выслушивал. Оспаривал, высказывал свое мнение, иногда возмущался, обрывал. И все же принимал откровение, как банк добровольные вклады, от любого лица.

Напрасно думают, что откровенность всегда сближает. Порой еще больше отчуждает. И от него уходили, сожалея о болтливости, ругали себя за длинный язык, за то, что вывернули душу наизнанку, да еще кому! Наверно, были и те, кто ненавидел исповедника от закона. Да, часто хотелось крикнуть: «Хватит! Довольно!» Но верх брало другое: «К кому же податься человеку, доведенному бедой до отчаяния? Поделиться с близкими? А как жить с ними потом, открыв постыдное или святое? Где гарантии, что не растреплют по белу свету, не напомнят при ссоре, не упрекнут твоим же откровением? А то и вовсе пустятся на шантаж, замордуют!» Случалось, поделится человек страшной тайной, такой, что слушать жутко, а после смотрит на того, с кем поделился, как на врага. Случалось, и убивали «тайников», в самом деле зарывали тайну в могилу...

Еще соображение: расскажу о заветном, понятнее станет мое прегрешение, авось выйдет смягчение. Не без расчета открываются. Пусть, и в этом долг следователя. Терпи и выполняй.

— Знаете, чем опротивел мне Брэм? — сказала Лора.

— А он был приятен?

— Нет, приятен не был. Можете не верить, но вспоминаю с отвращением...

— Как же тогда?

— Он завидно настойчив, терпелив. Адское терпение и выдержка. Снесет любое оскорбление, когда добивается своего. Он настолько бессовестный... Я часто такое говорила ему в глаза, такие слова — хуже пощечин. Как плевки. А он сносил. Утирался и ухмылялся. Как пес, стоял на задних лапах, а побитой собакой себя не чувствовал. Тоже наглость своего рода, извращение. «Мне, — говорит, — многое пришлось вытерпеть в жизни, преодолеть, а уж тебя-то давно вынесу».

— И завоевал?

— Ну уж! Добрался! Так вернее сказать. Долгой осадой. Это тоже достает.

— И еще любопытно.

— Не отрицаю. Гадала иногда, что же за этим скрывается... Вы бог знает что обо мне думаете. Мне, поверьте, не безразлично, но раз уж начала, выложу начистоту.

Сильный порыв ветра за окном снес гроздь дождя, ударил дробью. Крупные капли смешались, потекли неровными, волнистыми струйками, смывая пыль. Изображение сломалось.

— Если б он так же смыл все, — тихо сказала молодая женщина. — Откройте, пожалуйста, окно. Или боитесь молнии?

— Я грома боюсь. Как бы нас не убило.

Она засмеялась.

Он распахнул окно, и в комнату влилась свежесть.

— Люблю грозу,— сказала она.

— В начале мая,— продолжил он.

— Сейчас июнь... А вы?

— Люблю. Только в деревне. В городе она, как трамвайные искры. В деревне совсем другое.

— Сидишь в теплой избе... Печь топится.

— Какая же топка летом?

— Пекут же хлебы... Обязательно, чтоб тепло и сухо: А на большой сковороде — жареные грибы с картошкой...

— И «горный дубнячок» под них. С малосольным огурчиком. Хорошо! — признался он, вспомнив один свой отпуск в грибной сезон под Волоколамском. Грибов — хоть косой коси, не лукошечками, ведрами носили. Жарили, сушили, солили. Какой был сентябрь, пока первый морозец не захрустел листьями.

— Вы, мужчины, без этого и помечтать не можете.

— А вы, женщины, под шампанское?

Они засмеялись.

Дождь звонко постукивал по наличнику, забегал на подоконник, кидал брызги в комнату, на стол. Не закрывать же окно. К прерванному разговору не тянуло.

— Эх, сигарету бы! — сказала Лора.

— Вы курите?

— Давно бросила. Уступила Мише. Тоже принцип... Сейчас в самый бы раз.

Он порылся в ящике стола.

— Я ведь не курю,— сказал и вытащил случайную пачку «Явы» с остатками содержимого.— Вот и спички оказались. Подойдет?

— Вполне,— и выбрала несломанную. Он дал прикурить. Затянулась она умело. Сигарету держала привычно красиво.

— Спасибо,— сказала, выпустив дымок.— Мне кажется, вам полезно знать таких, как Брэм. У вас ведь все преступники. Наверно, попадают такие, что и при свете страшно глядеть. Но этот — хуже. Не страшный, но во сто крат хуже. Животное!

Лора затянулась сильнее, задумчиво пустила несколько колечек, стряхнула пепел в коробок.

— Ужасная несправедливость! Такой ведь никогда не сядет на скамью подсудимых, за решетку. Бауловы чересчур осторожны. Изворотливы. Расчетливый народец... Вообще-то Брэм не трус. Но осторожен до трусости, до паники. Заранее стелет соломку. Как-то сказала: «Брэм, ты и женщину не можешь обнять, не озираясь». — «А ты бы хотела, чтобы нас накрыли? — ответил! — Тебе что — выпорхнула и была такова, а у меня — тачка. Права отберут, имя запачкают».

— И на чем же он «прокололся» в ваших глазах? — спросил следователь, желая округлить тему Баулова.

— Он как-то привез меня на квартиру своего папеньки. Тот был в отъезде. Я вообще отца его не видела. Домой Брэм опасался водить. У отца хранит кое-какие вещи, книги. У него есть очень ценные, старинные, в коже. Я спросила, почему он не перевезет их к себе. «У меня,— сказал,— нет своего дома. Дом жены — не мой!» И я увидела над тахтой, на коврике, рядом с ружьем для подводной охоты — это его хобби, он каждое лето проводит на море,—

увидела большую медаль. Вырезана из чего-то. С надписью: «Лучшему кадрийщику». Дружки подарили. Безделушка, а меня словно током пронзило. Что я для него? Вроде насекомого на булавке. В коллекции у этого биолога. Одна из его лягушек, жучков-паучков, крыс... Невольно сравнила, а стало противно до ужаса, омерзительно. Он в это время суетился по комнате. Какие-то харчи готовил, с тахты что-то убирал. Посмотрела на него — чуть не стошнило. Сказала, что мне надо кой-куда выйти, а сама вон из квартиры... Несколько раз звонил, донимал звонками, но я ни в какую. Так и остался в неизвестности...

«Игорь Митрофанович. Квасников. Баулов — Брэм: Где же женское чутье? Природная стыдливость, осторожность, наконец, элементарная брезгливость? Каким образом удастся подобным типам пробираться в «девичьи светелки»? И не гонят взашей: «Ату его! Ату!» Их же псами травить!»

В памяти всплыл чей-то стих: «Как странно, если пошлой фразой с улыбкой кто-то привлечет ту девушку, которой мы ни разу руки пожать не смели целый год».

Следователь был далеко не наивным человеком. Всякое повидал за свою жизнь. Практика выдавала столько человеческих связей, поражавших воображение. Но всякий раз удивлялся и искренне сокрушался. Таково свойство честных натур.

— А сейчас что висит? Над новой тахтой?

Лора не ожидала подобного вопроса в ответ на щедрую откровенность и покраснела.

— Портрет жены и дочери.

Она загасила сигарету, сжав гармошкой. Поиграла пачкой. Отбросила. Постучала по столу ноготками цвета кетчупа.

— Дочь — ваша ровесница, — сказал следователь, — а жена — больная, разбитая женщина. Стареющая и сварливая. Его она, конечно, не понимает так, как сумели понять вы.

— Не угадали. Дочери — семь лет. В сентябре пойдет в первый класс. Жена у него — красивая, молодая и здоровая. Кровь с молоком! И мужа понимает... Но она — все время в плавании.

— Официанткой на речном трамвае? Или в море житейском? — следователь не снимал иронию.

— В океане... Его супруга — специалист по морской фауне и флоре. Плавает на исследовательском судне типа «Витязь». Между прочим, кандидат наук и даже лауреат. Выдающаяся женщина.

— Вы знакомы с ней?

— Конечно.

— Опять биолог! Везет вам на биологов. Вообще, в этом деле — сплошная биология... Ну, а ейный витязь устал бегать по причалу, держа руку козырьком?

— Смеетесь! А он, между прочим, с дочерью без меня как без рук. Да! И обед сварить, и постирать, и поштопать. Его Катюха от меня ни на шаг. Только что мамой не называет.

— Значит, кроме учебы в институте, сдачи экзаменов за клиентов, семейных обязанностей вы еще на поприще фирмы «Заря» стараетесь? Бюро добрых услуг?

— Не совсем добрых, — хмыкнула Лора.

— А жена? Вдруг десант с «Витязя»?

— Был. Застукала. И сказала: «Молодец, Лорка! Держи вахту на суше, пока я в море». Дочь она любит. А мужа... Не любит. Жа-

леет. Он для нее неудачник. Добрый, безобидный, бородатый неудачник — программист.

— Ну, а Мишутка? Какую роль определили ему на вашем соломенном Кон-Тики? И вообще?

— Для вас я, безусловно, испорченная, легкомысленная особа. Год замужем, полтора знакомы, и вот, пожалуйста. Был Брэм, теперь другой, тоже Саша... Не гожусь я Мише! Не достойна! Я по своей натуре не могу быть ниже кого-то, хотя бы дорогого мужа! Он за мной с шестого класса бегал...

— Бородатый программист Шурик?

— Миша!.. Проходу не давал. Девочки завидовали: круглый отличник... Это раньше отличников презирали, а теперь их на руках носят. Сейчас мозг главное, а не шалости. Шалют только идиоты или будущие неудачники, изгой... Один великий артист сказал своей дочке: «Твое спасение в образовании!» Да, сейчас время для образованных, рациональных молодых людей... Миша не был шалуном. Он был старостой с шестого класса, а это надо уметь.

— Почему только уметь?

— Уметь надо, не спорьте. Все надо прежде всего уметь... Был неоднократным победителем математических олимпиад и прочих марафонов. Аспирант. Блестящее будущее! Я прыгала, головы ребятам кружила, а Миша, несмотря на свои удачи и заслуги, — спутником вокруг. И в школе, и когда в институте учился. Такая преданность разве не достойна награды? Он ее получил.

— Теперь отбираете?

— Скучно. Принципы эти, наставления, морали.

— С Брэмом свободней?

— При чем здесь Брэм?! С ним покончено раз и навсегда. Брэм меня за шлюху считал, извините за выражение, так для него все женщины на один манер. И, представьте, не обидно. Что с него взять? Сам такой. А Мишенька из меня пытается святую сделать. А святыми не делают. Святыми признают. Как Христос Магдалину. «Бейте, камнями!» И никто не бросил! А Мишины проповеди — хуже камней!.. Какой-то философ сказал, что бесконечные моральные проповеди рождают негодяев... Я не считаю себя негодяйкой. Значит, не дошли его проповеди до меня.

— Откровенность за откровенность: насчет проповедей — не спорю, но тормоза подтянуть бы не мешало.

— Разболтались. Согласна. Самое время. Стукнуло. Но не хочу ничьей опоры. На кого опираться-то?.. Что было до Брэма, я Мише рассказала. О Брэме не смогла. С души воротит. Теперь придется. Все заодно. Пусть сам решает. Или я решу. Не хочу новых проповедей. Больше не позволю...

Она взяла пачку с остатком сигарет, но отодвинула.

— Опора! Мужчины!.. Людка встретила принца. Балдела от него. Мы ей по-хорошему завидовали: какого мужика подцепила. А он — нищий. Брэма хоть сразу видно. Коля — волк и не скрывает... А Игорек! Тьфу! Мишку жалко, конечно. Искренне старался... «Не затем, — говорит, — декабристы жен своих в Сибирь вызвали, чтобы им щи там варили»... Это о назначении женщины... «А зачем, таскать за них кандалы?» Возмутился: «Как ты можешь! Революция освободила женщину от воспитания детей, кухни, церкви. Что мне тебя — к сковородкам, пеленкам? Ты расти должна». — «Куда? Я вон какая, не ниже тебя». — «Не играй словами!» Ну и что? Детей. он принципиально не желает. Готовит его мать. Значит, ни детей, ни

кухни. А церковь — осталась: его проповеди. Он — весь в аспирантуре, науке, общественной работе, а я... свободна. Вот и получилось два фронта... Шурик хоть и горемыка у своей «Летучей голландки», да на меня богу молится. Как глаза сияют его да Каткины, жогда я прихожу. Опора я! Теперь понятно? Арестуете меня, засадите в тюрьму, а с кем они останутся? — Но беспокойство было с наигрышем.

Дождь перестал. По синему небу несло серо-белые облака, как рваные газеты. Снова подавлял шум машин. Эта часть улицы для обитателей домов была несчастливой — она шла на подъем, и машины, преодолевая его, щедро отравляли воздух выхлопными газами. Бензин боролся с озоном и побеждал.

Очень хотелось сказать этой взбалмошной, но незлой молодой женщине что-то доброе, но не мог подобрать слов. Совершила преступление, но искренняя. Изменяла мужу, неразборчива в связях, а не похожа на распущенную. Отчаянная, даже хваткая в чем-то, но не бессовестная.

— Вы искренний, неплохой человек, Лора, — сказал он.

В ее глазах появилось удивление. Как у малого ребенка, не ждавшего, но получившего подарок. Совсем не ждавшего.

— Спасибо, — сказала спокойно. И с достоинством, как будто много не ждала. От следователя. От мужчины. От постороннего человека.

Встала во весь рост. Тоненькая, ловкая. Зачем-то раскрыла сумку. Ничего не достала и щелкнула замком, как бы ставя точку. Повесила на плечо. Вздохнула. Улыбнулась. И ушла.

(Окончание следует).

Рис. И. Смирнова

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

На станцию Приволжье Северной железной дороги (Ярославская область) цистерны со спиртом часто прибывали без пломб или с неисправными запорами. Однако администрация станции, обнаружив недостачу спирта, соответствующих документов об этом не составляла. Недостача покрывалась за счет естественной убыли и некоторых излишков в других цистернах — с исправными запорами. Все это создавало возможности для хищений, которыми занимались составители поездов Г. Нефедов, Б. Индриков, В. Повалихин и другие. На рабочих местах они постоянно были в нетрезвом состоянии, но руководство станции никак не реагировало на такие грубые нарушения трудовой дисциплины.

Расхитители были привлечены к уголовной ответственности. Следствие установило, что они причинили крупный ущерб государству. Суд приговорил их к различным мерам наказания. За халатность осужден заместитель начальника станции Н. Баранов.

□

Житель Пензы В. Юдин длительное время отбывал наказание за преступление. Вернувшись домой, он организовал преступную группу из несовершеннолетних. Вместе с ними Юдин сорвал шапку у прохожего. Затем они обокрали пьяного. Во время третьего преступления их задержала милиция. Приговором Ленинского районного народного суда Юдин за вовлечение несовершеннолет-

них в преступную деятельность, кражу и грабеж осужден к 7 годам лишения свободы.

■

У жительницы Тамбовской области А. Ф. Беспаловой однажды ночью сгорели гараж и автомашина «Жигули». Автомобиль застрахован не был. Хозяйка стала искать возможность получить компенсацию. Познакомилась со страховым агентом А. Е. Стельман, договорилась с ней «задним числом» заключить договор добровольного страхования. В результате этой незаконной сделки Беспалова получила бы семь тысяч рублей, однако афера была вовремя разоблачена. Инжавинский районный народный суд приговорил Беспалову и Стельман к разным срокам лишения свободы.

■

Л. А. Соболева из Томска организовала у себя дома продажу спиртного. Для этой цели она ежедневно закупала в магазинах по 40—50 бутылок водки и перепродавала их по повышенной цене в вечернее и ночное время. Народный суд приговорил Соболеву за спекуляцию к 5 годам лишения свободы.

ИМЕНЕМ САТИРЫ!

ИРИНА СИПАЧЕВА

НОВАЯ СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ

ФЕЛЬЕТОН

Жила-была на свете Наталья Ивановна Терасимова. Работала она директором продовольственного магазина и очень любила мечтать.

Было время, когда мечтала она заработать на цветной телевизор, дубленку, стенку, а потом... Потом желание приобретать новые вещи продолжало расти как на дрожжах, а вот зарплата, к великому сожалению Натальи Ивановны, продолжала оставаться на прежнем уровне.

Помощь пришла неожиданно.

— Теть Наташ, расскажи мне сказку про золотую рыбку,— попросила ее шестилетняя племянница.

— Про какую еще рыбку? — не поняла Наталья Ивановна.

— Про какую, про какую,— удивилась девочка.— Ну, конечно, про ту золотую рыбку, которая все может.

— Ах, рыбка ты моя золотая,— обрадовалась Наталья Ивановна,— золотая рыбка — это как раз то, что мне и нужно, как это я раньше сама не догадалась.

И Наталья Ивановна со всех ног бросилась на поиски золотой рыбки. Но найти любую свежую рыбу не всегда так просто, как кажется, а золотую — тем более.

Но вот однажды, когда Наталья Ивановна устало опустилась на стул после бесполезных поисков, взгляд ее случайно упал на бочку с тихоокеанской селедкой.

— Отпусти ты меня на волю! — услышала она оттуда тоненький голосок.

— Золотая рыбка! — воскликнула директорша и чуть не подпрыгнула вместе со стулом от неожиданной радости.

Но радость оказалась преждевременной. Отодвинув массивную

крышку стокилограммовой бочки, она увидела обыкновенную селедку.

— Ну, отпусти же,— жалобно повторил тот же голосок.

— Еще чего захотела. Я-то думала, ты взаправдашняя золотая рыбка, а ты, оказывается, обыкновенная селедка. Знай свое место, сиди в бочке и молчи! — сердито отрезала директорша и погрузилась в изучение накладных.

— Что правда, то правда, рыбка я, конечно, не золотая, но селедка я тоже не обыкновенная, а редкая.

— Это для покупателей ты, может быть, редкая, а я на селедку в своей жизни насмотрелась предостаточно и не пробуя скажу, что не стоишь ты больше восьмидесяти пяти копеек за килограмм.

— Что, цена у меня на хвосте написана, что ли? — обиделась селедка.— Может, я стою рубль тридцать.

— Ну, на хвосте у тебя цены, положим, нет,— согласилась директорша,— а вот в накладной, черным по белому: восемьдесят пять копеек за «кэгэ».

— Да ты посмотри, какая я жирная да крупная, а это же смешно — продавать меня за такие деньги,— не унимался голос из бочки.— Если послушаешь моего совета и продашь весь товар по рубль тридцать, выручку получишь такую, какая золотой рыбке и во сне не снилась.

— Ну, а куда же я, по-твоему, накладную дену? — поинтересовалась Наталья Ивановна.— Как выручку возьму, ведь все деньги через кассу проходят!

— Накладную ты в сейф спрячь,— посоветовала селедка,— а уж как выручку в карман положить, сама думай, не первый день в магазине работаешь.

Думала Наталья Ивановна, думала и придумала. Вынесла она на улицу девять бочек селедки. Кассы на улице, конечно, нет, стало быть, все деньги — Наталье Ивановне прямо в карман. Посчитала она выручку и обрадовалась — 360 рублей как одна копейка. Вспомнила, что в подсобке еще 11 стокилограммовых бочек стоит — аж дух захватило.

«Если так и дальше пойдет,— прикинула в уме Наталья Ивановна,— так дно каждой бочки золотым станет. Вот так селедка!»

И, правду сказать, весь следующий день торговля шла как по маслу. Набила Наталья Ивановна свои карманы доверху трешками да десятками, аж швы на халате трещат, а селедка ей и говорит:

— Пора и честь знать, остановись, милая, пока не поздно!

— Остановись! — усмехнулась директорша,— то же мне, ты кто такая, чтобы мне указывать?

— Ну что ж,— говорит селедка,— дело хозяйское, а меня на волю отпусти.

— Ишь, чего захотела,— рассердилась Наталья Ивановна.— Не отпущу! И думать забудь!

— Да ведь ты обещала,— заплакала селедка,— слово дала!

— Мало ли кому я чего дала или не додала, и все молчат, а ты, селедка несчастная, еще голос подаешь. Молчи!

— Не буду молчать! — изо всех сил пропищала селедка.— Я на тебя пожалуюсь!

— Нашла чем пугать. Да я в торговой сети уже двадцать лет работаю, меня жалобой не напугаешь, а вот тебя за такие слова я сейчас в продажу выброшу. Через час снимут с тебя кожицу, порежут на кусочки, посыпят зеленым лучком, польют подсолнечным маслом с уксусом, да подадут на стол, вот тогда и будешь жаловаться сколько влезет.

И кончилось бы, пожалуй, так, если бы не одна старушка. Смотрела она на селедку, смотрела и купить решила.

То ли ей показалось, что ее обвесили, то ли по дороге домой селедка ей пожаловалась, кто знает? Только через час после ее ухода нагрянули в магазин добры молодцы из ОБХСС. Сделали они контрольную закупку и отправили селедку на экспертизу.

А там и установили, что селедка эта — самая что ни на есть обыкновенная тихоокеанская мелкая и красная цена ей — восемьдесят пять копеек за килограмм.

Про то, как Наталья Ивановна пыталась ключи от сейфа потерять, чтобы накладную на селедку не показывать, в сказке рассказывать не полагается, а уж про то, как она сотрудникам ОБХСС выкуп предлагала,— и подавно. Скажем только, что, когда дело до суда дошло, заплакала Наталья Ивановна настоящими горячими слезами и молвила:

— Никакой мне выручки не надо, к селедке этой подколотной в жизни близко не подойду, отпустите меня только на волю!

Рис. Н. Носова.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ПРИХОТЬ МИЛЛИОНЕРШИ

В крупном лондонском универсаме фирмы «Маркс энд Спенсер» была задержана с поличным американская туристка

Эрлин Джекобс. Эта дама укра- ла в отделе самообслуживания два плаща общей стоимостью 60 фунтов стерлингов. Каково же было удивление детективов, когда уличенная ими воровка сообщила, что у дверей магази- на ее ждет супруг, крупный американский бизнесмен. Он, действительно, ждал жену в соб- ственном роскошном «роллс- ройсе», оборудованном баром и цветным телевизором. Мистер Джекобс быстро уладил дело миром. «Что делать,— заявил он при этом.— Эрлин по-настоя- щему рада новой шляпке толь- ко тогда, когда ей пришлось разбить витрину, чтобы ее украсть. Я не могу лишиться ее этого удовольствия».

ПИРАТЫ XX ВЕКА

Владельцы судов, которые посещают Сингапур, в послед- нее время вынуждены прини- мать особые меры безопасно- сти. На палубах ставят силь- ные прожекторы, экипажи воо- ружаются, вводятся усиленные вахты. Причина в том, что в 20 километрах южнее Сингапу- ра в проливе того же названи- я есть опасное для мореходов ме- сто с рифами и мелями. Здесь капитаны вынуждены умень- шать ход. Этим пользуются пи- раты, которые стали теперь особенно многочисленными и активными. Только за девять месяцев 1981 года современные

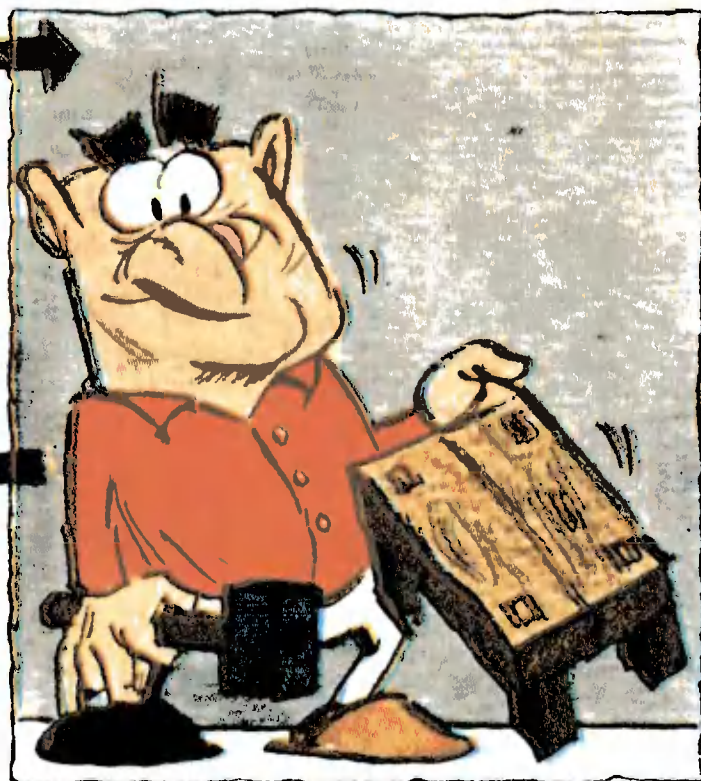
корсары напали на 74 судна и захватили их грузы.

ТРАВЕСТИ НАИЗНАНКУ

Внимательный взор таможен- ника в нью-йоркском аэропор- ту имени Кеннеди изучал пас- сажиров самолета, прибывшего

из Боготы, столицы Колумбии. Вдруг профессиональная интуи- ция чиновника выделила из очереди на досмотр девятна- дцатилетнюю (по паспорту) де- вушку, рослую, отлично сло- женную, с пышным бюстом. Что-то в этой девушке показа- лось таможеннику подозри- тельным, и он направил ее в помещение, где пассажирок ос- матривают более тщательно спе- циальные сотрудницы тамо- жни. Войдя туда, девушка вдруг покраснела и повернула назад, заявив: «Не надо... Я — мужчи- на!» В бутафорском бюстгаль- тере контрабандиста было зама- скировано 2,5 килограмма нар- котиков.

КАК «НЕСУН» ДОНОСИЛСЯ

Он, сколько мог, тащил «в семью»
И угодил на жесткую скамью...

